BX
597
.A8A3

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

ЛЕЗГИНЕЦЪ

АССАНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Assan, of Kuba

1028
291

ЛЕЗГИНЕЦЪ АССАНЪ.

Написано подъ его диктовку.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ Военной Типографіи.
1865.

BX597
.A8A3

Одобрено Цензурою. С.-Петербургъ 3 и 15-го Февраля 1864 г.

Въ седьмомъ томѣ «Современника» (1848 г.) былъ напечатанъ, привлекшій всеобщее вниманіе,—«Разсказъ лезгинца Ассана *о похожденіяхъ* своихъ», — писанный со словъ разскащика В. И. Далемъ.—Бывшій лезгинъ Ассанъ живъ донынѣ. — Если та часть жизни его, съ дѣтства до возмужалости, которая изложена въ разсказѣ этомъ, представляетъ цѣпь *«похожденій»* точно удивительныхъ, то остальная, еще не окончательная, объемлющая время съ тѣхъ поръ, около 16—18 лѣтъ, еще болѣе замѣчательна; эпизоды ея носятъ печать совершенно инаго характера.

Уясняя, непонятное въ то время, разумное значеніе первой части жизни, эта, вторая ея часть, обращаетъ простыя *«похожденія»* той, въ исполненныя глубокаго поученія *проявленія* Высшей воли, дивными путями и многообразнѣйшими попущеніями смотрительно клонящей человѣка къ единой важной цѣли его существованія. Она обнаруживаетъ неусыпное, безостановочное дѣйствіе той Божественной любви къ душѣ человѣка, неизмѣримая въ благости премудрость которой, не рѣдко признаетъ необходимымъ употребленіе именно тѣхъ средствъ, противъ которыхъ съ крайнимъ негодованіемъ возмущается кичливая самомнительность чувства будто-бы достоинства нашего, и которые, съ воплями страсти, всевозможными изворотами мудрованій

и отчаянными усиліями воли, отвергаются нашею гуманностью, т. е. любовью къ человѣку, только по плоти, стало-быть любовью только къ плоти, къ ея удобствамъ, довольствамъ и отрадамъ. — Та любовь—ведетъ душу къ блаженству вѣчному, хотя бы чрезъ лишенія, скорби и погубленіе всѣхъ отрадъ тѣла, — если достиженіе высокаго назначенія сего признается Божественною благостью невозможнымъ иначе; — эта—ведетъ и душу къ погибели вѣчной, лишь бы вдоволь упоить и напитать животненныя похоти наши, возможнымъ избыткомъ какихъ бы то ни было плотскихъ удобствъ и наслажденій.

Чтеніе этихъ двухъ частей жизни Ассана вмѣстѣ необходимо должно представить истинно здравомыслящему повѣсть, привлекающую не любопытство лишь ума, но пробуждающую дѣятельность способностей души, несравненно болѣе важныхъ..... Каждый изъ насъ не тотъ-ли же Ассанъ?—Дѣло не въ большей или меньшей эффектности явленій, драматизмѣ событій, размѣрахъ сцены, на которой совершаются дѣйствія; не въ очеркѣ, не въ формѣ, не въ обстановкѣ; не въ умѣ,—а въ разумѣ; не въ лицѣ по міру, а въ лицѣ по духу.—Дѣло въ томъ, умѣлъ-ли каждый не отказаться отъ единственнаго высшаго достоинства разумности: отъ вѣры въ всеобъемлющее участіе Божественнаго Провидѣнія, исключающей понятіе о безцѣльныхъ находахъ и сцѣпленіяхъ будто-бы случайностей, во времени, только на время и безслѣдно для цѣлей конечныхъ; какъ измѣнчивые порывы и гулы вѣтра, движенія волнъ или рябь зыби?—Дѣло въ томъ, умѣлъ-ли, научился-ли человѣкъ,—

столько тысячъ лѣтъ образующій себя,—собирать внутрь, разсѣваемый имъ во внѣшность, неоцѣнимый, Божественный даръ созерцанія? Умѣлъ-ли онъ, вмѣсто того, чтобъ чувствовать умомъ, разсуждать сердцемъ?.....

Ассанъ, какъ мы сказали, живъ; онъ переступилъ уже за полвѣка жизни, съ самаго юношества испытанной на такомъ оселкѣ, который долженъ былъ, не смотря ни на какую крѣпость закалки, стереть первоначальное лезвее и наточить совершенно новое. Въ постоянныхъ сношеніяхъ мы слѣдили его жизнь, не внѣшнюю лишь, такъ сказать шагъ за шагомъ, въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Онъ перечиталъ ту первую часть своихъ *«похожденій»*; мѣстами возстановилъ опущенное въ то время, разъяснилъ или добавилъ нѣкоторые эпизоды тогдашняго разсказа и продиктовалъ намъ вторую часть своей жизни.—Въ свѣжей памяти его и горячемъ, уже не къ тому что прежде, сердцѣ, всѣ до малѣйшихъ, обстоятельства жизни выжжены нерушимо;—что весьма понятно.

Въ то время, какъ это печатается, онъ вступаетъ очевидно въ новую, третью часть жизни, все такъ же чудно ведомой Провидѣніемъ къ цѣли, одному Богу извѣстной.—«Чтый—да разумѣетъ;—имѣяй очи видѣти и уши слышати—да видитъ и слышитъ.»

А. Б.

1864 г.

ЛЕЗГИНЕЦЪ АССАНЪ.

(Писано съ собственныхъ его словъ.)

—

I.

Я лезгинъ; родился въ городѣ Кубѣ, гдѣ отецъ мой Маймадъали проживалъ съ малыхъ лѣтъ; отъ моей матери Огланъ-бажи, у него было четверо дѣтей—два сына и двѣ дочери. Меня любили не только свои, но и посторонніе, особенно-же за то, что я всегда жалѣлъ другихъ; называли меня добрымъ и щедрымъ ребенкомъ; часто однако и бранили, за неудержимую горячность и сильное упрямство. Когда желали принудить меня къ чему силой, или если я вступался за свою или чужую обиду, справиться со мной было трудно. Я не терпѣлъ наказаній и робокъ былъ только до пихъ; но если меня наказывали напрасно или только въ сердцахъ и по злобѣ, дерзости моей и неукротимой непокорности не было границъ.

По одной изъ тѣхъ давнишнихъ семейныхъ ссоръ, которыя у насъ не рѣдкость, отецъ мой убилъ кубинца Сафербека; это принудило его скрываться у горцевъ Дагестана, оставивъ семейство въ селеніи Мангуликендѣ, не очень отдаленномъ отъ Кубы. Онъ скитался тамъ по лѣсамъ, куда я носилъ ему пищу и передавалъ извѣстія о своихъ. Жители Мангуликенда знали дѣло, но, по существующему обычаю, не мѣшались, не выдавали моего отца. Могла-ли не надоесть такая жизнь? Скиталецъ началъ упрашивать старшинъ селенія помирить его съ врагами, тремя братьями убитаго имъ Сафербека. Куда! Какой миръ? Какое согласіе?... Напротивъ того, узнавъ что

отецъ скрывается не вдалекѣ, они горячо принялись отыскивать его. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ. Разъ вечеромъ я возвращался отъ отца, неся посуду, въ которой ему послали со мною пищу; уставъ, я только-что присѣлъ отдохнуть у тропинки, когда увидѣлъ трехъ заклятыхъ кровоместниковъ — враговъ моего отца, братьевъ убитаго имъ Сафербека... Скрыться было невозможно; къ счастью я успѣлъ спрятать посуду въ густую траву и, вставъ, спокойно пошелъ своимъ путемъ. Они однако, остановивъ меня, стали допрашивать чей я, куда, за чѣмъ ходилъ въ лѣсъ, и т. п. По выраженію ихъ, догадываясь что они меня знаютъ, я рѣшился назваться; но сказалъ, что мать посылала меня въ другую деревню къ теткѣ. Подозрѣвая ложь или просто рѣшась, при удобномъ случаѣ, покончить съ сыномъ врага, одинъ изъ нихъ, приставилъ свой кинжалъ въ упоръ моей груди и требовалъ тотчасъ сознаться во всемъ. Намъ все равно,—сказалъ онъ,—что отецъ, что сынъ; онъ скрылся, попался ты! Въ испугѣ я ухватился за остріе кинжала и сильно поранилъ себѣ руку. Постой, не рѣжь его, онъ все скажетъ намъ,—говорилъ другой братъ Сафербека. Надежда на избавленіе отъ смерти побудила меня увѣрять ихъ, что скажу все, а они, допрашивая, все-таки поранили меня, хоть и не глубоко, нѣсколько разъ въ грудь. Я подтвердилъ, что точно ходилъ къ теткѣ; но, сознавая, что отецъ скрывается въ лѣсахъ не очень далеко, назвалъ однако-же не то мѣсто, гдѣ онъ находился.

Такъ побившись со мною, порѣзавъ меня и болѣе ничего не вывѣдавъ, двое младшихъ, сжалясь на мой плачъ, послушали старшаго брата, которой уговаривалъ ихъ отпустить меня, какъ глупаго мальчика. Хорошо,—сказали они,—ступай, не стоитъ марать рукъ; отецъ твой отъ насъ не ускользнетъ. Я возвратился домой весь въ крови; мать обмыла и перевязала мои раны. Вѣсть объ этомъ, дошла до отца,—онъ на другой же день пришелъ въ селеніе, собралъ стариковъ и долго толковалъ съ ними, убѣждая ихъ снова непремѣнно помирить его съ братьями Сафербека.

Старики не отвергли просьбы. Разсуждая, что за проступокъ молодости своей отецъ мой уже много лѣтъ скитается по чужимъ

мѣстамъ, бродя среди горъ и въ лѣсахъ, да что и въ проступкѣ томъ не онъ былъ первымъ виноватымъ, — они сжалились, употребили всѣ возможныя средства и успѣли убѣдить кровоместниковъ. Ударили по рукамъ на мировую, приняли подарки, и по обычаю нашему, взявъ къ себѣ въ гости бывшаго врага, отца моего, примирившіеся угощали и держали его у себя два мѣсяца, не только какъ самаго близкаго, но какъ роднаго человѣка. Послѣ этого, мы могли перейти на спокойное житье въ старое наше урочище, въ деревню Гадазихоръ, гдѣ и питались, отъ сада и пашни, года два мирно и безбѣдно. На третій годъ сдѣлалось тревожно; я подросталъ, вступилъ въ двѣнадцатый годъ и очередь доходила уже до меня.

Въ деревнѣ нашей была канава, пущенная изъ рѣки Гусарчай, на ней устроена была мельница, а какъ водой изъ рѣчки этой пользовались всѣ жители, то плотины оберегались и поддерживались общими силами. Въ дурную весну, когда вода была сильная и бойкая, потребовалось запрудить прорывъ, чтобъ не дать времени вреду сдѣлаться не исправимымъ; жители селенія Мангуликенда, гдѣ мы прежде находились, пришли для прудки, и просили помощи отъ нашихъ. Наши не дали помощи, потому что народъ почти весь былъ тогда въ полѣ. Раздосадованные этимъ, тѣ затѣяли ссору, потомъ драку, какъ у насъ всегда бываетъ, и съ злобы начали ломать мельницу. Отчаянный мельникъ, видя совершенное разореніе, выскочилъ съ молоткомъ въ рукѣ, и съ розмаха ударивъ имъ въ лобъ одного человѣка, убилъ его на мѣстѣ.—Это у насъ не рѣдкость! Началась кровавая драка. Изъ деревни нашей сбѣжались всѣ, кто былъ дома; пошла рукопашная горячая работа и кончилась убійствомъ, ранами и увѣчьемъ немалаго числа людей! Я съ товарищами—пятеро малыхъ, да двое взрослыхъ—купались въ это время въ канавѣ; изъ любопытства, выскочивъ на крикъ, мы прибѣжали на побоище. Ребятишки взглянувъ на свалку, разбѣжались; а двое большихъ, замѣтивъ, что сторожъ ближняго сада не утерпѣлъ, оставилъ свое мѣсто и тоже вмѣшался въ общее дѣло,— шмыгнули въ его садъ красть плоды.

Нашихъ было, какъ я сказалъ, не много въ побоищѣ этомъ; одолѣть Мангуликендцевъ имъ было не подъ силу—они начали убираться, оставивъ тутъ пятерыхъ убитыхъ, да одного тяжело раненаго, который свалился въ канаву. Увидѣвъ этого, почти умиравшаго, разъяренные непріятели наши накинулись на него и начали его рубить безпощадно! Досада и жалость взволновали мою кровь; схвативъ желѣзную лопату, я ударилъ ею, что было силы въ голову одного изъ добивавшихъ раненаго. Меня схватили, узнали, такъ какъ мы прежде жили въ ихъ деревнѣ, и премного дивились моей смѣлости и силѣ (мнѣ былъ тогда двѣнадцатый годъ), величая меня молодцомъ; однако же меня держали крѣпко и собирались жестоко наказать. Я плакалъ, кричалъ, злился, кусалъ и дралъ зубами руки удерживавшихъ меня; они то уговаривали, то стращали, то смѣялись... Между тѣмъ драка окончилась; всѣ разошлись по домамъ, не помысливъ о томъ, что пришли для нужной работы, вмѣсто которой оставили тутъ убитыхъ, да изуродованныхъ. Подъ общій шумъ, я вырвался, бѣжалъ—за мною не погнались. Въ сторонѣ по одаль, какъ всегда, стояли наши женщины; онѣ видѣли какъ двое взрослыхъ, что купались со мной, отправились красть плоды,—и вечеромъ послѣдовала расправа. Всѣхъ насъ привели на сходку стариковъ; меня хвалили, учили впредь всегда такъ дѣлать; а тѣмъ, которые воспользовались дракой для кражи, наплевали въ глаза и съ упреками прогнали ихъ. Долго и усердно упрашивалъ изъ нихъ одинъ, чтобъ его не безчестили, обязываясь за это идти мстить непріятелямъ; но старики не простили! У насъ это такъ важно, что онъ рѣшился съ досады утопится, и исполнилъ бы свое намѣреніе непремѣнно, еслибъ не былъ упрошенъ сестрою, которая совѣтывала ему лучше убить кого нибуть изъ Мангуликендцевъ, чтобъ съ него было снято безчестіе, за храбрость такого поступка.

Съ тѣхъ поръ нашими было положено на совѣтѣ признавать Мангуликендцевъ врагами и мстить имъ за кровь кровью! Но вотъ что случилось: трое изъ нихъ, идя съ другими на работу, задержались въ пути,—отстали и прошли горой по другой, дорогѣ, гдѣ никого изъ своихъ не видали, а потому явились къ намъ въ деревню, ничего не

зная о произшедшей дракѣ. Какъ знакомые, они прямо вошли къ моему отцу, который, разсказавъ имъ все случившееся, не позволилъ выходить изъ дому до ночи; но ихъ уже видѣли, и тотчасъ же по деревнѣ разнеслась вѣсть, что отецъ мой укрываетъ въ домѣ непріятелей, которыхъ слѣдуетъ выдать.

Явились посланные. Отецъ представлялъ имъ что нѣтъ ни закона, ни обычая, ни возможности выдать гостей изъ подъ своей кровли; что онъ самъ въ теченіе многихъ лѣтъ, искалъ и всегда находилъ защиту отъ враговъ подъ кровомъ этихъ людей. Просьбы были тщетны; собравшійся народъ настоятельно требовалъ немедленной выдачи не смотря ни на что. Тогда отецъ рѣшительно объявилъ міру, что могутъ, если хотятъ, вырѣзать все его семейство, но что онъ друзей своихъ не выдастъ, потому что гость есть родственникъ не только самый близкій, но священный. Старики разсудили что отецъ правъ; они только взяли съ него обязательство впредь незнаться съ общими врагами. Въ то же время были разставлены въ разныхъ мѣстахъ люди, съ строгимъ завѣтомъ убить этихъ трехъ человѣкъ, когда они оставятъ саклю нашу. Особеннымъ стараніемъ моего отца, двое изъ его гостей, ночью, благополучно избѣгнувъ опасности, добрались домой; третьему-же это не удалось. Перелезая черезъ плетень виноградника, въ которомъ засѣли наши, чтобъ стеречь враговъ—онъ былъ убитъ ими.

Время шло; я росъ; мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ (въ 1828 г.); отецъ мой и мать умерли отъ холеры, мы остались сиротами—я, братъ Сафаръ и сестры Гюльбинé и Тюменъ-ага, одиннадцати и четырехъ лѣтъ. Мы были отданы обществомъ подъ опеку дядѣ нашему, Ассану. Въ Гадазихорѣ у меня была внучатная тетка, жена пастуха. Разъ она просила меня переночевать у нихъ, боясь остаться одна, такъ какъ мужъ ея угналъ овецъ далеко въ горы и не могъ возвратиться домой на ночь. Свекровь узнала объ этомъ, и подозрѣвая невѣстку, передала свои догадки двумъ своимъ сыновьямъ, братьямъ мужа моей тетки. Не заботясь о дальнѣйшемъ разбирательствѣ, они приняли клевету злой старухи за истину. На другой же день, когда я разговаривалъ на улицѣ съ двумя знакомыми,

вдругъ теткины деверья, съ кинжалами въ рукахъ, пристально глядя мнѣ въ глаза, шли на меня прямо. Очень хорошо понимая ихъ намѣреніе и вѣрно зная, что ихъ кинжаламъ неизбѣжно назначено быть въ моей груди, я сталъ просить защиты у двухъ разговаривавшихъ со мною; они тотчасъ стали передомною, а я прислонился къ забору. Отойдите отъ виноватаго,—сказали тѣ,—вамъ не слѣдъ закрывать его собою. Товарищи мои отвѣчали, что не знаютъ въ чемъ я могъ быть виноватъ, а что двоимъ съ ножами и ружьемъ стыдно напасть на мальчика. Мы не за тѣмъ пришли,—сказали тѣ,—чтобъ бороться или сражаться съ нимъ, а чтобъ просто убить его, онъ виноватъ и намъ слѣдуетъ его убить. Въ тоже время одинъ изъ нихъ взвелъ курокъ, вскинулъ ружье въ припоръ на меня, выстрѣлилъ; но я успѣлъ оттолкнуть дуло, и пуля свистнула мимо моего плеча. Между тѣмъ другой, оттолкнувъ одного изъ моихъ защитниковъ, замахнулся на меня огромнымъ двустороннимъ лезгинскимъ кинжаломъ; — я быстро отскочилъ въ сторону и, выхвативъ свой кинжалъ, разсѣкъ нападающему плечо — онъ рухнулся съ отчаяннымъ крикомъ! Товарищъ его въ ту же минуту съ налета ударилъ меня стволомъ ружья по головѣ; я облился кровью, но устоялъ, только покачнувшись назадъ. Онъ сильно обхватилъ меня, хотѣлъ повалить, но я тоже стиснулъ его со всею силою крайняго отчаянія и дернулъ своимъ кинжаломъ вдоль его спины, во весь просторъ бѣшенаго размаха!... Рана была огромнѣйшая; онъ упалъ весь въ крови. Народъ сталъ сбѣгатся на крикъ; а какъ дядя мой также явился тутъ, то одинъ изъ родственниковъ раненыхъ ударилъ его такъ сильно, что онъ свалился; я подбѣжалъ было для защиты, но меня окружили и удержали. Въ эту минуту прибылъ другой дядя мой, Улъ-ага, старшина нашей деревни; не зная порядочно въ чемъ дѣло, онъ кричалъ на народъ, приказывая раступиться, а мнѣ дѣлалъ знаки бѣжать. Я бросился какъ звѣрь въ толпу, съ кинжаломъ въ рукѣ, очищая себѣ дорогу; всѣ раступились, но старикъ, тоже родственникъ раненыхъ, ловко схвативъ меня, хотѣлъ задержать... Весь въ крови отъ сильной раны на головѣ, я еще не терялъ ярости и, замахиваясь кин-

жалмъ на старика, уже высвободился изъ его рукъ, когда изъ толпы другіе опять бросились, чтобъ перерѣзать мнѣ дорогу... Еслибъ меня удержали, я былъ бы непремѣнно убитъ тутъ; но, къ счастью, дочь этого старика, молоденькая дѣвушка, Гюзель, сжалясь надо мною, бросилась и оттолкнула отца своего съ крикомъ: оставь! оставь, онъ тебя убьетъ! ... Она меня спасла!.... Перескочивъ черезъ плетень, я скатился немного подъ гору и, согнувшись дугой, опять взобрался нѣсколько по выше, почти противъ нашего двора; тутъ старшая моя сестра увидѣла меня, она уже вела мнѣ жеребца и несла забытую мною въ попыхахъ шапку. Я вскочилъ на коня и ускакалъ.

На горѣ, покрытой лѣсомъ, довольно уже далеко отъ селенія нашего, но откуда оно еще было видно, я остановился; толпы народа, суетившагося вокругъ саклей, роились какъ муравьи; иные взлѣзали на кровли, другіе бѣгали, оглядывая окрѣстность, вѣроятно въ намѣреніи отыскать меня. . . Внутреннее волненіе, по немногу улегаясь, дозволило мнѣ по-обдумать о случившемся, да заглянуть и впередъ. . . Не ужели и я, какъ бѣдный мой отецъ, буду до старости скитаться по лѣсамъ, боясь, хоть ночью, зайти когда-нибудь подъ родной кровъ? . . . Я поговорилъ съ жеребцомъ, погладилъ его, потрепалъ, обвилъ поводья вокругъ его шеи и съ грустью отпустилъ его домой. Добрый конь послушно отправился; но оборачивался не разъ, умильно глядя и какъ будто спрашивая, не подзову-ли я его. Старикъ, изъ нашихъ, шелъ въ лѣсъ; что дѣлается у насъ,—спросилъ я?—Что дѣлается? Да то, что ты бѣдный Ассанъ надѣлалъ,—отвѣчалъ онъ,—съ сожалѣніемъ глядя на меня, окровавленнаго съ головы до ногъ; ты двухъ человѣкъ зарѣзалъ; они еще живы, но врядъ-ли на долго. Бѣги скорѣе безъ оглядки; здѣсь кругомъ, подъ самой деревней, тебѣ Ассанъ не сдобровать!—Кто-жъ виноватъ? не я зачалъ дѣло; лучше пусть умрутъ оба зачинщика, нежели одинъ невинный, — отвѣчалъ я. Старикъ досталъ труту, которымъ я унялъ кровь сочившуюся изъ раны и отправился далѣе. Пройдя около двадцати верстъ до деревни, въ которой жилъ лезгинъ, бывшій прежде въ Гадаихерѣ

работникомъ, я рѣшился зайти къ нему. Осторожно оглядѣвъ кругомъ и въ окна и не замѣчая лишнихъ людей, я постучался. Лезгинъ вышелъ сперва одинъ; испуганный моимъ видомъ онъ тотчасъ скликалъ семью и пошли распросы, разсказы, удивленье!... Меня обмыли, перевязали раны, накормили, одѣли въ другое платье. Пока я оставался тутъ, съ недѣлю, хозяинъ не отказалъ мнѣ побывать въ Гадазихорѣ, чтобъ узнать что тамъ дѣлается. Опекунъ Ассанъ, мой дядя, былъ подъ карауломъ; другому старшинѣ Улъагѣ было приказано непремѣнно сыскать меня гдѣ хочетъ, и не позже какъ черезъ недѣлю представить суду,—иначе его самаго назначено судить, какъ давшаго мнѣ средство скрыться.

Наслушавшись извѣстій, принесенныхъ хозяиномъ, добрая, укрывшая меня семья, совѣтывала мнѣ тотчасъ же бѣжать далѣе, зная чѣмъ кончится расправа. Я смолчалъ;—моя мысль хваталась за другое... Я въ этотъ же день отправился домой и вечеромъ стоялъ подъ окномъ нашей сакли. Въ ней былъ слышенъ голосъ моей тетки; она сильно бранила меня, какъ виновника въ томъ, что ея мужъ Ассанъ, мой дядя, былъ посаженъ подъ караулъ. Стукнувъ въ дверь, я взошелъ; тетка замолчала. Не слѣдуетъ,—сказалъ я,—племяннику учить тетку, однакоже видно не даромъ Богъ подвелъ меня въ это время подъ окно сакли—послушай же и постыдись! Развѣ я зачалъ ссору; развѣ я виноватъ? что же? по твоему мнѣ стало быть нужно было позволить зарѣзать себя какъ барана?... Никогда этого не будетъ!... Дядю Ассана я не покину, ты видишь я пришелъ добровольно самъ; ступай-же объяви что я здѣсь, выкупай своего мужа.—Теткѣ сдѣлалось стыдно, она скрылась въ свое женское отдѣленіе; пошли распросы; обниманьямъ съ братомъ и сестрами не было конца.

Слѣдовало самому разузнать о происходившемъ; я вышелъ. Невдалекѣ отъ нашего дома обжигали камни на извѣсть; расположившійся во кругъ огня народъ толковалъ громко. Ночь была темная, вѣтреная; огонь и дымъ слѣпили глаза. Я подошелъ къ людямъ близко, не замѣченный ими. Разговоръ продолжался. Чему дивиться,—говорилъ старикъ,—просторъ вокругъ большой, ушелъ онъ

конечно какъ можно дальше, потому что ему хорошо извѣстно чѣмъ дѣло кончится.—Молодой изъ кружка замѣтилъ: ты называлъ тутъ извѣстнаго воина, кто-жъ это такой новый, извѣстный воинъ; я не слыхалъ о немъ.—Не слыхалъ? Полно! А тотъ, что не поддался двоимъ, изранилъ ихъ, всѣмъ вамъ наплевалъ въ глаза и ушелъ себѣ!—Ну, не всѣмъ,—отвѣчалъ молодой,—меня тамъ не было; а еслибъ я былъ изъ родни раненыхъ, отвѣчаю, воинъ этотъ не пожилъ бы и одного дня.—Полно хвастать! Знаемъ мы тебя близко, да и его не меньше. Прямо скажу тебѣ, что еслибъ ты увидѣлъ его, такъ сталъ бы по просту собирать подъ ногами ягоду—это вѣрнѣе! Молодой осерчалъ; тутъ впутался другой пожилой; никого, сказалъ онъ, до поры судить не нужно; придетъ случай, тогда и увидимъ.—Да, увидимъ,—кричалъ молодой; ну, чуръ-же, не пеняйте тогда; пусть онъ явится, а что тамъ выйдетъ,—увидите сами; вспомните только что вы сами вызвали меня!

Я показался, громко поздоровался и просилъ позволенія присѣсть погрѣться. Всѣ чрезвычайно удивились; потомъ стали поглядывать то на меня, то на молодаго хваступа, который, какъ будто ни въ чемъ, сидѣлъ себѣ. А что Ассанъ,—спросилъ старикъ,—ты не слыхалъ о чемъ мы тутъ вели рѣчь?—Гдѣ мнѣ слышать, я сей часъ только подошелъ. Помолчали; молодой, не поднявшій на меня ни разу глазъ, вскорѣ всталъ и отправился домой. Да ты вѣрно же слышалъ нашъ разговоръ?—спрашивали они меня. Неслыхалъ; я говорю вамъ, что увидя огонь, сей часъ только подошелъ погрѣться. Пошли распросы—какъ, что случилось? гдѣ я былъ, что дѣлалъ?. . . Пока толковали, явился мой двоюродный братъ съ обѣими сестрами; повидавшись, они просили меня удалиться, считая это мѣсто опаснымъ.

Я распростился и отправился къ дому старшины, другаго моего дяди; хотѣлось, да и надобно было, разузнать вездѣ, что толкуютъ и какъ настроены умы. Дядя съ семействомъ садились ужинать, я могъ разслышать какъ онъ съ соболезнованіемъ вспоминалъ о мнѣ. Бѣдняга раненъ въ голову, — говорилъ дядя, — и можетъ

быть гдѣ нибудь, въ лѣсной трущобѣ истекъ уже теперь кровью; тамъ и костей его не отыщемъ.—На эти добрыя слова я вдругъ вошелъ; дядя перепугался столько же, сколько обрадовался. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ его возили въ городъ и какъ строго комендантъ приказалъ ему, непремѣнно, не далѣе какъ въ теченіе мѣсяца, сыскать и представить меня въ судъ. Дядя совѣтывалъ мнѣ, не откладывая въ долгій ящикъ, отправится съ нимъ.—Я тебя не принуждаю,—сказалъ онъ,—а думаю что такъ нужно, впрочемъ разсуди самъ; виноватъ ты не будешъ,—коменданту все извѣстно по правдѣ; знаетъ онъ, что не ты былъ зачинщикомъ, да и что раненые тобою не умрутъ, а оправляются по маленьку. Только братъ тяжела видно у тебя рука; одному ты распоролъ всю спину вдоль, другому сбрилъ мясо отъ плеча до локтя!—Посидѣвъ съ ними, я вышелъ, чтобъ исполнить другое намѣреніе.

Не даромъ же спасла меня Гюзель, во-время оттолкнувъ своего отца. Не только нужно было узнать что у нихъ дѣлается, но сильно хотѣлось и взглянуть на нее. . . Засматривая въ ихъ окно, я увидѣлъ, при огнѣ, все семейство, кромѣ Гюзели; тутъ-же сидѣлъ и младшій братъ двухъ мною раненыхъ; они толковали о мнѣ. Только бы развѣдать, говорили они, мѣсто, гдѣ онъ укрывается, комендантъ дастъ казаковъ и захватимъ. Вошла Гюзель, но отецъ съ сердцемъ приказалъ ей выйти; вскорѣ появился и хвастунъ, видѣвшій меня въ Гадазихорѣ у огня; не успѣвъ тамъ, онъ надѣялся не будетъ-ли удачи тутъ.—Соберемъ, говорилъ онъ, людей, возьмемъ родныхъ, пастуха и схватимъ Ассана; онъ и тамъ, не знаю какъ, ускользнулъ отъ меня, а то я раздѣлался бы съ нимъ по своему!—Сильно рвалось у меня сердце обличить его тутъ, однако разсудокъ перемогъ; нужно было осторожно узнать еще о многомъ, а новая ссора, разумѣется, опять довела бы до ножей.

Я желалъ непремѣнно видѣть Гюзель, и потому поджидалъ, чтобъ въ домѣ улеглись. Когда огни въ саклѣ погасли и оставался свѣтъ только въ небольшой избѣ, гдѣ жила Гюзель съ сестрою и еще съ одной женщиной, я подошелъ. . . Онѣ собирались спать;

на просьбу младшей сестры разсказать ей сказку, Гюзель начала историю нападенія на меня двухъ здоровыхъ молодцевъ съ кинжалами и ружьемъ; она живо описала какъ я, чуть не ребенокъ, смѣло боролся съ ними, ранилъ обоихъ, потомъ отбился отъ цѣлой толпы и скрылся. Ассанъ здѣсь, замѣтила другая женщина— онъ въ деревнѣ, Гюзель; отецъ твой собирается просить команду, чтобъ захватить его и выдать начальству. Еслибъ я увидѣла его, говорила Гюзель,—со слезами я не покинула бы его, я не отстала бы отъ него, пусть лучше онъ закололъ бы меня своею рукою! Житье-ли мнѣ теперь дома? Отецъ, родные, мучаютъ, бьютъ меня, терзаютъ—а за что? Развѣ человѣкъ можетъ любить или нелюбить по своей волѣ?... Я сердечно жалѣлъ о доброй, спасительницѣ моей, однако я понималъ, что если мы свидимся тутъ, отецъ ея узнаетъ это и я самъ буду причиной ея гибели. Скрѣпя душу, я выждалъ, и когда въ домикѣ всѣ улеглись, огонь погасили, я осторожно перелѣзъ черезъ изгородь и отправился къ дядѣ своему, старшинѣ.

Утромъ рано открываю глаза и невѣрю себѣ! Тутъ, передомною, Гюзель въ слезахъ, смотритъ на меня?... Замѣтивъ, что я проснулся, она тихо отошла въ сторону. Сердце мое сжалось жалостью. Гюзель, о чемъ же ты плачешъ?—спросилъ я, подойдя къ ней, — утѣшся моя добрая!—О чемъ?—отвѣчала она,—мнѣ стало стыдно за отца, когда онъ хотѣлъ удержать тебя въ то время, какъ ты, бѣдный, моложе и слабѣе ихъ всѣхъ, отбился отъ цѣлой толпы, съ яростью бросавшейся на тебя, и раненый, облитый кровью бѣжалъ. Не подумавъ, что я дѣлаю, я сильно оттолкнула отца... теперь мнѣ нѣтъ ни минуты покоя! Меня оскорбляютъ, меня бьютъ и тиранятъ!... Возьми меня Ассанъ; я буду тебѣ рабой; а если не хочешъ этого, то убей меня самъ!...

Такъ, Гюзель, — отвѣчалъ я, — такъ; точно, мнѣ осталось бы только самому заколоть тебя, чтобъ спасти отъ злодѣевъ, еслибъ я оставилъ тебя при себѣ; ихъ много, а я одинъ и безсильный. Что же мнѣ дѣлать Гюзель?... Не плачь добрая! Смотри, ты скорбишъ; многіе теперь, многіе между нами веселятся; все обойдется

прійдетъ время, что послѣ слезъ, можетъ быть, и ты будешъ въ радости.

Дядя вошелъ, чтобъ узнать готовъ-ли я ѣхать въ городъ. Гюзель бросилась къ его ногамъ, упрашивала не выдавать меня, взять ее съ собою; потомъ сѣла на коверъ и, закрывъ лице руками, горько рыдала. . . Мы скоро вернемся, — говорилъ ей дядя; утѣшся Гюзель, я знаю что все кончится хорошо — я знаю это; о чемъ печалиться прежде времени.

Мы отправились въ путь.

Отецъ Гюзели и двое родственниковъ предварили насъ; они уже объявили что я нахожусь въ Гадазихорѣ. Прибывъ мы ждали поразнымъ угламъ, что будетъ. . . Явился есаулъ, чтобъ позвать меня въ судъ. Я поклонился коменданту; по его приказанію мнѣ было прочитано показаніе. Такъ-ли, — спросилъ онъ, — изъ того-ли вышла у васъ ссора и драка? — Точно такъ, отвѣчалъ я. — Ну, объясняйже, что можешъ, въ свое оправданіе. — Говорить мнѣ нечего, властный господинъ, — сказалъ я коменданту; — тутъ показано все вѣрно, суди меня по этому, — ты замѣтишъ самъ, что среди бѣлаго дня двое сильныхъ людей напали на меня, а за что? — такъ, ни за что! Одинъ ужь выстрѣлилъ когда я еще и не вынималъ кинжала изъ ноженъ; скажи, нужно-ли было мнѣ защищаться или позволить зарѣзать себя какъ барана? По какому праву они хотѣли меня убить, разсуди самъ?

Судъ призналъ меня правымъ; противникамъ же моимъ было объявлено, что они одни кругомъ виноваты во всемъ передъ Богомъ и людьми; строго приказано имъ было не смѣть и помышлять о кровомести, а благодарить, что ихъ оставляютъ безъ наказанія, только за понесенныя ими раны, которыми они сами наказали себя добровольно. Одинъ изъ судей сказалъ, что и мнѣ нуженъ урокъ, а потому приказали держать меня подъ карауломъ, пока раненые не выздоровѣютъ; дядю-же отпустили. Я высидѣлъ въ острогѣ три мѣсяца. Изъ злобы на меня непріятели мои не щадили собственнаго тѣла; они натирали свои раны солью и всячески растравляли ихъ, чтобъ задержать меня въ острогѣ; но дядя

мой провѣдалъ это и изобличилъ ихъ, а то неизвѣстно когда бы меня выпустили; у насъ такія штуки не рѣдкость! Послѣ всего, двухъ противниковъ моихъ вытребовали на очную со мной ставку въ Кубу, и тутъ комендантъ приказалъ намъ помириться въ его присутствіи.

Простите меня,—сказалъ я, кланяясь и протягивая руку моимъ врагамъ;—забудьте мою вину, какъ я не помяну вамъ вашей; пусть будетъ миръ между нами!—Куда! Куда! Они съ сердцемъ отвернулись отъ меня.... А! Такъ вотъ вы какъ! — грозно закричалъ комендантъ,— вы первые виноваты во всемъ, напавъ на мальчика вдвоемъ съ оружіемъ,— вы и ранены только потому, что онъ не дался вамъ на убой,— а теперь вы не хотите мириться, за свою же вину; вы не хотите простить уже наказаннаго?! Хорошо! Знайте-же, кто изъ васъ осмѣлится тронуть его, будетъ наказанъ безпощадно!

Ихъ выгнали, а мнѣ дали охранный листъ, и, съ этого дня, я болѣе года жилъ спокойно, занимаясь хозяйствомъ. Любовь Гюзели ко мнѣ, ея рѣшимость, печаль и страданіе въ домѣ, сильно меня трогали. Я хотѣлъ жениться на ней, но нуженъ былъ калымъ—а гдѣ же мнѣ бѣдному было его взять?..., Да и то еще, еслибъ я былъ и богатъ, думаю, отецъ ея не взялъ-бы никакого отъ меня калыма. Точно, по остервѣнелой злобѣ на меня, онъ отправилъ свою дочь въ дальную деревню къ родственникамъ.

II.

Неурожай посѣтилъ хлѣбородныя земли, и страшный голодъ охватилъ горы въ 1831 году. Въ нашемъ домѣ хлѣба запаснаго оставалось очень мало; почти весь мы роздали въ ссуду еще бѣднѣйшимъ, чтобъ не голодали тогда, теперь когда голодали чуть не всѣ, разумѣется, розданнаго хлѣба собрать было невозможно. Что было дѣлать?!.... Голодъ продолжался три года. Вспомнить страшно; что тутъ было! Сколько погибло народа! Чего ни настрадались люди!..... Набивали себѣ кишки мохомъ, корой, травой,

землей—чѣмъ попало; хватались за все, чего ни какое животное не можетъ проглотить! Насъ жило осьмеро, довольно душъ, довольно желудковъ! Дядя мой Ассанъ, съ женою и тремя дѣтьми, да я съ братомъ и двумя сестрами. Голодъ довелъ насъ до того, что нечего было разсуждать тѣмъ-ли, другимъ-ли способомъ, нужно было добыть хлѣба, во что бы ни стало.

Отецъ завѣщалъ мнѣ отличное ружье, оно было заплочено имъ 25 червонцевъ; — взявъ его я отправился къ отцу Гюзели. Первою мыслью моею было просить у него хлѣба, не только въ займы, но хоть за деньги или подъ залогъ этого ружья, для меня прямо безцѣннаго. Кромѣ того что человѣкъ этотъ былъ несравненно богаче другихъ, я разсчитывалъ на то, что такое положеніе наше и смиренное обращеніе къ нему врага, польстятъ его гордости и дадутъ ему случай выказать свое великодушіе. Не на такого я напалъ! Хлѣба у него было болѣе нежели довольно; но онъ скрывалъ это и тайкомъ продавалъ свой товаръ дорого. На просьбы мои дать хоть нѣсколько пудовъ въ займы, за деньги, подъ залогъ,—онъ не отказывалъ мнѣ прямо, а сталъ волочить меня день-за днемъ, и проводилъ такъ сряду двѣ недѣли,—видимо насмѣхаясь надъ нами, когда у насъ не оставалось уже ни крохи, и братъ и сестра со слезами просили чѣмъ утолить голодъ. У меня не хватало силъ терпѣть,—дядя съ семьей голодали точно такъ-же, и тоже не находили пособія... Я рѣшился идти къ злому старику въ послѣдній разъ, чтобъ не просить, а уже требовать, настоятельно. Онъ отказалъ мнѣ на отрѣзъ! Тогда я осыпалъ его упреками: такъ ты за тѣмъ волочилъ меня двѣ недѣли, изо-дня въ день,—сказалъ я ему,—что желалъ уморить насъ всѣхъ?—Что ему? Онъ улыбался!....

Я пошелъ къ дядѣ, старшинѣ. Они ласково пригласили меня къ скромному своему ужину. Но могъ ли я ѣсть, когда дома всѣ были голодны? Я не имѣлъ духа разсказать дядѣ въ какой мы находимся смертной нуждѣ. Онъ врядъ-ли бы повѣрилъ, что мы прямо умираемъ отъ голода;—онъ счелъ бы меня попрошайкой.... И какъ могъ я описать, какіе я могъ прибрать слова, чтобъ выразить ужасъ этого положенія?.... Потомъ, я зналъ, что у дяди не много; что нужда-

лись всѣ, голодали всѣ болѣе или менѣе, а потому если и не скупились, то прятали для себя и своихъ. Кому же не дорого свое тѣло?.... Языкъ мой не пошевелился; я просидѣлъ и вышелъ молча. Двоюродная сестра провожала меня изъ саклн; только тутъ я рѣшился сказать ей:—братья и сестры ваши умираютъ съ голода, три дня не ѣли ничего—повѣрь мнѣ! Мы грызли всякое старье; теперь и этого нѣтъ!.....

Она тотчасъ-же дала мнѣ мѣшокъ муки, пуда съ два. Не говори никому, — сказала она, — мнѣ достанется отъ отца, когда узнаетъ; но онъ добръ, проститъ. Я шелъ домой веселѣе съ этой радостною ношей... Вхожу—братъ въ изнеможеніи, прислоненъ къ стѣнѣ, изо рта клубомъ пѣна!.... Младшая сестра лежитъ безъ чувствъ!.... Бужу старшую—она едва держится на ногахъ отъ безсилія.... Разводимъ огонь, варимъ болтушку, отводимъ душу; хоть малою пищей кормимъ всю семью,—чего уже давно не было. Не забываемъ и семейства дяди Ассана, жившаго въ особой саклѣ, на томъ же дворѣ,—относимъ и имъ котѣлокъ болтушки. Слава Богу и честь дядѣ! Но на долго-ли это?..... Такъ быть нельзя,—думалъ я,—нужно что нибудь дѣлать. Роюсь глубоко въ мысли и составляю свой планъ. На слѣдующее же утро иду поочередно ко всѣмъ зажиточнымъ у насъ людямъ, привѣтствую ихъ и съ болью въ сердцѣ, говорю имъ скромно:

Всѣ мы въ горѣ и великой нуждѣ; знаю — страдаетъ весь край—такова Божья воля! но все же вы сыты, а вотъ у меня дядя распухъ, сестры и братъ умираютъ прямо голодною смертью; нѣтъ ровно ничего, не только зерна, чтобъ положить въ ротъ!.... Дайте хлѣба, возьмите меня въ работники, примите въ закладъ отцевское ружье—завѣтное, единое, святое мое богатство!... дайте сколько нибудь хлѣба!

Всѣ, одинъ за другимъ, отказываютъ! Такое-ли, говорятъ, теперь время?.... заемная-ли пора?.... Что будетъ завтра, знаетъ одинъ Богъ; мы сыты еще теперь, а придетъ день, когда тоже будемъ голодны; тоже нужно будетъ тощать, пухнуть и умирать; брюхо злодѣй, памяти у него не найдется и на добро; когда будетъ

пусто, то потребуетъ своего на каждый день! Прости, братъ, давать другимъ теперь намъ не изъ чего.

Только одинъ человѣкъ, посовѣтывавшись съ своими, далъ мнѣ съ полъ-пуда зерна и не взялъ моего ружья въ закладъ. Такъ послѣдняя попытка была сдѣлана. Но къ чему же она повела? Что ждало насъ послѣ этого, я зналъ вѣрно... Оставалось исполнить тайное намѣреніе. Возвратясь домой, я взялъ оружіе, объявилъ своимъ, чтобъ не ждали меня прежде какъ черезъ недѣлю, а если не возвращусь, то чтобъ не поминали,—и вышелъ..... Я шелъ на грабежъ!!....

III.

Да,—я обрекся въ продолженіе всего голоднаго времени грабить всякаго, кого можно, чтобъ кормить награбленнымъ не однихъ своихъ, но и всѣхъ бѣдныхъ людей. Я положилъ при этомъ крѣпкій зарокъ не убивать ни кого. Я шелъ не на душегубство и рѣзанину, а на спасеніе людей отъ ужасной голодной смерти.... Нужно было грабить.... не оставалось другаго средства.

На слѣдующій день я былъ уже въ Кубѣ. На базарѣ хлѣбные продавцы бывало сидѣли десятками—теперь не было ни одного; попадавшіеся люди тощіе, вялые, съ запалыми лицами, какъ послѣ сильной болѣзни, глядѣли другъ другу въ глаза, будто спрашивая: нѣтъ-ли хлѣба? Дай хлѣба?.... Больные отъ изнуренія жалобно тащились или лежали на пути, не добредя до цѣли; работниковъ предлагалось множество за одну пищу; но хлѣбъ былъ драгоцѣннѣе всякой работы. Я вышелъ изъ города поздно. Не вдалекѣ мелькалъ свѣтъ въ мельницѣ, сквозь окно виднѣлись три человѣка. Я постучался; они не впустили. Я умираю съ голода,—кричалъ я имъ; мнѣ бояться нечего, некого, часы мои сочтены—дайте мнѣ муки, или я застрѣлю кого нибудь изъ васъ въ окно. Они испугались и выдали мнѣ съ полъ-пуда муки. Я поспѣшно удалился въ лѣсъ, развелъ огонь, кое-какъ напекъ лепешекъ и жадно сожралъ ихъ. Отдохнувъ не много, я пошелъ къ одному

знакомому дворянину, надѣясь выпросить у него хлѣба. Онъ на отрѣзъ отказалъ мнѣ! Еслибъ прошелъ караванъ, подумалъ я, я кинулся и ограбилъ бы его. . . . Но и это легко сказать, а сдѣлать трудно. Я одинъ, безъ товарищей, можетъ случится много людей—справишся-ли съ ними?

На дорогѣ послышался шумъ;—я вышелъ изъ-за опушки лѣса. Трое вооруженныхъ всадниковъ, персіянъ, ѣхали шагомъ. Я выскочилъ внезапно и громко закричалъ—стой! Вы попались въ засаду; кругомъ лежатъ наши,—ружья наведены на васъ,—я только дамъ знакъ, и вы все трое свалитесь съ лошадей. Слезайте! сдавайтесь!!— Они оторопѣли и, взглянувъ другъ на друга, смиренно слезли съ коней. Я велѣлъ имъ сложить оружіе и перевязать одинъ другаго; послѣдняго же связалъ самъ. Потомъ, осмотрѣвъ ихъ, взялъ оружіе, лошадей, и приказалъ этимъ людямъ идти за мною въ лѣсъ. Заведя ихъ поглубже, я привязалъ лошадей, а нукерамъ сказалъ, чтобъ отдохнули. . . . Гдѣ же товарищи,—спрашивали они тревожно?—Товарищи мои вы сами, другихъ у меня нѣтъ; но какъ вы теперь мои плѣнные и рабы, то спрашиваю: хотите ли быть моими товарищами? Оставайтесь, будемъ грабить вмѣстѣ.—Если мы такъ оплошали, что отдались тебѣ одному въ руки, то конечно показаться домой намъ теперь уже стыдно; между тѣмъ и оставаться тутъ нельзя—разбойничать мы не согласны. Мы проводили въ городъ своего князька и возвращались, когда ты обманомъ завладѣлъ нами. Заключи дѣло, заколи насъ нашими же кинжалами, или, если дрогнешь, то прикажи, мы переколемъ другъ друга и будетъ конецъ.—Я отвѣчалъ, что и самъ я не разбойникъ, а поневолѣ дѣлаю это, чтобъ спасти себя и другихъ отъ голодной смерти, не найдя помощи ни у кого.—Тутъ я развязалъ ихъ, возвратилъ имъ все, отпустилъ ихъ и углубился въ лѣсъ, чтобъ заснуть.

Меня разбудилъ свистъ по лѣсу — онъ издали все сближался. Свѣтало; изъ чащи вышелъ мужикъ. Молча оглянувъ по сторонамъ, онъ торопливо сказалъ мнѣ: не ты-ли вчера остановилъ трехъ нашихъ нукеровъ? Это тебя ищутъ, бѣги скорѣе! — Кивнувъ ему, я

кинулся въ глубь лѣса, взлѣзъ на густое дерево и притаился. Свистъ становился яснѣе и яснѣе; вскорѣ появились вооруженные люди. Осторожно пробрались они мимо мѣста, гдѣ я скрывался и изчезли. Я не смѣлъ однакоже выйти и, пробывъ почти весь день на деревѣ, ночь провелъ въ гущѣ лѣса. На утро слышу шорохъ,— бѣжала лисица,—добрая примѣта!. . . Говорятъ нужно идти по слѣду звѣря этого и набредешь на что нибудь.... Точно; только что я выступилъ изъ чащи, какъ почти наткнулся на караванъ изъ нѣсколькихъ верблюдовъ. Не разсуждая, я остановилъ людей, тою же угрозой, какъ персидскихъ нукеровъ,... Смѣлость моя была не безрасчетна—вся мѣстность эта была уже порядочно напугана знаменитымъ разбойникомъ Мулла-Нуромъ, извѣстность котораго разнеслась далеко кругомъ. Объявивъ себя его есауломъ, я требовалъ его именемъ по рублю серебромъ съ человѣка, а ихъ было до тридцати; они увѣряли что согласны-бы были дать требуемое, но денегъ не имѣютъ, а когда получатъ ихъ въ городѣ за хлѣбъ, который везутъ туда, то честно внесутъ эту подать куда я прикажу. Между тѣмъ всѣ столпились вокругъ меня близко, и одинъ изъ нихъ, здоровый молодецъ, подступивъ рѣшительно, крикнулъ имъ:—Э! трусы! трусы! Что тутъ слушать его? Ну-тка свяжемъ, да представимъ въ городъ этого есаула!—Не пропуская минуты, я озадачилъ его раною, кинжаломъ, и въ тоже время грозно объявилъ, что по одному знаку моему они всѣ будутъ перестрѣляны, а если кто и убѣжитъ, то отъ Муллы-Нура, извѣстно, ни скроется ни гдѣ.—Они стояли ошеломленные, а я уже отрѣзалъ поводъ (бурундукъ) одного изъ верблюдовъ и велъ его въ чащу лѣса, утопавшаго въ густомъ утреннемъ туманѣ. Пока я углублялся далѣе между деревъ, шумные ихъ голоса слышались еще долго.

Не останавливаясь, я прошелъ извилистыми путями въ Гадазихоръ, гдѣ отдалъ добычу дядѣ; удѣливъ ему часть муки, я велѣлъ выгнать верблюда за городъ и отправился для отдыха домой. Тутъ, около недѣли, варилась ежедневно болтушка, и кто бы ни приходилъ былъ надѣляемъ. Это тотчасъ разнеслось по околодку—голодные нахлынули со всѣхъ сторонъ. Запаса хватило

разумѣется не надолго, нужно было запасаться вновь. Я опять отправился на старое мѣсто, гдѣ черезъ нѣсколько дней подстерегъ добычу.

Шелъ персидскій обозъ съ довольно цѣннымъ товаромъ. Выбравъ удобное мѣсто около моста, когда обозъ проходилъ, я спокойно подошелъ къ хозяину и отдалъ ему поклонъ отъ Муллы-Нура, будто поставившаго меня здѣсь, передовымъ, чтобъ принимать подать. Хозяинъ очень благодарилъ; просилъ кланяться атаману, не забыть имени, на будущее время, чей обозъ,—и безъ отговорки далъ мнѣ пять червонцевъ и нѣсколько кусковъ шелковой ткани. Взявъ эту, легко доставшуюся мнѣ, добычу, я скрылся въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько часовъ слышу голоса и шумъ. Почти на томъ же мѣстѣ—стоялъ другой обозъ; человѣкъ въ богатомъ вооруженіи толковалъ съ обозными; по примѣтамъ тотчасъ узнавъ въ немъ Муллу-Нура, я подошелъ.—Чего ты невидалъ тутъ?—закричалъ онъ, озирая меня гнѣвно,—прочь! пошелъ!—Меня очень обидѣло такое гордое обращеніе; къ тому же я зналъ что злой разбойникъ этотъ грабитъ изъ корысти и убиваетъ людей шутя. Онъ тутъ одинъ, подумалъ я, справиться съ нимъ не трудно. Я впился въ него глазами и осторожно наготовлялъ свое ружье. Опытный Нуръ тотчасъ понялъ. Видите-ли,—сказалъ онъ толпѣ,—какіе у меня товарищи—скажу слово, изъ земли выйдутъ! Это мой братъ; онъ храбрѣе меня! Между тѣмъ привѣтливо поглядывая на меня, онъ мигнулъ тихонько; я снялъ руку съ ружья. Мулла-Нуръ получилъ дань и отпустилъ обозъ.

Мы посматривали одинъ на другаго. «Что же, здраствуй, товарищъ,—сказалъ онъ,—протягивая мнѣ руку».—Здраствуй.—«Имя и отчество?»—Я назвался.—«Знаю; ходятъ и о тебѣ слухи».—И я не только знаю тебя, но и бралъ ужь дань твоимъ именемъ, Мулла-Нуръ.—«Стало быть, я сказалъ правду, что мы товарищи»? Тутъ явился одинъ изъ его подручниковъ; Мулла приказалъ приготовить кушать, чтобъ отпраздновать посѣщеніе дорогаго гостя; вскорѣ явились еще три человѣка; кушанья было принесено вдоволь; сидя на травѣ, мы всѣ пятеро славно поѣли. Мулла-Нуръ

обращался съ своими людьми, какъ повелитель. Побесѣдовавъ немного, мы встали; пріятельски прощаясь со мною, Мулла замѣтилъ, что мѣшать другъ другу не будемъ, и вѣроятно еще свидимся. Встрѣча конечно почетная, но толку отъ нее не было, и я попусту прошатался по лѣсу нѣсколько дней послѣ этого угощенія.

Выйдя однажды на дорогу, вижу тянется изъ дали верблюжій караванъ. Когда передовые подошли, я остановилъ ихъ и потребовалъ хозяина, чтобъ разсчитаться въ дани. Хозяина не было, а бѣдные работники сами не имѣли ни чего; отпустить безъ подати было однакоже невозможно. «Вотъ что,—сказали они,—съ нами идутъ трое жидовъ-хозяевъ, товаръ у нихъ хорошій и деньги есть—заплатить они могутъ». Съ трудомъ отыскали жидовъ между верблюдами и лошадьми; я потребовалъ дани. Пошла божба и увѣренія, что товаръ самый, самый дрянной, что денегъ нѣтъ, кромѣ мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, которыя они съ готовностью отдаютъ мнѣ, и пр.. . Хорошо,—сказалъ я—деньги оставьтѣ; а такъ какъ товаръ дрянной, то я беру двухъ лошадей съ вьюками. Жидъ-трусъ становится храбрецомъ, когда приходится ему терять свое имущество; мои жиды взбелѣнились; не разсуждая съ кѣмъ связываются, они полезли въ драку и кинулись отнимать лошадей. Нужно было кончить; я поцарапалъ одного изъ нихъ кинжаломъ,—всѣ отступились съ визгомъ, и я повелъ свою добычу, сквозь лѣсъ и черезъ горы домой, въ Гадазихоръ. Дѣло началось въ сумерки, вскорѣ наступила темнота, а какъ я шелъ въ перевалъ, боясь погони, то и заплутался; долго бродя, напалъ я на какую-то дорогу, вышелъ къ селенію и дотянулся до большаго каменнаго дома, изъ котораго на лай собакъ появились три человѣка.

Я разсказалъ имъ, что сбился съ пути въ темнотѣ, просилъ позволить обогрѣться, да указать мнѣ дорогу; они не только охотно согласились, но еще и накормили меня. Рано утромъ я былъ уже у себя дома.

Понятна радость моихъ сестеръ и брата. Я запретилъ имъ строго отказывать голоднымъ въ пищѣ, а потому небольшой запасъ хлѣба

уже истощался, они опять начали терпѣть нужду. Товаръ, отданный дядѣ, былъ тотчасъ обмѣнянъ на жизненныя потребности, и сакля наша снова наполнилась довольствомъ и обратилась въ нескончаемый съ утра до вечера пиръ, для бѣдныхъ и голодныхъ изъ всей окрестности. Лошадей жидовскихъ мы старались сбыть поскорѣе, что въ голодную пору не легко; мы предлагали ихъ даже за безцѣнокъ проѣзжимъ, но и это не удавалось. Между тѣмъ одинъ горожанинъ, накормленный за радушнымъ нашимъ столомъ, воротясь въ Кубу, гдѣ ограбленные мною жиды надѣлали страшную тревогу, вздумалъ отплатить намъ за угощеніе. Видѣвъ у насъ лошадей, онъ предложилъ жидамъ, за хорошую плату, отыскать ограбившаго ихъ разбойника. Тѣ согласились.

На другой же день, послѣ угощенія этого предателя, въ Гадазихоръ явилась команда казаковъ съ жидомъ и доносчикомъ прямо въ дворъ къ старшинѣ, моему дядѣ. Вѣсть была дана намъ въ ту же минуту. Нужно было скрыть улику,—лошадей; пока дядя занималъ непрошенныхъ гостей, достали у сосѣдей пару коней той же шерсти, а этихъ угнали въ лѣсъ. Гости пожаловали къ намъ. — Твои - ли лошади? Нѣтъ,—отвѣчалъ жидъ,—не мои. Ихъ перемѣнили,—говорилъ доноситель,—я видѣлъ другихъ.—Но ты узнаешь человѣка, этотъ ли ограбилъ тебя?—Жидъ конечно узнавалъ меня, но страшно боясь и долго всматриваясь въ мое лице изъ подлобья, онъ съ трепетомъ объявилъ, что былъ смертельно испуганъ тогда, и никакъ не можетъ вспомнить точно-ли я, или кто другой остановилъ ихъ. Начался шумъ; народу уже собралось довольно, и когда вмѣсто толковъ хватились за дѣло, я уже былъ далеко! . . . . Начальникъ отряда, даромъ проѣздившій съ своей командой, отправился въ городъ, приказавъ доставить меня туда, когда я возвращусь. Такъ прошла эта первая туча. Лежа подъ лѣскомъ, не вдалекѣ отъ дороги, я пропустилъ казаковъ, но ни какъ уже не хотѣлъ пропустить жида и доносителя; имъ нужно было тутъ итти, и я дождался, не смотря на промедленіе ихъ въ деревнѣ для дальнѣйшихъ розысковъ.

Когда они проходили мимо, я вышелъ и остановилъ ихъ. Ты

очень хорошо знаешь,—сказалъ я жиду,—что ограбленъ мною; но ты не показалъ на меня, это честно. Скажи же, сколько ты далъ этому доброму доносчику?—Двадцать цѣлковыхъ,—отвѣчалъ жидъ. Такъ-ли?—Такъ точно, — отвѣчалъ перепуганный доказчикъ.—Дешево, братъ, продалъ ты за нашу хлѣбъ-соль благодарность твою! Давай назадъ деньги, безъ отговорокъ!.... Онъ исполнилъ, это и я возвратилъ жиду его двадцать рублей. Смотрите-же,—сказалъ я имъ,—вы теперь въ моихъ рукахъ; я тотчасъ могу убить васъ обоихъ; знаю тоже, что когда отпущу васъ, то вы тотчасъ-же можете донесть и назвать меня; ну, раздумайте сами, что я сдѣлаю теперь?... Они повалились на землю, заклиная меня отпустить ихъ и божась, что ни кому до смерти не заикнутся объ этомъ разговорѣ. Хорошо, — сказалъ я жиду, — пусть будетъ такъ; тебѣ я вѣрю и отпускаю тебя, а тебя не могу. Ты уже продалъ меня одинъ разъ, продашъ и въ другой; а потому здѣсь твоя смерть! Онъ началъ обливаться слезами, увѣряя всѣмъ на свѣтѣ, что не выдастъ меня даже и подъ пыткой. — Ты поступилъ подло, можетъ быть и опять такъ же поступишъ, — сказалъ я,—но знай, что тогда я непремѣнно отыщу ваши головы, хотя бы потерялъ свою! Ступай съ Богомъ и постарайся исправиться.

Нужно еще было разсчитаться и съ отцемъ Гюзели, за его варварское обращеніе съ нею, за его обманы и проволочки въ обѣщаніи хлѣба. Онъ хотѣлъ тогда, чтобъ мы умерли съ голода въ ожиданіи ссуды изъ богатыхъ его запасовъ; я не могъ простить ему этого, тѣмъ болѣе, что скаредный старикъ всюду хвастался. «Двѣ недѣли волочилъ я Ассана»,—говорилъ онъ всѣмъ,—«думаю: ну, завтра уже не придетъ, чуть на ногахъ стоитъ; глядь, а онъ, что утро тутъ-какъ тутъ и явится; вотъ какъ живучъ!» Досадно было мнѣ и за Гюзель, которую онъ давно отдалъ за мужъ. Накипѣло все это у меня на сердцѣ.... Пригласивъ человѣкъ пять обнищавшей, но смѣлой братіи, Лезгинъ, пособить мнѣ въ отмщеніи, я отправился съ ними ночью, и такъ удачно подкрался къ дому, что могъ открыть дверь и войти въ комнату злаго сосѣда, не разбудивъ ни кого.

Было темно; но я зналъ гдѣ онъ спитъ. Я толкнулъ его легонько, называя по имени. «Кто тамъ?»—спрашивалъ онъ съ испугомъ.—Узнаешь-ли меня по голосу?—Да, сказалъ онъ, ты Ассанъ. Точно; пощупай-же вотъ это. — Я подсунулъ ему лезвіе кинжала. Страшно перепуганный, онъ началъ умолять меня. «Братъ мой! милой! пощади!—что ты хочешь дѣлать!» — Ничего, отвѣчалъ я. Двѣ недѣли я просилъ у тебя хлѣба, теперь возьму безъ просьбы. Ты хотѣлъ меня и всѣхъ моихъ уморить, да еще и смѣялся, что мы живучи и не издохли; посмѣйся теперь подъ кинжаломъ! Если только пикнешь, онъ будетъ въ твоей груди по самую рукоять; знай это — каждому своя череда! — Поставивъ надъ нимъ одного изъ товарищей, съ упертымъ въ его грудь кинжаломъ, съ другими я распорядился по хозяйству.

Мы взяли четыре мѣшка муки, всѣ напеченные лепешки, масла, соли и двухъ коровъ. Ну, — сказалъ я хозяину, на прощанье, — повѣрь мнѣ, если хочешь быть живъ, ни пикни до утра; не пошевелись, лежи смирно; мы здѣсь не одного тебя оставляемъ. Ты тогда не хотѣлъ мнѣ дать хлѣба даже и подъ залогъ завѣтнаго оружія, а я теперь готовъ даромъ накормить тебя завтра, съ нищими и голодными — приходи къ намъ! Прощай!.. . . Ограбленное было отнесено въ нашу саклю; лезгины были съ утра разосланы звать на пиръ только нищихъ и голодныхъ и ни одного имущаго. Коровъ зарѣзали, хлѣба напекли, наварили мяса; гостей же набралось столько, что врядъ-ли какія крупицы остались на другой день отъ этаго пира! Месть моя была совершена, не только безъ крови, но и съ давно-неслыханнымъ накормленіемъ всѣхъ голодныхъ.

Само собою понимается, что отецъ Гюзели съ позаранку отправился жаловаться на меня. Князя Али-пашу онъ предпочелъ коменданту, и вскорѣ отъ князя явился есаулъ съ конвоемъ, прямо въ домъ старшины, моего дяди, гдѣ я въ то время находился. Развязка этого случая произвела довольно значительную перемѣну въ способѣ моихъ дѣйствій и въ вліяніи на всю округу.

IV.

Дѣло было опасное, но видно мой часъ еще не насталъ. Ласково здороваясь со мною есаулъ, подавалъ мнѣ руку, на встрѣчу которой, я, ничего не подозрѣвая, протягивалъ уже свою,—когда дядя вразумивъ меня знакомъ, въ тоже время внезапно оттолкнулъ есаула съ громкимъ возгласомъ: «съ ума что-ли ты сошелъ! можно-ли подавать руку такому сорванцу; да онъ какъ разъ пырнетъ тебя кинжаломъ въ брюхо?» Тотчасъ смѣкнувъ въ чемъ дѣло, ну! счастливъ ты,—сказалъ я пріѣхавшему за мной гостю, хватаясь за кинжалъ и отступая назадъ; — благодари старшину, онъ спасъ тебя отъ смерти! Съ этими словами я вышелъ; оставшись въ дуракахъ, есаулъ тоже спохватился, но уже было поздно. Долго бранился онъ съ дядей, и уѣзжая объявилъ, что донесетъ князю о нашихъ продѣлкахъ, и что покровительство дядею племянника даромъ не пройдетъ; ограбленный сосѣдъ, видя неудачу наѣзда и опасаясь мщенія, пустился за есауломъ.

Угрозы эти подѣйствовали на дядю; онъ накинулся на меня. Сильно ругалъ за грабежи, и серчая все болѣе, объявилъ наконецъ, что дѣла эти надоѣли ему и что онъ самъ положитъ имъ конецъ. Ты знаешъ, — отвѣчалъ я, — что бросило меня въ эту противную сердцу рѣшимость? Умереть съ голода я самъ не хочу и ни за что не могу допустить, чтобъ братъ и сестра погибли такой смертью; спаси ихъ, возьми къ себѣ; ты съ достаткомъ, ты добръ ко всѣмъ и къ намъ особенно, а все же, еслибъ не мой грабежъ, то мы давно издохли-бы, опухлые и подъ твоими глазами. Э! дядя! не хитро учить: не грабь, да не разбойничай; кто не знаетъ, что дѣла эти не хороши; а по пробуй самъ побыть хоть два дня въ моей шкурѣ!.... Я далъ зарокъ и вовсе время голода не перестану грабить —пусть убьютъ меня; себя я не щажу, мнѣ жаль только ближнихъ.... Да что, говорить! тебѣ лучше меня извѣстно, что *обреку* одна дорога—впередъ! другой нѣтъ!—Нѣсколько ста-

риковъ, слушавшихъ нашъ разговоръ, держали мою сторону; они оправдывали мои дѣйствія бѣдствіемъ времени, столь тяжкимъ, что даже отъ начальства было строго приказано отбирать четвертую часть хлѣба, для дѣлежа голоднымъ, отъ тѣхъ которые завѣдомо имѣя его, и послѣ троекратныхъ просьбъ отказывали въ пособіи. Ассанъ,—говорили они,—долго ходилъ, просилъ много и слезно, никто не далъ; ограбленный сосѣдъ отказалъ дать даже и подъ драгоцѣнный сыну залогъ отцевскаго ружья. Ассанъ не душегубствовалъ, а грабежемъ своимъ онъ, какъ всѣмъ извѣстно, не корыстовался,—добыча тотчасъ же дѣлилась на голодныхъ.

Видя, что дядю сильно колебали, въ одну сторону—правота этихъ замѣчаній, а въ другую—неизбѣжность строгаго отвѣта за меня, я объявилъ, что не хочу ни кого вводить за себя въ бѣду, и что завтра же самъ отправлюсь къ князю. Дядя обрадовался, старики хвалили мою рѣшимость и настойчиво совѣтывали старшинѣ ѣхать со мною. Ты ни чего не опасайся,—говорили они мнѣ,—а онъ пусть засвидѣтельствуетъ отъ всѣхъ насъ, что дѣло твое мы считаемъ правымъ.

На другой день мы были въ Кубѣ, чтобъ явиться Али-пашѣ.

Здѣсь намъ предсказывали не доброе, увѣряли что Али-паша сильно на меня сердитъ. Когда меня ввели къ нему въ покой одного, онъ строго посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, спросилъ: «Что ты скажешъ?».

Есаулъ съ конвоемъ пріѣзжалъ вчера за мною,—отвѣчалъ я;—почетъ слишкомъ великъ для такого маленькаго человѣка; къ тому же конвоевъ я не люблю, есауламъ не даюсь, а передъ тобою не былъ и не буду ослушникомъ. Приказывай что надо.

— Дѣло! я люблю прямыхъ людей,—сказалъ онъ;—ну говори же мнѣ самъ, все что за собою знаешъ, чтобъ не было нужды допрашивать другихъ.

Много за мною всего, а и все скажется въ немногихъ словахъ. Съ двумя сестрами и братомъ намъ приходилось умирать съ голоду, жизни хватало на нѣсколько дней. Я кинулся просить хлѣба у родичей, упріятелей, даже у враговъ; умолялъ, отдавалъ въ залогъ

оружіе—никто не далъ!.... Тогда я пошелъ въ обреки; зарокъ былъ такой: не убивать ни кого, не трогать женщинъ, во все время голода грабить однихъ зажиточныхъ, отбирать отъ нихъ по закону только четвертую часть и кормить голодныхъ.

— Хорошо! Ты связалъ трехъ нукеровъ князька? — спросилъ Али, какъ будто съ затаеннымъ удовольствіемъ; я зналъ, что Али былъ шіитъ и врагъ хозяина этихъ нукеровъ;—и какъ могъ ты справиться съ ними одинъ?»

Я разсказалъ ему употребленную мною хитрость.

— А ты ли ограбилъ трехъ жидовъ?

Я; изъ двенадцати вьюковъ, которые они везли, я взялъ только два.

— Ты же ограбилъ и сосѣда, который принесъ на тебя жалобу?

Я!.... Онъ хотѣлъ уморить голодомъ все семейство наше и громко хвалился этимъ; посуди и рѣши самъ, что лучше: достаточному сосѣду богатѣть, продавая свой хлѣбъ въ голодное время по неслыханной цѣнѣ, или сотнѣ умирающихъ съ голоду нищихъ—жить и быть сытымъ?

— Дѣло! Три дня оставайся у меня, будешъ гостемъ, почетнымъ для моего дома.

Али-паша отпустилъ старшину, послалъ ко мнѣ въ домъ два воза пшеницы, приказалъ радушно угощать меня и часто призывалъ для разговора. Въ третій день, на прощанье, онъ подарилъ мнѣ одежду, шапку и спросилъ: будешъ ли грабить?

Пока не кончится голодъ, я грабить не перестану,—отвѣчалъ я. Князь! зарокъ мой не нарушимъ; пшеницы, которую ты намъ подарилъ, хватитъ не на долго; она не для насъ однихъ—по строгому приказанію моему, сестры не смѣютъ отказать ни одному голодному, а голодныхъ теперь болѣе чѣмъ сытыхъ.

— Смотри же, не обижай никого напрасно, да не пугай бѣдныхъ людей.

Не для обиды, князь, повелъ я свое дѣло, а для избавленія,

съ моей семьей, множества другихъ отъ неминуемой голодной смерти.

Такъ мы разстались чуть не друзьями. Дома старики встрѣтили меня съ восторгомъ, что предсказаніе ихъ исполнилось; всѣ добрые люди поздравляли и радовались, враги же мои попрятались со стыда и досады. У сакли нашей толпа стариковъ, бабъ и дѣтей, едва дотащившись, издалека, съ воплемъ и плачемъ просила хлѣба! Сердце изнывало отъ печали; чего тутъ не было!... Одинъ старецъ, отъ слабости не имѣя возможности уже стать на ноги, приползя, вытащилъ изъ запазухи горсть рисовыхъ отрубей, (которыя кучами гніютъ и смердятъ, послѣ вѣянья, заражая воздухъ, а въ страшный голодъ этотъ пожирались и морили людей, желавшихъ спастись отъ смерти). Протягивая ко мнѣ руку, старикъ стоналъ: «смотри, вотъ что я жую вторую недѣлю; видишь какъ брюхо мое надулось, а голодъ ходитъ по костямъ».....

По всей деревнѣ было повѣщено тотчасъ несть ко мнѣ все, что было въ домахъ печеное (лепешки) и получать отъ меня, въ замѣнъ, пшеницу. Ни кто, даже дядя мой, старшина, не отклонился отъ исполненія. Въ то же время у меня варили болтушку для всѣхъ, и отпуская каждаго съ запасцемъ, строго приказывали помнить, что они не одни въ нуждѣ, что тотчасъ явятся другіе, и потому чтобъ они не возвращались ранѣе, какъ черезъ недѣлю. Благодарности и утѣшенію людей не было границъ.

Скаредный отецъ Гюзели, видя мое обиліе и нескупость, вздумалъ выпросить у меня назадъ отнятое, и явился на мировую. Я насмѣялся ему въ глаза: какой безумецъ научилъ тебя,—спросилъ я.— Онъ отвѣчалъ мнѣ, что пришелъ по собственной мысли.—Такъ ты же глупецъ изъ глупцевъ! Лежа подъ моимъ ножемъ, ты пѣлъ одно; жалуясь на меня, говорилъ другое; теперь выдумалъ третью сказку! Поди себѣ и радуйся, что остаешся живъ и цѣлъ. Но знай, навѣрное, что если передъ кѣмъ нибудь ты только заикнешся о томъ что былъ ограбленъ мною, то я опять непремѣнно заставлю тебя тотчасъ накормить твоими запасами покрайнѣй мѣрѣ сотню голодныхъ!

V.

Такъ ловушка, устроенная для моей погибели, далеко распространила мое имя и по всей округѣ утвердило за нимъ громкую славу. Вмѣсто прежняго одиночнаго дѣйствія я затѣялъ дѣло шире; я набралъ себѣ смѣлыхъ товарищей и объявилъ каждому изъ нихъ строго мои неизмѣнныя правила: ни кого не обижать напрасно; не убивать; грабить не для корысти, не по страсти къ грабежу, а чтобъ помочь въ бѣдѣ общаго голода, чтобъ кормить голодныхъ, и то, не отнимая всего, что попадется намъ въ руки, а лишь часть не болѣе четвертой; женщинъ уважать, и т. п. Съ этихъ поръ набѣги мои возобновлялись постоянно, вездѣ; имъ подвергались и свои и чужіе, проѣзжіе и жители края; но мы выбирали только богатыхъ и тѣхъ, которые рѣшительно не хотѣли ничего удѣлять бѣднымъ. Бѣдные знали, что есть приказаніе начальства помогать имъ четвертою частію отъ имущихъ; но какъ это вовсе не исполнялось, то къ голоду присоединялись ропотъ и тревога со стороны бѣдныхъ, неудовольствіе со стороны зажиточныхъ;—словомъ жалобы и безпокойство были повсемѣстны.

Все, что мы добывали, тотчасъ доставлялось съ кѣмъ либо изъ товарищей въ мой домъ, гдѣ была устроена народная кухня; въ ней сестры мои съ братомъ цѣлый день пекли, варили, кормили и одѣляли всякаго приходившаго въ нашу саклю; о завтрѣшнемъ же днѣ не думали. Я изрѣдка навѣдывался только, чтобъ видѣть все-ли въ порядкѣ; въ порядкѣ же было все, не только у меня, но и у другихъ. Садившіеся подъ кровъ нашей сакли разсказывали сестрамъ, гдѣ и кѣмъ имъ было отказано въ пособіи; сестры передавали это мнѣ, а я, немедля являлся для наказанія виновнаго; такъ что вскорѣ почти ни одинъ зажиточный человѣкъ не смѣлъ прогнать отъ себя голоднаго, не накормивъ его или не снабдивъ подаяніемъ.

Дѣло шло къ общему удовольствію бѣднаго народа; недостатка въ добычѣ не было, мы радовались. Не всегда мирно ладилось у меня

не только съ товарищами, а и съ самимъ собою, особенно въ первое время. Постановленный мною имъ законъ казался тяжелымъ для свободной нашей крови; она подъ часъ разыгрывалась то у того, то у другаго, и были случаи, въ которыхъ я рѣшался, не щадя ни кого, прямо прибѣгнуть, если нужно, къ ружью или къ ножу, лишь бы только крѣпко сдержать данный обѣтъ. Я былъ твердо увѣренъ, что безъ этого мы не можемъ имѣть успѣха, а голодные хлѣба; и что я первый буду наказанъ погибелью моего семейства. Бывали напр. и такіе обстоятельства: одна дѣвица, молодая и очень хорошая собой, долго приступала ко мнѣ настойчиво,—живи со мною,—говорила она,—куда бы ты ни пошелъ, а я тебя не покину; живи со мною Ассанъ; я за это требую только, чтобъ ты кормилъ мою семью.—Трудно было мнѣ сладить съ самимъ собой, да и ее увѣрить, что такая помощь семьѣ ея не будетъ помощью, а бѣдой, и что прежде всего Богъ накажетъ меня голодною смертью сестеръ, за непощаду чужой сестры, и за нарушеніе *обрека*. Разъ, пробираясь съ товарищемъ сквозь лѣсъ, мы встрѣтили красивую и достаточную женщину, которую сопровождалъ мальчикъ. Завидѣвъ ее, товарищъ мой подумалъ прежде всего не о грабежѣ, а о другомъ.... Ты, начальникъ,—сказалъ онъ мнѣ,—смотри какая дается тебѣ лакомая добыча—воспользуйся ею; если же не хочешь, то я возьму ее; справиться съ мальчикомъ трудъ не великъ.—Глаза его сверкали.—Ты забылъ наши условія?—сказалъ я, и приказалъ путницѣ ѣхать своей дорогой безъ боязни. Онъ попріостановился; но послѣ, видя что она уже отъѣхала довольно далеко, будто одумавшись, вдругъ кинулся за нею. Я вспыхнулъ, нагналъ ихъ съ ружьемъ на готовѣ, приставилъ его въ упоръ къ его груди, и обѣщалъ тотчасъ убить, если онъ не удалится.—Ты хотѣлъ нарушить обѣтъ, и погибнешъ теперь непремѣнно, — сказалъ я;—ты больше не принадлежишь намъ; прочь отъ сюда! и знай, что если хочешь быть живъ, ни гдѣ не являйся мнѣ на глаза!—Этотъ человѣкъ вскорѣ былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ.

Приключеній не перечесть!.... Они и до сего дня такъ живы въ моей памяти, что я, какъ будто вижу передъ собою всѣ мѣста и

лица; но я привожу въ разсказѣ только тѣ обстоятельства, которыя имѣли особенное, какъ я замѣтилъ, значеніе и вліяніе на мою судьбу.

Одинъ разъ, въ такое время, когда запасовъ было скоплено довольно, я завернулъ домой, въ намѣреніи отдохнуть нѣсколько дней; но вмѣсто отдыха, вотъ какая случилась исторія. Одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ уговорилъ меня сходить въ гости къ его матери; тетка жила верстахъ въ сорока отъ Гадазихора и дорога лежала намъ черезъ Кубу; мы отправились. Въ пути съ братомъ вдругъ сдѣлалось такъ дурно, что, протащившись нѣкоторое время съ большимъ трудомъ, онъ наконецъ не могъ болѣе идти. Мы завернули въ загородный садъ и присѣли тамъ. Смеркалось. Явился хозяинъ, котораго я спросилъ, позволитъ-ли онъ намъ отдохнуть съ пути и, какъ гостей, поподчуетъ-ли насъ плодами? Плодовъ онъ намъ прислалъ съ мальчикомъ, но вскорѣ за нимъ набралось человѣкъ до двадцати народа, явившихся видимо для того, чтобъ захватить насъ. Они стали распрашивать кто мы, откуда, куда идемъ, за чѣмъ зашли сюда?—На разсказъ мой они объявили, что имъ ни до чего дѣла нѣтъ, потому что лезгины много шалятъ теперь, а начальствомъ строго приказано брать ихъ гдѣ попадуться и представлять въ городъ на судъ. Сложите оружіе,—говорили они,—пойдемъ вмѣстѣ въ городъ, тамъ вы и оправдаетесь.—Разумѣется я не могъ согласится на это; но на всѣ представленія мои, о томъ, что братъ боленъ, что мы просились ночевать безъ обиды и насилія, они стали отвѣчать крикомъ, угрозами и попытками захватить насъ. Я зналъ что нужна мѣра рѣшительная. Поднявъ брата на ноги, я внезапно ударилъ стволомъ ружья по головѣ одного изъ нападавшихъ такъ, что онъ рухнулся на земь; толпа съ крикомъ разступилась, а мы кинулись бѣжать. Братъ отставалъ, и чрезъ нѣсколько шаговъ остановился въ изнеможеніи, умоляя меня не покидать его. Видя это толпа опять нагнала и кинулась хватать насъ,—а ночь была свѣтлая; я поймалъ одного изъ передовыхъ и нанесъ ему четыре нетяжелыя раны кинжаломъ. Тогда люди снова отхлынули;—отпусти, отпусти его,—кричали они мнѣ,

и ступайте себѣ, мы оставимъ васъ въ покоѣ.—Я отпустилъ раненнаго и пошелъ шагомъ впередъ, поддерживая больнаго брата; но они, надумавшись и потолковавъ, вдругъ снова догнали насъ и бросились на меня..... Досада и гнѣвъ схватили меня за сердце! Приступивъ къ нешуточной оборонѣ, я порядочно ранилъ одного изъ ружья, а другаго кинжаломъ; видя что весь успѣхъ и при самомъ началѣ заключался уже въ четырехъ раненыхъ, они бросили дѣло и оставили насъ.—Такъ развязалась большая для меня и для всѣхъ голодныхъ опасность; но стало быть я былъ еще нуженъ имъ, или, видно часъ мой тогда еще не насталъ.

Братъ мой до того изнемогъ, что я почти несъ его; невдалекѣ отъ городскихъ воротъ опять послышалась погоня за нами;—мы скрылись въ глубокій оврагъ и толпа съ горячимъ шумомъ прошла мимо, неся раненаго мною. Я успѣлъ однакоже разслушать, что одинъ изъ нихъ, вѣроятно узнавшій меня, называя меня по имени, рекомендовалъ какъ можно худо, и упрекалъ другимъ ихъ неосторожность и трусость; мнѣ извѣстенъ этотъ головорѣзъ,—говорилъ онъ,—вы не послушались меня тогда, вотъ теперь и расхлебывайте сами свою болтушку.—Все же мы по-живу и здорову добрались на другой день до тетки, проночевавъ въ полѣ. Она сильно благодарила меня за сохраненіе ей сына, и просила погостить у нихъ; но обстоятельство это заставило меня быть осторожнымъ. Пробывъ тутъ только одинъ день, я возвратился къ себѣ.

VI.

Экспедиціи мои съ товарищами продолжались успѣшно; то тамъ то тутъ попадались люди, доставлявшія намъ, почти безъ прекословно, средства кормить голодныхъ. Страхъ и уваженіе къ моему имени утвердились такъ достаточно, что дѣло обходилось безъ спора съ нами; всѣ знали на что употреблялась добыча, и потому, при встрѣчѣ, добровольно платили порядочную дань. Мѣсяца три спустя послѣ разсказаннаго приключенія, за мною прислалъ гонца

князь Асланъ-ханъ, жившій отъ насъ верстъ за сто, въ Кумукѣ. Я отправился немедля.

— Ты-ли внукъ Пыръ-али и сынъ Маймада-али?—спросилъ онъ.

Я, слуга твой.

— Дѣдъ твой мнѣ былъ хорошо знакомъ—мы водили съ нимъ хлѣбъ-соль; онъ былъ воинъ храбрый и честный; о тебѣ говорятъ въ народѣ, что ты не уронишъ его славы, но тебя боятся многіе. Правда-ли?

Правда,—отвѣчалъ я, и по желанію Асланъ-хана откровенно пересказалъ ему все дѣло, какъ чувствовалъ, начиная съ причины, побудившей меня разбойничать, до этого дня. Совѣсть моя,—говорилъ я,—не зазираетъ меня; я знаю, что дѣлаю то, что долженъ дѣлать; знаю также, что если правъ передъ совѣстью, то передъ начальствомъ виноватъ; вотъ голова моя въ вашихъ рукахъ, казните, если такъ слѣдуетъ.

— Я вовсе не за тѣмъ вызвалъ тебя,—отвѣчалъ князь;—мнѣ хотѣлось самому взглянуть тебѣ въ глаза, услышать твою собственную рѣчь и пощупать твое сердце. Я тебя понялъ, ты достойный внукъ Пыръ-али! Орлиное гнѣздо пусто не бываетъ; изъ этого гнѣзда ты вышелъ орленкомъ, а возмужавъ взлетѣлъ выше твоего дѣда. Ты у меня гость; оставайся отдыхай и веселись недѣлю, или сколько хочешь.

Я пробылъ у князя нѣсколько дней въ почетѣ, а когда пришелъ откланиваться, онъ предложилъ мнѣ остаться у него совсѣмъ. Выразивъ, что считалъ бы за счастье на его службѣ сложить и голову, еслибъ не былъ связанъ клятвою обрека, я просилъ позволенія возвратиться на дѣло, котораго безъ меня никто теперь не сдѣлаетъ: на кормленьѣ бѣднаго народа до тѣхъ поръ, пока не прекратится голодъ. Если случится со мною несчастье, сказалъ я,—прошу, князь, защитите меня по возможности; если же назначеніе мое совершится благополучно, я перейду къ вамъ съ семействомъ моимъ, какъ вѣрный слуга.

Князь одарилъ меня конемъ, кольчугой, полнымъ оружіемъ, хорошею одеждою и отпустилъ съ честью.

Дѣло наше шло по старому около полугода; я держалъ товарищей въ строгомъ повиновеніи клятвѣ: не обижать, не убивать, не разграблять, а требовать только частицу на неимущихъ, какъ отъ имущихъ обывателей, такъ и отъ богатыхъ проѣзжихъ торговцевъ. Нищіе разсѣлились вокругъ Гадазихора цѣлыми толпами, и по старому, дымъ курился надъ моимъ дворомъ съ утра-до ночи. Сестры мои пекли, варили, кормили, раздавали пищу; всякій захожій голодный выходилъ отъ нихъ сытымъ. Случаевъ было множество разнаго рода, нетолько трудныхъ, но даже и пріятныхъ,—да что въ нихъ? Передаю лишь тѣ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ моей судьбѣ.

Я такъ ввѣрился одному изъ товарищей моей шайки, персіянину, купеческому сыну изъ самой Кубы, что познакомился съ его семействомъ и нѣсколько разъ даже ночевалъ въ ихъ домѣ. Однажды я отправился къ нимъ, по его приглашенію, на праздникъ, взявъ съ собою другаго надежнаго товарища; дорогой этотъ послѣдній, обращаясь ко мнѣ на родномъ нашемъ лезгинскомъ нарѣчіи, котораго персіянинъ не понималъ, вдругъ сказалъ: — «Атаманъ, время и мѣсто удобны, позволь мнѣ убить персіянина.»—Съ ума ты сошелъ что - ли! Убить!. . . да мы поклялись не рѣзать чужихъ, а ты хочешь предательски погубить своего товарища?— Какой онъ свой! Персіянинъ лезгинцу никогда товарищемъ быть не можетъ,—отвѣчалъ онъ;—сердце меня не обманывало во всю жизнь, а оно чуетъ въ немъ измѣнника.—Вздоръ,—сказалъ я; нѣсколько разъ я ужь ночевалъ у нихъ; они люди добрые и честные.—«Не ѣзди съ нимъ повторялъ онъ настойчиво, повѣрь мнѣ, Атаманъ, будешъ раскаеваться—онъ продастъ насъ!»—Странно показалось мнѣ это, однако я не отвѣчалъ, разсуждая въ себѣ, что дѣло невозможно, или же если случится совершенно особеннымъ образомъ, значитъ такъ опредѣлено неотвратимой судьбой, которой избѣжать человѣку нельзя никакимъ способомъ. Нѣкоторое сомнѣніе однако-же невольно начало бродить и въ моей головѣ. Не въ далекѣ отъ города мы остановились, чтобъ отдохнуть въ лѣскѣ.—Лезгинцамъ нужна осторожность, сказалъ персіянинъ, я

съѣзжу поразвѣдать что дѣлается тамъ, въ городѣ, да кстати привезу вамъ чего нибудь закусить. — Онъ поѣхалъ; въ товарищѣ моемъ это возбудило еще сильнѣйшее подозрѣніе; а тутъ, какъ нарочно, откуда не возьмись ворона, и давай кружиться около насъ, пересаживаясь съ вѣтки на вѣтку и безъ-умолку каркая.— Говорю тебѣ, что не къ добру мы ѣдемъ, — птица слышетъ бѣду за-ранѣе; я ворочусъ, дѣлай какъ знаешъ, а мой совѣтъ былъ бы отправиться и тебѣ со мною,—сказалъ мнѣ товарищъ.—Глупо вѣрить карканью глупой птицы,—отвѣчалъ я,—да и стыдно-же бѣжать, какъ трусамъ, тайкомъ; нужно было дѣлать дѣло въ глаза персіянина, а не за спиной. Я остаюсь.—Какъ хочешъ! а я ѣду. Приказывай же, что намъ дѣлать, если ты не возвратишся товарищъ?—спросилъ онъ, садясь на сѣдло.—Если не ворочусь, то сталобыть меня не будетъ въ живыхъ, а мертвецы приказаній не даютъ; строгій зарокъ мой вы знаете—повторять нечего, соблюдайти его—вотъ и все.—Мы простились; я остался одинъ съ думой, которую уѣхавшій заронилъ въ мою голову.

Персіянинъ не привезъ съ собой ничего, увѣряя будто не нашелъ; въ городѣ спокойно, сказалъ онъ, а въ домѣ у насъ все готово, поѣдемъ. . . . но гдѣ же товарищъ?—Воротился, отвѣчалъ я; онъ до вечера будетъ поджидать насъ подъ горой.

Лошадь персіянина была въ мылѣ и такъ упарена, что свидѣтельствовала о сильной и дальней гоньбѣ, хотя городъ находился подъ рукой, а всадникъ, сколько я видѣлъ, возвращался шагомъ. Подозрѣніе становилось уже основательнымъ; слѣдовало бы прямо разсчитаться съ персіяниномъ и послушаться совѣта лезгинца; но не стыдъ и не храбрость, а просто судьба влекла меня. . . Я молча сѣлъ на коня и выѣхалъ съ предателемъ изъ лѣса.

Къ ночи мы прибыли въ ихъ домъ. Пріемъ и угощеніе были самые ласковые; я желалъ повидаться съ однимъ знакомымъ—персіянинъ вызвался сходить за нимъ, и очень долго не возвращался. Становилось поздно; я прилегъ на подушку, поданную братомъ его, который остался тутъ болтать со мною; наконецъ онъ возвратился, объявивъ, что насилу отыскалъ знакомаго, который сей часъ

явится. Поговоривъ немного, онъ вдругъ спросилъ у своего брата какую-то вещь, подошелъ, перегнулся черезъ меня и началъ шарить кругомъ, будто отыскивая чего; въ эту минуту братъ его сильно стиснулъ мнѣ руки, а онъ всею тяжестью упалъ на мою грудь, отчаянно прижималъ меня и оба громко закричали . . . Дверь отворилась—въ комнату хлынула команда съ офицеромъ; на меня кинулось столько человѣкъ, сколько могло столпиться около одного; меня сжали, обезоружили, связали и вывели во дворъ.... Я увидѣлъ что весь домъ окруженъ солдатами и казаками!

Черезъ минуту я былъ закованъ и отведенъ подъ стражу. Часъ судьбы ударилъ!!

VII.

Въ арестантской, куда меня посадили, было между заключенными не мало недоумѣнія и споровъ; одни вѣрили, другіе отвергали, чтобъ то могъ быть я; возможно-ли, говорили, чтобъ онъ дался? Во время этихъ толковъ одинъ изъ арестантовъ съ повязанной головой, всталъ съ наръ, узналъ меня и кинулся мнѣ въ ноги; находясь въ моей шайкѣ, этотъ бѣднякъ потѣрялъ ухо во время свалки при грабежѣ и былъ захваченъ въ плѣнъ. Тутъ я свѣдалъ, изъ разсказовъ, о приписаніи мнѣ множества подвиговъ и намѣреній, о которыхъ мнѣ и не снилось. Между прочимъ ожидали, что я ворвусь въ Кубу и освобожу всѣхъ арестантовъ, и это было главной причиной настоятельныхъ усилій поймать меня; открылось, что предатель-персіянинъ разглашалъ все это самъ, чтобъ выказать важность услуги своего измѣнничества и получить за него по больше денегъ. Комендантъ, которому меня представили на другой день, уже судилъ меня прежде, какъ я сказалъ, за пораненіе мною двухъ братьевъ; разумѣется онъ тотчасъ меня узналъ.—«Жаль мнѣ тебя,—говорилъ онъ непритворно,—молодъ, а вдался въ дѣло скверное и важное; проказилъ ты много, храб-

рецъ, да вотъ и попался. Ты вѣдь зналъ, что если у насъ иногда человѣка ищутъ долго, то все же не ускользнетъ—наконецъ сыщутъ и попросятъ на расправу; жалобъ на тебя пропасть! Говори-ко самъ, сколько душъ ты погубилъ?»

Не погубилъ ни одной, отвѣчалъ я; убійцей я никогда не былъ, а какъ разбойникъ и грабитель виноватъ. Я зналъ, что могу попасться—чтожь мнѣ въ томъ? Свое дѣло нужно было дѣлать, не смотря ни на что, пока было можно. Я кончилъ, теперь начинайте вы свое—роптать не буду, судьба моя исполнилась—вотъ и все.

— Боекъ ты и на словѣ,—замѣтилъ комендантъ,—смотри не ошибись; ты, можетъ быть, думаешь о прощеніи? для тебя это невозможно, знай впередъ.

Я и не думаю, отвѣчалъ я; вы извѣстны, какъ начальникъ справедливый, а по справедливости, разбойника надобно казнить, а не прощать.

На допросахъ я не скрывалъ ничего, напротивъ того, вспоминая всѣ подробности, какъ, гдѣ и что было, я говорилъ все, что зналъ. Когда меня вели по улицамъ, народъ собирался порядочными толпами; многіе называя меня благодѣтелемъ и кормильцемъ, кидались цѣловать мою одежду и руки; другіе громко разсказывали какъ я помогъ или кого спасъ; съ тѣхъ поръ меня перестали водить, а возили, и довольно скоро, чтобъ избѣгнуть скопленія народа. Мнѣ это вдвойнѣ памятно, во первыхъ потому, что было особенно много мальчиковъ, которые съ свойственнымъ имъ проворствомъ и живостью, пролезая между другихъ, хватали меня за ноги, обнимали ихъ, и разсказывая, какъ я спасъ ихъ и семейства отъ голодной смерти, громко кричали, что нельзя не помиловать, отъ наказанія человѣка, который ради Бога, не смотря на собственную опасность, такъ много миловалъ другихъ; во вторыхъ по тому, что позже я видѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ уже выстроенную церковь Успеніи Божіей Матери, и это глубоко тронуло меня.

Я содержался тутъ уже около полутора мѣсяца, когда пріѣхалъ сынъ Асланъ-хана въ сопровожденіи двухъ сотенъ нукеровъ съ просительнымъ обо мнѣ письмомъ отъ своего отца. Послѣ свиданія съ комендантомъ, онъ посѣтилъ меня, обнадеживалъ, уговаривалъ не отчаяваться, а ждать что заступничество отца его будетъ принято во вниманіе. Но я имѣлъ какую-то твердую внутреннюю увѣренность, что судьба моя уже рѣшена и что ни кто не можетъ измѣнить ее! Я благодарилъ его съ истиннымъ чувствомъ и просилъ не безпокоиться обо мнѣ; я сказалъ, что еслибъ начальство прощало и отпускало обрековъ, то оно сдѣлалось бы смѣшнымъ и ничтожнымъ въ нашихъ глазахъ, перестало бы быть начальствомъ; а какъ я обрекъ, что извѣстно всѣмъ, то мнѣ ни для кого не можетъ быть помилованія и я не забочусь о прощеніи; что написано въ книгѣ моей судьбы, то пусть и совершится! Недѣли черезъ двѣ сынъ Асланъ-хана отправился къ отцу съ рѣшительнымъ отказомъ. Комендантъ объявилъ, что я буду судимъ по закону, и что ни чье ходатайство о такомъ преступникѣ не можетъ быть принято во вниманіе.

Время текло; въ арестантской одни лица смѣнялись другими, являлись и родные арестантовъ и посторонніе посѣтители, кто для дѣла, а кто изъ любопытства. Разъ прибыли два купца, принесли мнѣ гостинца и спрашивали узнаю-ли я ихъ? Я не зналъ кто они.—А мы тебя не забыли, говорили они мнѣ, потому что ты оставилъ на насъ памятные знаки; смотри, вотъ слѣды нанесенныхъ намъ тобою ранъ въ тотъ вечеръ, какъ тебя съ братомъ хотѣли захватить въ саду; не насъ однихъ ты тогда поранилъ, но всѣ оправились, не умеръ ни кто.—Ну,—отвѣчалъ я, радъ сердечно что всѣ живы; васъ-же и всѣхъ прошу простить меня; теперь наступило для меня время отвѣчать за все, сталобыть и за тѣ раны, которыя я нанесъ вамъ.

За нихъ тебѣ отвѣчать не слѣдуетъ,—сказали они,—мы сами были виноваты; одинъ человѣкъ, узналъ тебя, а какъ за поимку была обѣщана награда, одинъ же не могъ бы тебя остановить, то онъ и подговорилъ насъ, чтобъ отличиться передъ начальствомъ

и воспользоваться деньгами. На допросѣ мы по совѣсти не могли показать на тебя ничего, зная что ты дѣлалъ во сто разъ болѣе добра нежели зла; а много-ли сыщется такихъ людей, хоть и не изъ разбойниковъ?

Я благодарилъ ихъ за добрыя чувства и рѣчи и объявилъ, что вовсе не думаю оправдываться, а съ готовностью самъ доношу и доказываю на себя, зная, что такъ должно быть.

Много перелилось воды, пока длились разбирательства, которыя у насъ тогда тянулись предолго-долго; много вертѣлось въ глазахъ всякихъ случаевъ, въ памяти всякихъ обстоятельствъ, а въ сердцѣ всякихъ чувствъ—всѣхъ не перескажешь, хотя почти всѣ и до сихъ поръ живы въ душѣ. Я ничего не утаивалъ, я ни въ чемъ не запирался, а просидѣлъ въ кандалахъ два года. Начальство не воспрещало иногда навѣщать меня желавшимъ; ко мнѣ приходили дяди мои Уль-ага и Ассанъ, да Богъ вѣсть какъ еще могла дойти, допросится и видѣтся со мною одна добрая душа..... Разъ подъ вечеръ меня вызвали изъ арестантской; поди,—сказали,—сестра твоя хочетъ съ тобою поговорить. Я очень удивился! я зналъ, что врядъ-ли отпустятъ молодую дѣвушку одну, отыскивать брата въ острогѣ. Я вышелъ въ сѣни; въ углу, закрывъ платкомъ лице свое до половины, стояла женщина.... Я тотчасъ узналъ въ ней Гюзель!..... Добрая!—сказалъ я—за чѣмъ ты пришла сюда тревожить меня и себя безъ всякой пользы, подвергая себя смертной опасности? Мужъ твой убьетъ тебя, если узнаетъ объ этомъ посѣщеніи. Мы говорили по лезгински, а потому присутствовавшіе не могли знать о чемъ шла рѣчь.

— «Чтожь въ томъ, если и убьетъ!—отвѣчала она;—судьба моя и твоя связаны; совершилась твоя, совершилась и моя; мнѣ нужно было еще видѣть тебя хоть въ послѣдній разъ! Скажи мнѣ ты погибъ?

Погибъ безвозвратно! Считай, что я уже умеръ!

—«Такъ прощай же Ассанъ на всегда!.... Богъ съ тобою!—произнесла она съ великой грустью; я буду думать, что видѣла мертваго, вѣдь мы прощаемся и съ мертвыми.....

У Бога всякихъ людей довольно; довольно было и въ острогѣ всякихъ по качеству. Одинъ изъ нихъ, убійца, до того особенно боялся приговора, котораго всѣ ждали тутъ со дня-на день, что мало ѣлъ и почти не спалъ отъ внутренней тревоги. Разъ вечеромъ разнесся слухъ, что троимъ вышло рѣшеніе, но кому—не знали. Онъ впалъ въ крайнѣйшее отчаяніе; страхъ его дошелъ до того, что онъ трясся какъ листъ и лишился всякой возможности заснуть. Мнѣ стало жаль этого человѣка; я принялся уговаривать и утѣшать, его какъ только могъ, сперва стыдомъ, потомъ надеждою, а внутренно крѣпко молился въ это время Богу, чтобъ онъ помогъ мнѣ успокоить бѣдняка.—«Хорошо тебѣ разсуждать!» отвѣчалъ онъ; «ты знаешь, что тебя продержутъ здѣсь, да тѣмъ и кончатъ; наказать тебя нельзя—ты слишкомъ извѣстенъ въ народѣ!»..... Не менѣе того Богъ помогъ мнѣ успокоить его, такъ что онъ крѣпко заснулъ.

Рано утромъ явился офицеръ съ запиской—требовали меня. Въ ту же самую минуту я всею душою обратился къ Богу и горячо молился, чтобъ онъ самъ подкрѣпилъ меня, такъ какъ все, что я дѣлалъ, было принято и постоянно совершаемо мною не для себя и не по корысти или по злобѣ, а для утѣшенія бѣдныхъ.—Меня повели на площадь.....

VIII.

На площади было выстроенно войско. Прочитали приговоръ и прогнали меня чрезъ 500 человѣкъ.... . Говорить объ этомъ пожалуй можно, да выразить ничего нельзя—не найдется словъ!... Скажу одно, начальное, а потомъ врѣзавшіеся еще въ свѣжую тогда память мою. При самыхъ первыхъ ударахъ длинные и гибкіе хлысты или прутья, захлеснувшись изъ за моей спины около боковъ, на грудь, составили на ней яркій, правильный крестъ, изъ котораго брызнула кровь. Замѣтивъ это адъютантъ, вдругъ, произнесъ громко: «Смотрите! смотрите! онъ непременно будетъ христіаниномъ!»—Боль при этихъ словахъ мнѣ показалась еще мучительнѣе, потому что

я весь былъ преданъ душею и надеждой на поддержку только нашему пророку.

Когда послѣ экзекуціи меня навѣстилъ дядя, я усердно просилъ его скорѣе привезти сестеръ и брата, чтобъ проститься съ ними; онъ обѣщалъ, но не успѣлъ исполнить этого, потому что на другое же утро явился офицеръ съ объявленіемъ, что меня приказано отправить въ Финляндію на службу, въ находившіеся тамъ полки. Добрый офицеръ этотъ подарилъ мнѣ на дорогу нѣсколько денегъ, утѣшалъ меня, обнадежилъ и обѣщалъ самъ исполнить всякое нужное порученіе къ моимъ родственникамъ или знакомымъ. Тронутый до глубины сердца, я благодарилъ его, рыдая какъ дитя; особенно же глубоко скорбѣлъ я о томъ, что сдѣлавшись для всѣхъ заявленнымъ и наказаннымъ разбойникомъ, я не видѣлся два года съ братомъ и сестрами и, на-вѣчно раставаясь, не могъ даже проститься съ любимыми! Почти безъ памяти кинулся я въ повозку.—«Пошелъ!»—крикнули конвойные казаки. Повозка двинулась, я лежалъ въ ней ничкомъ; и ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ взглянуть ни на сторону, ни на небо.....

Вотъ моя жизнь до оставленія родины; жизнь довольно уже полная, а еще не долгая; мнѣ было тогда только девятнадцать лѣтъ.

Вскорѣ начался долгій, больно-тяжелый пешеходный путь! Въ Шемахѣ, послѣ нѣсколькихъ дней отдыха, перековали мои кандалы и далѣе погнали меня съ другими арестантами уже пѣхтурой; кандалы были не легки и плотненьки, я тотчасъ-же стеръ ими ноги; кровь лила, но я не жаловался, съ отчаянья-ли или изъ гордости—не знаю. Въ сердцѣ кипѣло; къ чему,—думалъ я,—жалѣть мнѣ своего мяса и костей?..... До ночлега дотащился, за то по утру не только переставить но и пошевелить ногъ не было возможности; однако велѣли итти, я пошолъ—какъ, самъ не понимаю! Товарищамъ страшно было на меня глядѣть; а какъ не смотря на неслыханныя усилія воли, я все-таки отставалъ, задерживалъ ихъ, то они просили позволенія идти впередъ. Не мало дивились и начальники моей твердости въ страданіяхъ; у меня же въ головѣ и груди то горѣло огнемъ, то замирало; я молился Богу съ чрезвы-

чайною силой, казалось душа хотѣла выскочить. Вотъ они, русскіе,— горько думалъ я, презрительно взглядывая на нихъ;—мнѣ только девятнадцать лѣтъ и они такъ поступаютъ съ мальчишкой! Ясно, что они не знаютъ Бога!.... При этомъ меня утѣшала и ободряла гордая мысль, увѣренность, что я лучше ихъ всѣхъ, что если такая доля назначенна намъ *здѣсь*, то *тамъ* будетъ иначе!... Проходя черезъ деревню, я встрѣтилъ старуху, которая, взглянувъ на мои ноги, вдругъ закричала:—«Боже мой! неужели и моего сына вели такъ?»—Тутъ она упала къ моимъ ногамъ и мнѣ стало ее жаль гораздо болѣе, нежели себя!....

Когда я дотащился до привала, товарищи давно уже поѣли и отдохнули. «Что»—спрашивалъ одинъ,—«какъ дошелъ?» А какъ видѣлъ самъ, спроси другихъ и конвойнаго и онъ тоже видѣлъ.—Другой сказалъ—ну! незналъ я, что ты лезгинъ Ассанъ, который бралъ дани съ купцовъ и съ жидовъ? чтоже ты, проходя Шемаху, не обложилъ жителей—то данью?—Поздно спрашиваешъ, возразилъ я ему; спросилъ бы объ этомъ когда я бралъ дань, я отвѣчалъ бы тебѣ. Явилась старуха, встрѣтившая меня въ деренѣ; съ нею пришелъ ея племянникъ,—они принесли намъ ужинать. Старуха сѣла и начала сильно плакать о сынѣ.

— Что плакать старуха,—сказалъ я,—о человѣкѣ; у Бога много людей!—«У Бога-то много, да у меня всего былъ одинъ, и его вели также! А отъ чего же нѣтъ для васъ подводъ?»—Тутъ она пошла къ начальнику и слезно упрашивала его, чтобъ позволилъ ей дать пару воловъ, протащить насъ до слѣдующаго селенія.—«Доброе дѣло,—отвѣчалъ онъ,—почему не позволить, если по усердію сама желаешъ?»

Старуха неограничилась этимъ, она напекла и наварила намъ на дорогу множество всякой всячины. Такъ съ легкой ея руки, совершивъ этотъ перегонъ на ея волахъ, далѣе, слабые и больные получали подводу уже по требованію самаго начальника. Дней черезъ пять мы прибыли въ Нуху: тутъ состояніе мое заставило начальника приказать расковать меня и оставить на недѣлю. Послѣ до Тифлиса, меня везли въ однихъ ручныхъ кандалахъ.

IX.

Съ Тифлиса началась новая моя судьба—я принялъ тамъ присягу на вѣрную службу; обмундировали Ассана и сталъ онъ русскимъ солдатомъ, какъ слѣдуетъ быть; а все еще былъ подъ карауломъ. Держали насъ тутъ не долго; въ пути товарищи начали уговариваться о побѣгѣ, однако мнѣ удалось отклонить ихъ отъ этого намѣренія.—Гдѣ и куда уйти?—говорилъ я имъ;—рано-ли, поздно-ли, поймаютъ—только погубите себя. Да и отъ чего уходить? Увидимъ сперва что въ переди; кто знаетъ, можетъ будетъ и хорошо! О побѣгѣ съ тѣхъ поръ у насъ ни кто не думалъ.

До цѣли нашего странствія тащились мы долго-долго; отъ Кубы, черезъ Петербургъ до Выборга, всего десять мѣсяцевъ. Проходили многіе города и мѣста, гдѣ я съ удивленіемъ всматривался во все для меня новое, никогда не виданное мною. Разныхъ случаевъ было не мало, всѣхъ и въ мѣсяцъ не перескажешъ; сказать развѣ изъ многаго, хотя кое-что, такое, что какъ-то особенно тронуло меня тогда, да и послѣ, въ свое время, отозвалось во мнѣ чутко?

Въ Ставрополѣ и около, насъ застигли страшные морозы въ 30° и болѣе. Кандалы отмороживали члены; а отъ нихъ все тѣло на сквозь такъ, что приказано было снять желѣза. Я былъ все боленъ, но крѣпился какъ могъ, чтобъ не пожаловаться не только словомъ, но даже и видомъ; странно очень казалось мнѣ то, что глядя на мою молодость и терпѣніе, всѣ люди называли меня прямо христіаниномъ.—«Что вы!—говорили вездѣ,—будто мы не знаемъ? такіе-ли бываютъ Черкесы?»—Мнѣ это было не только скучно и досадно, но прискорбно до глубины сердца; такое униженіе терзало меня хуже всякой муки! Особенно повторяли это женщины; и старухи и молодыя вездѣ приносили мнѣ то кушанье, то деньги, то тряпки, чтобъ закутываться; а товарищи, мусульмане, къ крайнему горю моему, слушая и глядя на это, отвергали меня, не хотѣли со мною говорить и называли меня *дьяволомъ*... Не смотря на попеченія добрыхъ людей, отъ которыхъ скопилось

у меня десять рублей, я все таки отморозилъ ноги; меня оставили, а другихъ повели далѣе. Жаль мнѣ ихъ стало, а какъ дѣлиться со всѣми было нельзя, то я, прощаясь, сунулъ въ руку одному, самому слабому, весь свой капиталъ.

Въ Воронежской губерніи, гдѣ-то, не помню, вотъ что случилось на отдыхѣ: въ партіи арестантовъ между другими находились солдаты финляндскаго полка, сосланные за принадлежность къ расколу; они улеглись въ углу подъ иконами. Изъ разговоровъ слыша, что они *финляндцы* и зная что меня назначили въ *Финляндію*, я сталъ увѣрять ихъ, что начальство опредѣляетъ меня въ ихъ полкъ. Поднялись толки, насмѣшки и ругательства.—«Берутъ-ли въ гвардію,—говорили они,—такихъ, какъ ты, разбойниковъ?» Обидѣлись они сильно, да и я не менѣе!..... Былъ тутъ одинъ солдатъ, очень больной и въ крайней уже слабости,—онъ лежалъ близъ меня. Къ ночи онъ нѣсколько разъ со всѣмъ замиралъ, не могъ пошевелиться и только чуть-чуть слышно произносилъ: «пить!..... пить!» Я тотчасъ подавалъ ему; удержаться не было возможности—такъ жалость къ нему щемила мнѣ сердце; но въ туже минуту досада, стыдъ и жгучее раскаянье охватывали мою голову; я горько укорялъ себя въ противленіи закону. Магометъ, думалъ я, приказываетъ не давать никакой пощады христіанину, а ты помогаешь этому и жалѣешь его до того, что самъ не смыкаешъ глазъ цѣлыя сутки!!... Пришелъ священникъ, я никогда не видалъ ихъ въ облаченіи и долго не понималъ кто это можетъ быть. Вѣрно какой нибудь главный начальникъ,—разсуждалъ я, — вслушиваясь какъ больной шепталъ ему съ глубокимъ раскаяньемъ и слезами, все что въ жизни нехорошаго дѣлалъ, и это опять меня сильно трогало и обращало на умиленіе. Потомъ, когда Священникъ подавалъ ему чашу, мнѣ пришло на мысль, что онъ долженъ быть особенный докторъ и принесъ какое нибудь важное лекарство..... Тутъ снова схватывало меня чуть не бѣшенство на себя, зачѣмъ я занимаюсь христіанами!... Между тѣмъ всѣ заснули, а я въ этой отчаянной борьбѣ, мучась болѣе умиравшаго, противъ воли, не спускалъ съ него глазъ и не могъ

превозмочь сожалѣнія..... Чтобъ не заснуть, и не оставить его безъ помощи, я скрутилъ жесткій рубецъ изъ рогожи и подсунулъ его себѣ подъ самый бокъ. То подавая воду, то поправляя больнаго, я служилъ ему какъ могъ; онъ недвигался, молчалъ—онъ тихо кончался. По временамъ я еще подносилъ ему пить;.... вдругъ открывъ тусклые глаза, съ большимъ усиліемъ, онъ немного поворотилъ ко мнѣ голову и внятно прошептавъ:—«Спаси тебя самъ Іисусъ Христосъ!»... умеръ..... Не знаю что тогда сдѣлалось въ моемъ сердцѣ?...

Вскорѣ пришелъ опять тотъ же священникъ; всѣхъ разбудили, всѣмъ дали въ руки зажженныя свѣчи. Я этого прежде никогда не видалъ. Раскольники свѣчей не приняли; я взялъ свѣчу; не знаю почему мнѣ показалось, что это хорошо и для меня и для умершаго; такъ мнѣ было жалко этого бѣднаго брата! Замѣтивъ нѣкоторыхъ безъ свѣчей, священникъ спросилъ, что тамъ за люди въ углу?—Ему отвѣчали:—безъ свѣчей разскольники, а этотъ со свѣчей черкессъ.—«Черкессъ? — сказалъ онъ; — вздоръ, не можетъ быть! онъ христіанинъ.»—Нѣтъ, онъ Черкессъ, мы знаемъ.—«Ну, такъ будетъ христіаниномъ навѣрно, я говорю вамъ; смотрите сами, у него и лице какъ пишутъ благочестивыхъ христіанъ. А тѣ, мошенники, какіе они христіане, если не хотятъ помолиться и за покойнаго брата?».....

Сильно врѣзалась въ меня эта ночь; не выходила она изъ моей головы никогда; но понимать немножко дѣло я началъ гораздо позже..... Когда я впервые узналъ о чашѣ студены воды, тогда ночь эта, какъ живая, стала вся передомною!

Такъ-то дошелъ я до Выборга и залегло въ меня много новаго и страннаго, о чемъ мнѣ подъ часъ смутно, но крѣпко думалось.

X.

Послѣ тяжелой жизни въ кандалахъ подъ конвоемъ, и путешествія цѣлыя тысячи верстъ пѣшкомъ, жизни новой для горца-

привыкшаго къ коню и свободѣ,—по прибытіи въ Выборгъ началась для меня новая жизнь. Опредѣлили меня въ батальонъ и держали уже не какъ арестанта, а какъ рекрута. Командиръ поговорилъ со мною, распросилъ обо всемъ какъ слѣдуетъ, осмотрѣлъ, ударилъ по плечу и объявивъ что «будетъ изъ меня отличный солдатъ», приказалъ отправить въ роту, и назначить мнѣ хорошаго дядьку.

— «Смотри въ какой день ты поступаешь на дѣйствительную службу,—сказалъ мнѣ адъютантъ.—Ты помни это, оно не даромъ. Сего дня праздникъ вашей роты и день Рождества Богородицы (8-го Сентября); поздравь же своего фельдфебеля».

Фельдфебель былъ славный; принялъ меня хорошо, обласкалъ, приставилъ ко мнѣ въ дядьки отлично-старательнаго, стараго солдата, и сталъ я знакомиться съ товарищами. Дѣло было не долгое, пошли распросы, да начались разсказы, которымъ не было конца и которыхъ они бывало не наслушаются, хоть говори всю ночь на пролетъ. Полюбили меня всѣ; капитанъ былъ доволенъ, а у меня сердце лежало и къ товарищамъ и къ начальнику, потому что они были добрые, а онъ былъ справедливъ и заботливъ о насъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ; были мы во всякомъ довольствѣ и труда было немного. Все, стало быть, было хорошо и выдумать нельзя, на что бы жаловаться! . . . Такъ, пожалуй, подумаютъ другіе, а мнѣ было скучно до смерти; тоска невыносимо сосало сердце!. . . Что мнѣ во всемъ этомъ хорошемъ, противъ бывшей моей воли въ родныхъ горахъ!.... Однако я твердо положилъ въ умѣ, что какъ вѣрно служилъ тогда по обреку, такъ же честно долженъ теперь служить по присягѣ; потому, тамъ была одна судьба, *первая*, она совершилась; ну,—ей и конецъ; а здѣсь судьба *вторая*, пусть-же и эта идетъ себѣ какъ должно, безъ помѣхи....

Прошло не болѣе полугода, сказано было готовиться въ походъ подъ Кексгольмъ. Собираемся мы живо, вдругъ спрашиваетъ меня дядька:—«а что, братъ, есть-ли у тебя на дорогу-то деньжонокъ?» Откуда быть, нѣтъ ни копѣйки.—«Такъ занялъ-бы у кого; хорошій солдатъ все можетъ послѣ выработать и долженъ честно

отдать; а въ пути копѣйка нужна».—Вотъ, я пообдумалъ у кого попросить? и обратился къ одному товарищу, у котораго деньги всегда водились.—«Почему не дать,—отвѣчалъ онъ,—пожалуй деньженокъ дадимъ, Ассанъ, только знаешъ, уговоръ лучше денегъ. А какой уговоръ,—спросилъ я?—«Да такой, что за услугу, услуга; ты меня слушайся, только и дѣлай что я велю; гдѣ увидишь, примѣромъ, у чухонъ сапоги хорошіе, или рубаху, или что тамъ случится другое, все бери и неси прямо ко мнѣ. Тебѣ знать это слѣдуетъ; вѣдь солдатъ что багоръ, за что зацѣпился, то и тащитъ; вотъ какое дѣло!»

Дѣло, братъ, скверное,—отвѣчалъ я ему;—моего согласія на него нѣтъ; этой науки я не хочу и за деньги; научилъ бы ты меня добру, я и задаромъ послушался бы.—«Вотъ какой!—возразилъ онъ,—да ты грабилъ же дома и разбойничалъ по лѣсамъ и дорогамъ?» Ну! дядя, объ этомъ если станешь толковать,—сказалъ я,—такъ и вѣкъ со мной не столкуешъ. Не надо мнѣ твоихъ денегъ.

Походомъ стало мнѣ несравненно веселѣе, легче, привольнѣе; устали же я никакой не чувствовалъ. Болтали, дышали свободнымъ воздухомъ; по просьбѣ товарищей забавлялъ я ихъ своими родными пѣснями и нашей лезгинской пляской, и такъ они тѣшились да смѣялись отъ души, что я тоже смѣялся. . . . А сердце во мнѣ вдругъ и заноетъ и заплачетъ!. . . . Все, все бывшее такъ во мнѣ живо рисовалось какъ будто тутъ оно подъ глазами!... Чего не припоминалось, чего не перечувствовалось мною за этими пѣснями?!. . . . Крѣпился я, что было силы; не пускалъ ничего на ружу!. . . Такъ пришли мы на первый привалъ.

Составили ружья въ козлы, залегли солдатики отдохнуть, вскорѣ стихло все кругомъ; я попустилъ не много воли сердцу и прошибла меня горячая слеза!. . . А въ близи, слышу, одинъ офицеръ говоритъ капитану:—«Молодецъ у насъ черкесъ! Всѣ пятнадцать верстъ пропѣлъ и проплясалъ.»—А гдѣ онъ,—сказалъ капитанъ, пошлите его ко мнѣ.—Я отеръ торопливо слезы и явился.—«Есть-ли у тебя деньжонки,—спросилъ капитанъ?»—Ни какъ нѣтъ ни чего. Онъ вынулъ пять рублей,—«вотъ,—говоритъ,—тебѣ; теперь поди

выпей рюмочку съ пути.»—Я вина съ роду не пивалъ,—отвѣчалъ я.—«Не дурно и это,—сказалъ капитанъ,—хорошо; такъ купи что тебѣ понравится поѣсть, а остальные сохраняй на случай.»—Добрый, говорю я, и внимательный былъ нашъ капитанъ; онъ кстати осмотрѣлъ меня тутъ съ головы до ногъ и замѣтилъ тотчасъ, что сапоги на мнѣ тѣсноваты, приказалъ мнѣ сложить ранецъ на повозку. Товарищи какъ разъ узнали о подаркѣ и приступили ко мнѣ: — «Ну! Ассанъ! поздравить слѣдуетъ, поднеси по маленькой, такъ братъ водится.—»Товарищамъ,—отвѣчалъ я,—не отказывалъ я сроду ни въ чемъ и не откажу — пойдемъ. Поднесъ я сперва дядькѣ, а потомъ имъ; когда вошелъ капральный; я приготовилъ чарку для него;—«нѣтъ, стали говорить другіе, капральному надо полштофа».—Ну, братецъ,—отвѣчалъ я,—это вздоръ! довольно! всѣ выпили по одной и ему одна; деньги понадобятся еще, не только мнѣ, а подъ часъ и товарищу, и капитанъ велѣлъ беречь ихъ.—Правду сказалъ капитанъ и я также велю беречь, замѣтилъ капральный.

Такъ-то шелъ я походомъ, весело, а въ горѣ; и дошли мы до мѣста. Тутъ разставили насъ по квартирамъ. Пища была сытная, работать каждый могъ на себя сколько хотѣлъ, кто не лѣнился, могъ скопить кое-что; словомъ было хорошо и не скучно, потому что стояли мы не все на одномъ мѣстѣ, а переходили то туда-то сюда, года два, пока воротили насъ назадъ въ Выборгъ. Успѣлъ я обжиться, сберечь копѣйку, свыкнуться, и, что таить, сталъ солдатомъ почетнымъ, любили меня товарищи и начальство. Стало быть хорошо мнѣ было во всемъ, и въ мысли моей утвердилось только, что и служить слѣдуетъ мнѣ тоже хорошо и вѣрно до смерти.

Вотъ, въ Іюнѣ 1840 года, прибылъ изъ Петербурга офицеръ для выбора людей въ гвардію. Извѣстное дѣло, идетъ по фронту, окинетъ солдатика взоромъ съ головы до ногъ, потомъ посмотритъ ему въ глаза, такъ какъ будто насквозь пронижетъ и выдвинетъ впередъ человѣка, который приглянется. Офицеръ выдвинулъ и меня. Баталіонный командиръ тотчасъ сказалъ ему что-то по французски. «А!»—произнесъ офицеръ; о садилъ меня опять въ

строй и пошелъ далѣе. Что такое?!.... Томило меня это и сталъ я развѣдывать....

Не далеко отъ меня былъ въ строю одинъ разжалованный, когда онъ перевелъ мнѣ послѣ слова баталіоннаго командира, что я съ Кавказа изъ горцевъ, въ солдаты отданъ за разбойничество и разныя преступленія, безъ выслуги,—напало на меня великое горе! Тоска и досада, грусть и злоба заѣдали меня, буравили сердце и голову денно-нощно; опротивѣло мнѣ все на свѣтѣ; къ службѣ всякая охота пропала; сталъ я глубоко думать, думать,—и надумался бѣжать. А ужъ какъ разъ сѣла въ меня эта воля, такъ нужно было исполнить ее, чтобы тамъ ни было!

Часовъ въ восемь утра, я вышелъ, посмотрѣлъ впередъ, .. свѣтло все кругомъ—далеко видно; потомъ сталъ осторожно оглядываться... Вдругъ взорвало меня; стыдно мнѣ стало самого себя! Боишся, — думаю, — трусъ! А бывало боялся-ли кого? разбиралъ-ли что? Все дѣлалъ какъ вздумалось, шелъ куда хотѣлъ!.... И начала во мнѣ играть и кипѣть былая кровь; голова занялась, въ груди будто прыгало!.... Схвативъ сапожный ножъ, да хлѣба, сколько можно было спрятать подъ шинель, я пустился широкими шагами *въ бѣги*!

XI.

Я зналъ военную службу, на столько, что хорошо понималъ, что значитъ побѣгъ изъ войска и къ чему онъ ведетъ. Куда иду я не зналъ; на что мнѣ надѣяться и думать не хотѣлъ, а просто шелъ себѣ впередъ широко шагая, выбирая глушъ и ночь. Шелъ, шелъ..... вдругъ хлѣба не стало. На третьи сутки, сильно голодный, вышелъ я на поле не вдалекѣ отъ деревни; тутъ бродила лошадь, я поймалъ ее, привелъ въ деревню, около одного двора схватилъ валявшуюся рогожу, сложилъ ее, перекинулъ черезъ коня, сѣлъ и поѣхалъ зря. Подъѣзжаю къ мосту, черезъ рѣчку, вижу стоятъ казаки;.... что дѣлать? Прорваться, думаю, проскакать очертя голову? Кинулся.... но на мосту навстрѣчу мнѣ двое пѣшихъ; я было

назадъ,—и тамъ двое; замѣшался мой деревенскій конь, съ испуга бросился въ сторону, споткнулся, упалъ; я черезъ голову о земь, казаки на меня!.... Но я уже успѣлъ выхватить ножъ, съ крикомъ отмахиваясь, вскочилъ на ноги, вырвался и пустился бѣжать. Они въ погоню..... Крикъ раздался по деревнѣ, мужики поднялись и со всѣхъ сторонъ тоже бѣжали за мною. Я въ сторону, къ болоту; перелетѣлъ его какъ будто птица, пока они вязли; потомъ по извилистой тропинкѣ, между кочекъ и кустовъ, далѣе — и наткнувшись на мостикъ, залегъ подъ него въ траву.

Дождь накрапывалъ уже съ разсвѣта, а тутъ вдругъ поднялась сильная буря съ ливнемъ, и слѣдъ мой по травѣ загладило. Погоня долго кружилась, нѣсколько разъ безуспѣшно возвращаясь къ мостку, и пробитая на сквозь дождемъ, наконецъ отправилась по домамъ. Я пробылъ тутъ до пятаго часа вечера, и хотя дождь не прекращался, но жестокій голодъ заставилъ меня пуститься далѣе. Дойдя до озера, изъ котораго вытекала рѣчька, я раздѣлся, переплылъ черезъ нее, выжалъ смокшую одежду и хотѣлъ продолжать путь; но силы не было, я отощалъ до того, что долженъ былъ уклониться въ ближайшій лѣсъ, гдѣ жадно наѣвшись ягодъ, легъ и переночевалъ. Къ слѣдующей ночи я дотащился до какой-то русской деревни, уже едва волоча ноги отъ слабости и отдыхая по нѣскольку разъ на каждой верстѣ. Я завернулъ во дворъ, тамъ были коровы; выбравъ изъ нихъ дойную, я погладилъ ее, поласкалъ и принялся торопливо сосать молоко; это такъ освѣжило меня, что я могъ опять идти впередъ. На пятые сутки я добрался до одной изъ чухонскихъ деревень, гдѣ мнѣ были знакомые, потому что мы квартировали тутъ; не смотря на то, что время клонилось къ полуночи, я постучалъ въ избу одной доброй старушки; сынъ ея окликавъ и узнавъ меня, съ чрезвычайнымъ удивленіемъ спрашивалъ какъ я попалъ изъ Выборга? Я отвѣчалъ, что мы опять переведены сюда квартировать. Старуха проснулась и начались распросы. Я обѣщалъ все разсказать ей, лишь бы она накормила меня прежде, потому что я окончательно ослабѣлъ отъ голода. Добрая женщина выставила мнѣ хлѣба, масла и яицъ; я ки-

нулся на нихъ съ жадностью, а ѣсть не могу!—«Чтожь это?»—спрашивала она съ удивленіемъ.—А то,—отвѣчалъ я,—что вы и не слыхивали: видите голодный, а ѣсть не можетъ; мнѣ это, матушка, извѣстно съ дѣтства; проголодаешся черезъ чуръ, такъ горло не пропускаетъ и желудокъ не принимаетъ; я вѣдь не ѣлъ пять дней ничего.—Старуха разжалобилась, расплакалась, принесла мнѣ сливокъ, велѣла тотчасъ пить, а сама, смѣкая уже въ чемъ дѣло, начала сильно тужить, обо мнѣ и повторяла:—«охъ! ты бѣдный, бѣдный! Что ты это сдѣлалъ, вѣдь тебѣ будетъ худо!»—Какъ быть,—говорилъ я,—видно такая моя судьба; не привыкать ужъ мнѣ къ худому, за мною его много, да вѣрно и впереди не мало еще!

Отдохнувъ и подкрѣпясь пищей, я пустился далѣе съ запасцемъ масла и хлѣба, съ огнивомъ, трутомъ и кремнемъ, которыми старушка заботливо снабдила меня.

Я зналъ, что подвигаюсь къ Петербургу и что солдатская моя одежда становилась для меня съ каждымъ шагомъ опаснѣе, но какъ было помочь этому горю?..... Сильно разсуждаю объ этомъ,—вдругъ встрѣчу мнѣ идетъ чухонецъ въ бѣломъ балахонѣ, остановился онъ шага за три и кричитъ: — «Куда идешъ? тутъ солдатъ нѣтъ!»—Я быстро кинулся къ нему,—врешъ!—говорю,—тутъ должны быть солдаты!—Схватилъ его за воротъ и грозя ножемъ, потащилъ съ дороги въ лѣсъ. Страшно перепуганный бѣднякъ повторялъ только:—«пусти! помилуй!»—Ничего, не бойся,—говорю я;—но если хочешь быть живъ, то разденься и разуйся тотчасъ. Я заставилъ его надѣть на себя всю солдатскую мою одежду, съ сапоговъ до фуражки, самъ нарядился въ его чухонское платье и мирно отпустилъ его; потомъ зайдя поглубже въ лѣсъ, наточилъ свой ножь о камень и съ порядочнымъ трудомъ и болью сбрилъ себѣ, какъ могъ, усы и бакенбарды.

Не смотря на такое перерожденье, тотчасъ выйти на дорогу я побоялся, соображая, что переряженный чухонецъ успѣлъ уже надѣлать въ деревнѣ тревогу своею новою формою и что меня кинутся искать, разумѣется, около этого мѣста. Я сталъ вилять по лѣсу, — съ одной стороны пути переходилъ на другую и потомъ

въ перевалъ; такъ бродя неизвѣстными мнѣ глухими мѣстами, я только на третій день вышелъ опять къ какой-то деревнѣ и сталъ бережно обходить ее. Тутъ, на выгонѣ, наткнулся я на ребятъ, которые пасли овецъ; на вопросы мои, какъ ближе дойти до Петербурга, отвѣта нельзя было добиться, потому что они не понимали по русски ничего. Побрелъ я далѣе и, вскорѣ завидѣвъ большое строеніе, на авось направился на него; здѣсь мнѣ попались двѣ бабы, онѣ объяснили, что это стеклянный заводъ и, растолковавъ какъ выйти на Петербургскую дорогу, предложили идти вмѣстѣ; «мы,—сказали онѣ,—идемъ туда же». — Я согласился; но вскорѣ замѣтивъ, что онѣ повели меня опять какъ-будто назадъ, въ деревню, сталъ опасаться, тѣмъ болѣе, что онѣ пристально посматривая на меня, что-то переговаривали между собою по своему и, подсмѣиваясь, допрашивали меня: — «одѣтъ-ты какъ чухонецъ, а говоришь какъ русскій, отъ чего это?» — А оттого, что я русскій, я только жилъ тутъ въ работникахъ, но выучиться по чухонски еще не успѣлъ. «Такъ!»—отвѣчали онѣ,—и опять по своему что-то подозрительно переговаривались. Улучивъ минуту, я отсталъ и вдругъ остановился; пройдя нѣсколько шаговъ, онѣ остановились тоже и стали поджидать меня; но видя это, я повернулъ въ перелѣсокъ и тамъ быстро кинулся вилюномъ въ чащу, изъ которой выйдя вскорѣ на поляну, прямо наткнулся на кружокъ бабъ и мужиковъ, обѣдавшихъ въ тѣни. Они приглашали меня повидимому радушно; но я изъ осторожности продолжалъ свой путь въ сторону, и отойдя уже довольно далеко отъ нихъ, самъ присѣлъ, чтобъ закусить остатками своихъ запасовъ. Не успѣлъ я съѣсть и ломотка хлѣба, какъ вдругъ изъ заспины моей вышелъ высокаго роста здоровый молодецъ, чухонецъ, и чисто по русски спросилъ: какой я человѣкъ и за чѣмъ тутъ?—Я русскій работникъ,—отвѣчалъ я,—иду домой.—Хорошо,—говорилъ онъ,—если такъ, то ступай за мною, а нето я тебя свяжу и тотчасъ представлю куда слѣдуетъ.—Молодъ братъ!—крикнулъ я сердито,—понимая, что онъ вѣроятно видѣлъ меня прежде и догадывается, что я долженъ быть бѣглый. Выхвативъ ножь я бросился на него;

онъ отшатнулся въ сторону, я кинулся въ другую, и бѣгомъ скрывшись отъ него, черезъ лѣсокъ выскочилъ на дорогу. Тутъ передохнувъ, я поднялъ глаза и увидѣлъ, что попалъ въ новую бѣду—меня окружили!.... Спереди, сзади—вездѣ столпился народъ, на нѣкоторомъ разстояніи; я остановился. Ну!—думаю,—зѣвать не когда! Между тѣмъ одинъ мужикъ, верхомъ поскакалъ на меня прямо, надѣясь смять меня лошадью; я укрѣпился на ногахъ, приготовился, подпустивъ его, сильно ухватилъ коня за поводъ и нанесъ мужику рану ножемъ выше колѣна. Онъ закричалъ, свалился съ лошади, а я, вскочивъ на нее, во весь духъ поскакалъ въ деревню, куда было меня повели бабы; тамъ я оставилъ лошадь и быстро кинулся опять въ лѣсъ. Отдохнувъ и опознавшись немного, я вышелъ изъ него на дорогу и ночью пробрался въ селеніе, которое, какъ я узналъ послѣ, было Дранишники, за третьимъ Парголовомъ.

Все кругомъ было тихо, люди спали; я вошелъ бережно въ первую избу; въ ней храпѣли нѣсколько мужиковъ и трое солдатъ. Отрѣзавъ добрый ломоть отъ лежавшаго тутъ хлѣба, я вышелъ во дворъ, и увидѣвъ каморку съ ключемъ въ замкѣ, юркнулъ въ нее; въ ней не было никого, но на столѣ стояли крынки съ молокомъ, корзина съ нѣсколькими десятками яицъ и коробокъ, въ которомъ нашлись сахаръ, чай и 30 копѣекъ. Я забралъ все это, торопливо выпилъ двѣ крынки молока и снова пустился въ лѣсъ, гдѣ хорошо проспался и до свѣта вошелъ въ третье Парголово. Первый человѣкъ, который мнѣ попался здѣсь, былъ слѣпой нищій; его вела маленькая дѣвочка. На просьбу его подать Христа ради, я далъ ему гривну изъ взятыхъ мною 30 копѣекъ; онъ сталъ усердно благодарить, и увѣряя что Богъ наградитъ за милостыню, настойчиво называлъ мѣня нѣсколько разъ *кавалеромъ*, *служивымъ*, *солдатомъ*!... Это поразило меня страшнымъ образомъ; всѣ пройденныя опасности показались мнѣ шуткою въ сравненіи съ страхомъ, который возбудили во мнѣ эти названія; я до того перепугался, что побѣжалъ отъ нищаго прочь, не смѣя поднять глазъ, чтобъ не взглянуть на встрѣчныхъ. Если этотъ слѣ-

пой,—думалъ я,—могъ прямо узнать, что я солдатъ, то стало быть ни отъ одного зрячаго я не скроюсь,—всякій пойметъ, что я бѣглый. На меня напалъ непонятный ужасъ; я робко и тихо побрелъ какъ осужденный..... Дохожу до какого-то большаго зданія; какой это домъ и мѣсто?—спрашиваю боязливо у извощика.—Э! чухна! и этого не знаешь!—отвѣчалъ онъ,—а вѣдь ты-же съ Выборга! это Выборгская сторона, литовскія казармы; вонъ тамъ за рѣкой и Петербургская.—Ну!—думаю,—и этотъ узналъ, что я изъ Выборга! Что же будетъ далѣе?!..... По указанію извощика я пошелъ изъ улицы въ улицу, за рѣку, на Петербургскую сторону.

Такъ очутился я наконецъ въ Петербургѣ послѣ описанныхъ приключеній, которыя показались мнѣ тогда опаснѣе и несравненно труднѣе и страшнѣе всѣхъ моихъ встрѣчь въ горахъ.

XII.

Лезгинецъ Ассанъ, пойманный, прогнанный сквозь строй, грабитель, принесшій присягу, бѣглый изъ финляндскихъ баталіоновъ солдатъ,—въ Петербургѣ! съ корзиной яицъ, обритый и въ чухонскомъ балахонѣ!!... Я разсуждалъ такъ, изумляясь самъ, какъ все это могло сдѣлатся; когда какой-то господинъ спросилъ:—«Продаешь яйца?»—Продаю.—Онъ велѣлъ идти за нимъ; сторговавъ и платя деньги, онъ спросилъ: для чего я не снимаю шляпы, войдя въ комнату къ барину. У насъ такой обычай,—отвѣчалъ я,—коверкая языкъ. Шляпу я не снялъ-бы ни за что, боясь быть тотчасъ признаннымъ за солдата по стриженнымъ волосамъ; видно я взялъ не дорого, потому что господинъ приказалъ мнѣ всегда носить къ нему яйца, масло, сливки, цыплятъ и все что случится. На улицѣ мужикъ предлагалъ кислые-щи; я давно не ѣлъ горячаго, и желая полакомиться спросилъ на пятакъ; меньше какъ на двѣнадцать копѣекъ не продаю,—сказалъ мужикъ;—ну давай на двѣнадцать. Удивленіе мое было сильно, когда вмѣсто ѣды, получилъ отъ него бутылку питья....Пошелъ я далѣе,—куда? не знаю; спросить ни кого не

смѣю; да и о чемъ было мнѣ спрашивать? Попалъ въ крѣпость; вышелъ изъ нее, перешелъ мостъ и очутился на Царицыномъ лугу; опять шелъ-шелъ предлинною - длинною улицею, на которой съ обѣихъ сторонъ лавокъ безъ числа и уткнулся въ площадь съ сѣномъ и всякой провизіей.—Въ толпахъ тысячи народа я увидѣлъ много татаръ и рѣшился завесть съ ними рѣчь.

«А что,—спрасилъ я по татарски,— подходя къ двумъ разговаривавшимъ въ сторонкѣ, нѣтъ-ли здѣсь купцовъ изъ Грузіи или Турчины?—Они назвали одного извѣстнаго купца и, оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, спросили откуда я самъ и изъ какихъ людей? Мусульманинъ,—отвѣчалъ я кратко. - «Чтожь ты такъ одѣтъ?»—Я пристально посмотрѣлъ имъ въ глаза и спросилъ:— а что братья, добрые-ли вы люди?—Они завѣрили меня въ этомъ съ клятвой; тогда я быстро разсказавъ имъ все дѣло, возбудилъ въ нихъ большое любопытство и участіе. Поди,—говорили они,—къ тому купцу, онъ можетъ тебѣ помочь во всемъ. Я пошелъ но забылъ названіе дома.... Опять бѣда; что дѣлать?.... Вдругъ подошелъ ко мнѣ персіянинъ, онъ или слышалъ нашъ разговоръ или татары пересказали ему;—«Ты спрашивалъ токого-то?» — Я.—«Иди за мной.»— «Мы пошли къ купцу, жившему въ другой части города.

Я дожидался пока купецъ совершалъ свою полуденную молитву.— «Что тебѣ надо,» — спросилъ онъ,—выйдя комнѣ? Я кинулся ему въ ноги; ради Бога и молитвы корана, которую ты читалъ, не дай мнѣ погибнуть, спаси! пожалѣй одновѣрца! Разсказавъ всю свою исторію, я умолялъ его найти какое нибудь средство препроводить меня въ Турцію или въ Грузію. Онъ нахмурилъ брови, подумалъ и вздохнувъ отвѣчалъ:—дѣло невозможное, любезный!—Себя я погублю навѣрно, а тебѣ, навѣрно-же не помогу. Вотъ одно, что я могу сдѣлать, провожатый мой отведетъ тебя къ человѣку, который можетъ дать хорошій совѣтъ; тутъ есть на службѣ твои земляки, тебѣ нужно будетъ переговорить и съ ними.—Человѣкъ, къ которому меня отправилъ купецъ, выслушавъ мой разсказъ, тоже объявилъ, что дѣло трудное, что онъ самъ помочь ни чѣмъ не можетъ, а совѣтуетъ переговорить съ земляками.—Посылая меня къ

нимъ, съ тѣмъ же провожатымъ, онъ, прощаясь, сунулъ мнѣ въ руку полтинникъ.

Мальчикъ довелъ меня до мѣста. Я вошелъ въ комнату, въ которой было четверо лезгинъ разнаго возраста; одинъ изъ нихъ игралъ на нашей балалайкѣ. Что тебѣ нужно?—спрасили они.—Слышалъ, что вамъ требуется работникъ,—отвѣчалъ я,—не возмете-ли меня? - Посмѣясь надъ моей странной фигурой они, къ неописанному восхищенію моему начали толковать по лезгински:—«А что, возьмемъ этого чудака, если онъ согласится на два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ; пусть себѣ поживетъ у насъ. Какая твоя цѣна?—«Что другимъ плотите, то дайте и мнѣ; поживу, такъ увидите мою службу, можетъ быть прибавите.—Старшій все продолжалъ играть; давно я не слышалъ родныхъ звуковъ; сердце сильно забилось во мнѣ; я съ трудомъ могъ удерживать слезы.—«Что, видно тебѣ нравится, какъ онъ играетъ,—спрашивали они?»—Да; балалайка чудесная и голосъ хорошъ; я спѣлъ бы на ней пѣсню, еслибъ позволили?—«Э! да ты проказникъ! Ну, пой.»—Разговоръ этотъ велся по русски. Я положилъ на полъ шляпу, присѣлъ на корточки по нашему и затянулъ очень извѣстную у насъ пѣсню:—«о Ханскомъ сынѣ, скитавшемся по чужимъ землямъ.»—Старый лезгинецъ уставилъ на меня глаза, руки его опустились; другіе вскочили съ мѣстъ, окружили меня и разглядывали съ удивленіемъ, не прерывая моего пѣнья.—«Братъ мой! Кто ты, откуда, какъ попалъ сюда?»—спросилъ меня по лезгински старшій, положивъ мнѣ руки на плечи.—Говорите по русски, я по лезгински знаю только эту пѣсню.—«Не можетъ быть, не можетъ быть! Мы здѣсь четыре года, а такого человѣка встрѣчаемъ въ первый разъ! Не шути и не скрывайся, братъ нашъ; видишь, ты тронулъ наши сердца; сказывай кто ты, какая судьба завела тебя сюда, въ такомъ видѣ? — Слыхали-ли вы когда въ Кубѣ о джигитѣ-Ассанѣ?—спросилъ я.—«Кто-же не слыхалъ о немъ? Бѣндягу еще при насъ поймали и сослали въ Сибирь.»—А вотъ онъ самъ здѣсь.—«Какъ!?»—вскрикнули они.—Да;—я Ассанъ!.

Они заперли двери; начался долгій, подробный разсказъ, который они слушали, не пропуская ни одного звука.

«Жаль намъ тебя, братъ нашъ,—сказали они, крѣпко подумавъ;—сердечно жаль! Напрасно пришелъ ты сюда; какую помощь можешь ты ожидать отъ насъ? Мы приняли присягу служить вѣрою и правдою; измѣнить ей нельзя; такъ чтоже намъ дѣлать?»—Старшій прибавилъ,—мало этого, бѣдный, ты погубилъ себя во второй разъ несчастной мыслью зайти къ намъ; я и отпустить теперь не могу тебя отсюда, а долженъ представить начальству.

Всѣ были въ страхѣ, сами не зная что дѣлать, хотя и упрашивали старшаго.—«Не могу, не могу!»—отвѣчалъ онъ,—ударяя себя въ грудь и съ слезами на глазахъ отворачиваясь отъ меня къ окну. Одинъ изъ нихъ, пользуясь этимъ, махнулъ мнѣ рукой и я поспѣшно вышелъ.

Слышалъ-ли насъ кто, или-же разболталъ мальчикъ, но обо мнѣ уже разнеслось по казармѣ; когда я проходилъ черезъ дворъ, черкессы съ любопытствомъ смотрѣли изъ всѣхъ оконъ; одинъ изъ нихъ что-то заговорилъ со мною, и въ тоже время явился трубачъ съ приказаніемъ, чтобъ я шелъ за нимъ. Меня привели къ офицеру.—«Кто ты?»—спросилъ онъ.—Бѣдный человѣкъ, работникъ, прибывшій изъ Грузіи съ купцомъ—«Вздоръ! ты джигитъ-Ассанъ, вся Куба знаетъ тебя, и здѣсь ты теперь извѣстенъ; скрыться нельзя».—Кругомъ набралось много людей; офицеръ приказалъ взять меня подъ караулъ. Въ числѣ служивыхъ лезгинцевъ были и персіяне, они начали распрашивать меня; но я молчалъ. —«Когда ты изъ нашихъ, персіянъ, то мы поможемъ тебѣ,—говорили они;—что же ты молчишь, или не желаешь самъ себѣ добра?»—Нѣтъ,—сказалъ я,—добру тутъ не быть! Если земляки лезгины не могутъ спасти меня, то какъ же поможете вы мнѣ здѣсь, когда братья ваши продали меня тамъ?.....

Меня ввели въ казарму, гдѣ офицеръ началъ ласково допрашивать меня, собираясь записывать мои слова.—«Ну,—говорилъ онъ,—разскажи мнѣ, мой любезный, все какъ было; куда ты былъ сосланъ, что тамъ дѣлалъ и какъ пришелъ сюда?.... Судьбы своей бояться человѣку никогда не слѣдуетъ, а ты въ насъ имѣешь сильныхъ заступниковъ, мы упросимъ за тебя начальство.»—Я долго

не отвѣчалъ; онъ ласкательно довѣдывался и всячески настаивалъ.— Послушай меня офицеръ,—сказалъ я наконецъ,—не допытывайся; судьбы своей я никогда не боялся, да и не побоюсь; судьба-судьбой, а люди—другое дѣло! Въ третій разъ погибая отъ своихъ, я довольно наученъ и хвастуновъ не терплю; что мнѣ въ твоей заступѣ и просьбѣ у начальства, она не стоитъ копѣйки! Ведите меня куда нужно, я дамъ отвѣтъ кому слѣдуетъ, а не здѣсь!—Тутъ я выхватилъ изъ за голенища ножъ, и, зная себя, чтобъ не было бѣды, сильно ударилъ имъ въ нары, сломалъ и бросилъ. Меня посадили отдѣльно.

Пока разныя мысли вертѣлись у меня подъ черепомъ, двое земляковъ принесли мнѣ обѣдъ и водку. Водки не пью,—сказалъ я,— а за хлѣбъ соль спасибо вамъ.—Но я не могъ ѣсть, сердце сильно волновалось и вдругъ слезы ручьемъ пробились изъ глазъ! Я самъ не зналъ, что дѣлается со мной; сложивъ руки и понуривъ головы, они сперва печально смотрѣли на меня, потомъ будто одумавшись или устыдясь себя, громко начали говорить: «чтожь!—погибать, такъ погибать вмѣстѣ! какъ покажемся мы на глаза своимъ дома? Изрубимъ тѣхъ, которые его выдали—и конецъ!..... Скорый пріѣздъ начальника остановилъ эту вспышку; онъ взялъ меня въ свои комнаты и разговаривалъ со мною до ночи.

Умная и ласкавая его рѣчь успокоила мою кровь и голову, сколько то было можно. Я понялъ, что спрятать человѣка въ карманѣ ни какъ нельзя, и что стало быть дѣлать тутъ было нечего, кромѣ того, что должно было дѣлать.—Меня отправили въ полицейскую часть, гдѣ я объявилъ себя лезгиномъ, взятымъ въ плѣнъ при нападеніи на Кизляръ, бѣжавшимъ съ дороги не знаю откуда и куда. Не понимавъ тогда ни слова по русски, я не могъ помнить ни именъ конвойныхъ офицеровъ, ни названія городовъ и мѣстъ, гдѣ шатался. Въ полиціи я просидѣлъ мѣсяца три спокойно и даже не безъ нѣкоторой пріятности:—вотъ что со мною тамъ было.

Въ числѣ арестантовъ находился пожилой человѣкъ, смирный, добрый и набожный; мы какъ-то особенно сдружились съ нимъ.

Не отставая отъ меня, совѣтуя, помогая и научая, онъ склонилъ меня заниматься русской грамотой, которая мнѣ показалась легка такъ, что я быстро успѣвалъ; въ то же время онъ часто говорилъ мнѣ о томъ, какъ пріятна Богу христіанская вѣра, какое она сокровище для человѣка и приводилъ множество чудесныхъ всякаго рода примѣровъ..... Тутъ затлѣлась во мнѣ, какая-то искорка—первая мысль: не сдѣлаться-ли христіаниномъ; не креститься-ли?... Я продумывалъ объ этомъ цѣлыя ночи; то рѣшусь, то опять назадъ. Вдругъ захочется сильно; вдругъ опять оттолкнетъ съ гнѣвомъ, яростью и ненавистью, которая смутитъ меня до мозжечка костей!.... Потомъ, опять поотдохну и думаю: а что если Богъ и меня, какъ другихъ, освободитъ отъ напасти и полюбитъ? Остался-бы я тогда въ Россіи; сколько я видѣлъ все въ ней далеко не такъ, какъ у насъ въ горахъ; есть порядокъ и правильность; есть тихая жизнь; есть богатство и довольство, кому больше кому меньше, а только и самымъ бѣднѣйшимъ есть помощь. Есть судъ и мягкость. Сравнилъ я тонко все, что видѣлъ тамъ и тутъ; взвѣшивалъ, размышлялъ и страшно сдѣлались мнѣ противны наши неисходныя нужды, вѣчное нищенство, крикъ, безчеловѣчье и непрестающая рѣзня и кровь! Если люди живутъ тутъ по людски,—думалъ я,—неужели у насъ въ горахъ они должны вѣчно жить какъ звѣри—отъ чего это?.... Крѣпко во мнѣ работали такія мысли, и я самъ чувствовалъ, какъ онѣ сильно измѣняли меня. Я удивлялся по чему мнѣ все видѣлось какъ то иначе, нежели прежде.

Само сабою случилось, что я и велъ себя очень смирно. Приставъ полюбилъ меня за это особенно, и разъ сказалъ одному важному господину, посѣщавшему тюрьму:—«вы могли-бы походатайствовать объ отпущеніи Ассана на поруки; жаль его, онъ смирный и добрый человѣкъ, какихъ я не видывалъ между арестантами и зачѣмъ ему сидѣть здѣсь? Онъ плѣнный; на чужбинѣ; куда ему уйти; чего отъ него опасаться? Постарайтесь о немъ».—Хорошо,—сказалъ тотъ;—вотъ что: отпустите его ко мнѣ въ праздникъ, у меня будутъ гости, я похлопочу, чтобъ помочь ему.—Приставъ исполнилъ это. Добрый господинъ одѣлъ меня въ черкесское платье,

снабдилъ деньгами и вскорѣ, вѣроятно по его же ходатайству, меня выпустили на поруки. Такъ я опять сдѣлался свободенъ;—но все таки обманомъ!.... Подъ часъ мысль эта бывало сильно встревожитъ меня;—но я махну рукой и подумаю: ну! что-же дѣлать—видно уже такая *судьба*!

XIII.

Точно, я былъ совершенно свободенъ, могъ ходить куда хотѣлъ, осматривать городъ, сводить знакомства;—но это продолжалось не болѣе мѣсяца; меня опять потребовали въ тюрьму, откуда впрочемъ отпускали иногда, на честное слово, которое я свято сохранялъ. Потомъ, не знаю по какимъ соображеніямъ, меня перевели въ управу, гдѣ продержали три мѣсяца. Дѣло обо мнѣ, послѣ всѣхъ этихъ проволочекъ, клонилось, какъ я узналъ, къ такому рѣшенію, что если мои земляки дадутъ подписку въ томъ, что я точно такой-то, изъ кизлярскихъ плѣнныхъ, то мнѣ предоставятъ совершенную свободу жить гдѣ хочу. Чего бы кажется лучше?.... Но земляки, хотя искренно сожалѣли обо мнѣ, подписки дать не рѣшились по той причинѣ, что какъ я зналъ четыре языка, турецкій, персидскій, татарскій и лезгинскій, то они не могли завѣдомо рѣшить къ какому именно я принадлежалъ отечеству и откуда мой родъ?... Нечего было дѣлать начальству, отправили меня снова въ тюрьму. Вскорѣ появился милостивый манифестъ; тюрьма пустѣла со дня-на день болѣе; вотъ завтра,—думалъ я каждый вечеръ,—выпустятъ и меня. Не тутъ-то было! Бѣдствіямъ моимъ еще не насталъ конецъ. Манифестъ относился только къ гражданскимъ арестантамъ, меня же оставили для перевода въ крѣпость, гдѣ я мѣсяцевъ семь ходилъ на работы съ другими арестантами.

Послѣ семимѣсячнаго содержанія въ крѣпости я былъ переданъ гражданскому суду и снова перемѣщенъ въ городскую тюрьму

Страшная скука, тоска не выносимая, овладѣвъ мною совершенно, побудили меня по временамъ братся, почти противъ воли, за разныя книжки, которыя приносилъ арестантамъ одинъ господинъ, посѣщавшій тюрьму по праздникамъ. Читая эти духовные и нравственные разсказы, я сперва находилъ ихъ странными не совсѣмъ пріятными; но въ скорѣ они заставили меня размышлять; а по мѣрѣ размышленія вникать, все съ возраставшею внимательностью, въ читаемое. Я открывалъ разные смыслы, на которые не нападалъ прежде, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ замѣчать въ себѣ ту странность, что бывалыя понятія мои о многомъ сами собой совершенно перемѣнялись. Такъ напр. вотъ какой замыселъ царствовалъ во мнѣ почти постояно, и особенно по ночамъ не давалъ мнѣ спать, кипятилъ мою кровь и разводилъ во мнѣ злобу почти до бѣшенства. Еслибъ мнѣ удалось возвратиться на родину,—думалъ я,—то всѣ мои мученія, всю злую судьбу свою я выместилъ-бы моимъ предателямъ во сто, въ тысячу разъ; а для двухъ братьевъ персіянъ, которые подло продали меня, я выдумалъ бы такое наказаніе, о которомъ долго - бы говорили въ горахъ!..... Что-же?— Вскорѣ началъ я замѣчать, отъ книжекъ-ли, которыя я читалъ, или отъ чего другаго то сдѣлалось—не знаю, но иногда какъ схвачусь умомъ за эту мысль, въ сердцѣ-то злобы и нѣтъ. Куда она дѣвалась—не понимаю! Горячу себѣ голову, думаю наказать нужно непремѣнно!.... Не тутъ-то было, жажда мести изчезла и, напротивъ того, появилось какое-то неясное чувство, что и врагамъ желать зла не должно, да и не желается; а что все испытанное и что еще впереди испытать придется, слѣдуетъ, какъ заслуженное, вынести стойко, безъ жалобъ и безъ нахальства, а со смиреніемъ. Что это для человѣка почетно и Богу должно быть пріятно..... Я не поддавался тотчасъ этимъ новымъ мыслямъ,—куда! я сильно боролся съ ними; а онѣ все укрѣплялись и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ становилось утѣшительно на сердцѣ, свободно и легко въ головѣ! Убѣдясь въ этомъ, я сказалъ сперва самъ себѣ, а потомъ и другимъ:—я рѣшился!—хочу креститься!.....

XIV.

Намѣреніе мое было передано и господину, который привозилъ намъ книжки. Онъ очень обрадовался, сообщилъ объ этомъ одной всѣмъ извѣстной въ Петербургѣ своими благотвореніями и дѣлами Христовой вѣры, знатной дамѣ; они оба пріѣхали, распрашивали меня долго, добивались нѣтъ-ли разсчета и корысти въ моемъ намѣреніи и, убѣдясь въ искренности моей, приняли всѣ требуемыя мѣры. Я былъ надлежащимъ образомъ приготовленъ къ пріятію Святой вѣры христіанской и вскорѣ (на первой недѣлѣ Великаго поста), меня крестили въ тюремной церкви. — Благотворители мои стали моими воспріемниками, истинными родителями, по духу, и я всегда видѣлъ въ нихъ послѣ добраго отца и заботливую мать.

По воспріятіи Св. крещенья стало мнѣ невыразимо отрадно; каждый день казался мнѣ праздникомъ, а тюрма сдѣлалась дворцомъ, такъ было во мнѣ самомъ свѣтло и спокойно! Но это скоро кончилось. Вдругъ началъ мучить меня совершенно новый упрекъ, сперва изрѣдка, потомъ чаще - чаще и наконецъ почти не оступно; онъ не давалъ мнѣ покоя. Кто-то шепталъ мнѣ безпрерывно въ уши: — «безумецъ, измѣнникъ! Какъ-же не понялъ ты, кто съ самаго дѣтства хранилъ тебя и питалъ; кто до сихъ поръ помогалъ и чудесно спасалъ отъ всѣхъ опасностей? Какъ-же не зналъ ты, что только великій и сильный пророкъ Магометъ одинъ могъ совершать это?.... И ты отрекся отъ него! ты измѣнилъ ему, перешелъ на сторону ненавистныхъ христіанъ!... Ты не избѣгнешъ страшнаго наказанія!»... Я старался противиться этимъ мыслямъ, но бореніе съ ними ломало меня; я слабѣлъ, не имѣлъ сна, лишался пищи, становился угрюмымъ; въ сердце моемъ поднималась злоба на всѣхъ, я разнемогался, все мнѣ опротивѣло, недобрыя затѣи начали бродить въ головѣ..... Невыносимо тяжело мнѣ было въ это время! Что день—то мука, что ночь—то еще хуже! Разъ я видѣлъ во снѣ будто часъ наказанія моего насталъ и произнесенный приговоръ приказано исполнить. Страшная и отвра-

тительная змѣя ползла на меня, чтобъ кончить дѣло; тихо двигалась она отъ моихъ ногъ, и все выше и выше опутывала меня своими холодными кольцами; я трепеталъ, но не могъ ни кричать, ни двинуться тѣломъ; наконецъ она вся обвилась около моей шеи, и немедленно жгла и здавливала ее такъ, что дыханіе сперлось, прекращалось, а глаза мои выдавливались изъ впадинъ..... Съ усиліемъ послѣдняго отчаянія я, какъ клещами, захватилъ руками ея кольца, бѣшено рванулъ ихъ съ шеи и проснулся.... Въ рукахъ моихъ былъ крестъ на шнуркѣ, возложенный на меня при крещеніи. Я тутъ же отдалъ его лежавшему возлѣ арестанту и съ этой минуты далъ себѣ клятву отрѣчься отъ Христа, и, не показывая то наружу, мыслію и сердцемъ всегда чтить и во всемъ держаться только бога моихъ отцевъ и его пророка, Магомета.

Около пяти мѣсяцевъ послѣ сего я былъ потребованъ въ уголовную палату, гдѣ мнѣ объявили рѣшеніе объ освобожденіи меня отъ суда и дозволеніи приписаться куда пожелаю, для избранія рода жизни. Я возблагодарилъ Магомета! — Выйдя въ первой разъ на улицу, глядя на народъ, двигавшійся туда и сюда и вспоминая, что я тоже совершенно свободенъ, я, то вдругъ радовался—какъ дитя, то пугался, думая про себя: это невозможно, тебя сей часъ схватятъ, посадятъ въ заточеніе, начнутъ допрашивать.... Конечно, я скоро бы привыкъ къ своей свободѣ, всѣ эти опасенія тотчасъ изчезли-бы во мнѣ сами собой, при очевидности полнѣйшей моей безопастности, еслибъ не было особенной причины къ ихъ продолженію.—Съ того самаго дня, когда меня выпустили и только что поутихла первая радость, чрезвычайная боязнь затаилась въ моемъ сердцѣ; двѣ мысли въ головѣ моей толкались безвыходно и не давали мнѣ покоя:—«ты христіанинъ, а ты лжецъ и въ вѣрѣ и въ дѣлѣ; вѣрой ты уже отрекся отъ Христи; въ дѣлѣ тебѣ во всемъ повѣрили, а ты всѣхъ обманулъ; это не пройдетъ даромъ!» Совѣсть шептала мнѣ, что все это скверно; по ночамъ я вскакивалъ въ ужасѣ, мнѣ казалось, что кругомъ собралось множество людей и что всѣ говорятъ съ гнѣвомъ: возьмите, свяжите его, мошенника, онъ обманулъ людей и Бога!.... Этотъ страхъ иногда

дремалъ, а иногда съ новою силою пробуждался во мнѣ; но рѣшительно никогда онъ не покидалъ меня, до извѣстнаго случая, о которомъ я скажу.... Я недоумѣвалъ, какъ быть, что дѣлать; кому служить и вѣровать?....

Благодѣтельница моя, заботясь о моемъ существованіи въ новой для меня жизни, придумала отправить меня въ свою вотчину; приказала управляющему дать мнѣ должность смотрителя и ласково наставлять какъ обращаться съ людьми. Сталъ я служить ей сколько было силъ и умѣнья; новыя обязанности и безпрерывная дѣятельность усыпили мою внутреннюю тревогу. Я берегъ каждую соломинку; зорко смотрѣлъ и строго требовалъ, чтобъ во всемъ были порядокъ и правда..... Но при этомъ всегда сердце опять щемило! Правды хочешъ ты для нее,—говорило оно мнѣ,—а самъ неправъ противъ нее и противъ всѣхъ! Ты не хочешь, чтобъ ее обманывали,—а самъ, за благодѣянія, за привольную и безнуждную жизнь, обманываешь ее и весь свѣтъ!!.... Стало быть и тутъ спокойствія не было у меня въ душѣ; чѣмъ болѣе я сердился на самаго себя, тѣмъ болѣе сердился и на людей!— Жестоко бьюсь бывало самъ съ собою, и только угомоню себя на-время развѣ мыслью: ну! ничего, съ годами все пройдетъ; самъ привыкнешь, забудешь; никто не знаетъ да и не узнаетъ; Магометъ поможетъ!... Однако время текло, а я не забывалъ, не чувствовалъ себя спокойнѣе; а люди все болѣе и болѣе не любили меня за взыскательность мою и строгое требованіе исполненія каждымъ своего дѣла. Такъ мнѣ все становилось тяжелѣе и съ самимъ собою и съ людьми. Нельзя же было долго тянуться этому, и вотъ что наконецъ случилось.

Разъ я отдавалъ приказанія отъ имени управляющаго,—вмѣсто повиновенія мнѣ отвѣчали насмѣшками и бранью; я настаивалъ— люди начали угрожать. Споръ этотъ обнаружилъ всю ненависть ихъ ко мнѣ; отъ ругательства они хотѣли перейти къ дѣлу, и одинъ, болѣе другихъ смѣлый, чтобъ побудить ихъ, вдругъ кинулся впередъ, схватилъ меня за одежду на груди и сталъ дергать изъ всей силы..... Умершій вомнѣ Ассанъ весь ожилъ! какое-то пламя только что пробѣжало съ макушки моей головы до пятокъ, какъ человѣкъ

этотъ лежалъ уже полумертвый у моихъ ногъ и всѣ отступились? Не помню самъ, какъ я схватилъ его за воротъ, высоко поднялъ и грямулъ о земь!.... Кончено! не хочу болѣе этой жизни, она не по мнѣ! Всѣ здѣсь мошенники, обманщики!.... При этой мысли опять совѣсть вдругъ угрызала меня; но я внутренно возражалъ ей: они христіане, чтожь въ томъ? не хочу быть христіаниномъ!

Возвращаясь въ Петербургъ, я придумалъ дорогою идти въ военную службу. Я объявилъ объ этомъ доброй крестной матери моей. Крѣпко пожалѣвъ о случившемся, она съ большой ласкою наставляла меня какъ христіанину должно, во всемъ усмиряя свой нравъ, терпѣть даже обиды, не мстить, не злобствовать, въ полной увѣренности, что Богъ видитъ все и за все воздастъ непремѣнно каждому по достоинству.... Эти послѣднія слова ея, возбудивъ еще сильнѣе неотступную тревогу въ моемъ сердцѣ и мысли, утвердили меня въ томъ, что строгая дисциплина военной жизни мнѣ будетъ на пользу. Я просилъ матушку, не откладывая, похлопотать объ опредѣленіи меня въ казаки. Посовѣтывавшись съ военными начальниками, она доставила мнѣ готовую просьбу, которую я подписалъ, подалъ и нетерпѣливо ожидалъ рѣшенія.

Занятій теперь никакихъ я не имѣлъ, времени было много; не зная чѣмъ помочь себѣ,—давай,—подумалъ я,—попробую еще, что будетъ? и сталъ прилежнѣе читать духовныя книги. Потомъ долго размышляя о прочитанномъ, я сравнивалъ, что тамъ говорилось о человѣкѣ и жизни съ тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ въ ней съ дѣтства, и обдумывалъ все это. Въ эту же пору я началъ привыкать часто посѣщать церкви, и вскорѣ, меня какъ будто тянуло туда каждый день, а иногда и по два раза. Мнѣ очень стало нравится Богослуженіе, а чтенія и проповѣди я слушалъ съ большимъ вниманіемъ, и потому всегда старался становиться такъ близко, чтобъ не пропустить ни одного слова.

Одинъ разъ, во время обѣдни въ Казанскомъ соборѣ, извѣстный проповѣдникъ съ большою силою говорилъ съ каѳедры все о томъ:—«что отъ Бога не можетъ быть скрыто ничего; — что онъ видитъ сердца человѣческія, знаетъ тайну всякой нашей мысли,

знаетъ всѣ и неисполненныя еще, а только задуманныя дѣла; — и что, какъ онъ безгранично милуетъ и очищаетъ даже самаго страшнаго, но кающагося грѣшника, точно такъ же строго будетъ судить закоснѣлаго въ нераскаяніи.»—Это такъ поразило меня, что я не сходилъ съ мѣста, когда служба уже окончилась. Возвращаясь домой и глубоко раздумывая о слышанномъ, я никакъ не могъ не признавать себя грѣшникомъ;—большимъ грѣшникомъ,—преступникомъ,—нераскаяннымъ,—закоснѣлымъ. Это было для меня самого такъ ясно и безспорно, что я впалъ въ ужасъ. Голова помутилась, я долженъ былъ гдѣ-то присѣсть въ углу, чтобъ оправиться, и только повторялъ въ себѣ:—Господи! Помоги, прости!.... Вдругъ во мнѣ, какъ молнія, блеснула мысль совершенно новая и которая въ одну минуту успокоила меня; я бодро всталъ; внутри меня что-то шепнуло мнѣ, что нужно дѣлать, и я рѣшился!—Какъ!—говорилъ я самъ себѣ дорогою,—стыдъ и срамъ на твою голову! Какъ! Когда ты былъ дикаремъ, горцемъ, почти мальчишкой, ты не щадилъ, Ассанъ, своего тѣла и крови; всякая боль и рана изъ за дряни были тебѣ нипочемъ, ты надъ ними смѣялся, ты плевалъ на всякую опасность.... Теперь, просвѣтившись, возмужавъ, сдѣлавшись слугою Христа, пріобщившись Его тѣла и Его крови,—вѣдь ты все же христіанинъ, хотя и отрекся,—теперь ты останешься лжецомъ, обманщикомъ передъ Нимъ знающимъ все, передъ Царемъ твоимъ, передъ благодѣтелями и передъ всѣми людьми, изъ подлой трусости потерпѣть боль, понесть наказаніе?!... Этого быть не можетъ, не должно! Не хочу! Не будетъ!... Все открою, все вынесу! Очищусь!!.... Вотъ какова была во мнѣ борьба и работа!....

Въ такомъ настроеніи, но совершенно успокоенный духомъ явился я къ крестной матери и, ставъ на колѣни, объявилъ ей, что я преступникъ. Она въ сильномъ испугѣ спрашивала торопливо:—Боже мой! Что такое? Не убилъ-ли ты кого?—Нѣтъ, я не убилъ, а меня убиваетъ моя совѣсть; она проснулась и я не могу болѣе таить ничего. Маменька! Я всѣхъ обманулъ! Оболгалъ всѣхъ!... Я бѣглецъ, но не изъ плѣнныхъ, а изъ солдатъ финляндскихъ

баталіоновъ, въ которые былъ отданъ на службу. Не хочу оставаться такъ долѣе; объявлю обо всемъ начальству, чтобъ меня взяли, судили, наказали! Это нужно! Я перенесъ много, перенесу или нѣтъ—что будетъ, не забочусь, не щажу себя, мнѣ все равно; хочу только одного: — хочу очиститься, получить прощеніе отъ Бога!—Крестная матушка не отговаривала меня, а только наставляла, что и добрыя намѣренія и рѣшенія должно приводить въ исполненіе не сгоряча, не гордо, а со смиреніемъ, съ совѣтомъ и съ сокрушенною молитвою, чтобъ самъ Господь научилъ, помогъ и благословилъ.—Она приказала мнѣ чаще ходить въ церковь съ этимъ чувствомъ, а въ одинъ день велѣла промолиться до вечера въ Казанскомъ соборѣ, передъ Св. иконою Скорбящей Божіей Матери, великой заступницы нашей передъ Христомъ Богомъ.

Я все это ревностно исполнялъ, какъ отрадное и мнѣ самому, не зная, что моя добрая мать ходатайствовала въ то самое время за меня у властей, высшихъ на землѣ послѣ Бога. Въ тотъ день, когда я поздно воротился изъ собора, благодѣтельница моя позвала меня и объявила, что за предстательство Царицы Небесной, Богъ не отвергнулъ моей молитвы, что онъ внушилъ милосердому нашему Государю простить меня и избавить отъ суда и наказанія. Царь повелѣлъ только немедленно отправить меня на два года въ тотъ же баталіонъ, чтобъ я доказалъ тамъ мое раскаяніе честною, вѣрною и примѣрною службою.

Этотъ день былъ самымъ радостнымъ въ моей жизни! Мнѣ казалось, будто тяжелый камень отпалъ отъ моего сердца; никогда я не дышалъ легче; никогда я не былъ свободнѣе; прежняя свобода моя въ горахъ, въ сравненіи съ тогдашнимъ состояніемъ моей души, была самымъ грустнымъ и тяжкимъ рабствомъ..... И чудно же Богъ устраиваетъ въ жизни все, до мелочи! Дорогой въ Выборгъ меня везъ сынъ той самой бѣдной старухи, которая приняла меня—бѣглеца, чуть живаго отъ голода, накормила и отправила съ добрымъ пожеланіемъ.—«Откуда ты?» - спрашивалъ онъ съ изумленіемъ?—Изъ отпуска—отвѣчалъ я,—и подѣлился съ нимъ деньгами, которыми меня наградили мои благодѣтели.

Когда мы прибыли на мѣсто и ѣхавшій со мною жандармъ подалъ начальству бумагу обо мнѣ, изъ Петербурга, удивленіе было всеобщее отъ полковника до послѣдняго изъ солдатъ.— Ну! Ассанъ!— сказалъ мнѣ баталіонный командиръ,—ты, по русской пословицѣ, родился въ сорочкѣ. Благодари же Бога и Царя — не то ожидало тебя. Всѣхъ обманулъ ты и обидѣлъ больно, начиная съ меня; вспомни, какъ я тебя любилъ и берегъ?

— Прошлаго не воротить, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ я ему, — Царь простилъ, простите и вы; сами увидите, какъ я буду стараться всѣми силами загладить мою вину и сдѣлаться достойнымъ этого помилованія.

—«Хорошо,—замѣтилъ онъ,—знай же, что такого случая въ арміи отъ вѣка не бывало!—Въ какую роту ты желаешь?»—Я просился на старое мѣсто.

Вѣсти по казармамъ ходятъ бѣглымъ шагомъ. Когда я пришелъ къ товарищамъ, главное имъ уже было извѣстно. Съ перваго же дня начались распросы; разсказамъ и удивленіямъ не было конца до самаго выхода моего изъ баталіона; извѣстно: солдаты что дѣти! Я тѣшилъ братій, любилъ ихъ, и крѣпко держась даннаго слова, служилъ по совѣсти такъ, чтобъ навѣрное угодить волѣ Божіей и Царской. Не прошло и двухъ назначенныхъ Государемъ лѣтъ, когда меня перевели въ гвардію.—Слава Богу, Царю и благодѣтелямъ моимъ!—повторялъ я всегда въ сердцѣ, и искренно Ему за нихъ молился; а въ самомнѣніи казалось мнѣ, что я сталъ такимъ христіаниномъ, котораго теперь не совратитъ съ пути вѣры весь адъ!....

Это было въ маѣ 1844 года. Началась для меня опять новая полоса,—новая не только по наружному, но и по внутреннему ея смыслу и пречуднымъ обстоятельствамъ. Все въ ней такъ было отлично отъ всего прежняго, что, очевидно, то было переломомъ жизни; а потому я не хочу смѣшивать двухъ половинъ,—кончившейся и еще продолжающейся, до того, извѣстнаго только самому Богу, конца, къ которому угодно будетъ Ему довесть меня....

Отдохнувъ немного отъ перваго разсказа, примусь и за другой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Я сталъ гвардейскимъ солдатомъ. Военная служба была для меня дѣломъ не новымъ; чего она требовала я зналъ, служить хорошо рѣшительно хотѣлъ; а потому и между товарищами и у начальства съ перваго же времени поставивъ себя на добрый счетъ, не переставалъ быть на отличномъ замѣчаніи. Знакомился я тутъ по-немногу съ разными людьми въ казармахъ, а случаемъ и за казармой. Въ нашемъ полку было нѣсколько мусульманъ, въ другихъ еще болѣе; въ городѣ ихъ находилось множество въ торговцахъ, въ дворникахъ, въ кучерахъ и въ разныхъ должностяхъ; въ собственномъ-же конвоѣ не мало служило и моихъ однокровныхъ соотечественниковъ,—вскорѣ всѣ узнали обо мнѣ. Если слухи въ народѣ разносятся быстро, то въ войскѣ и того быстрѣе. Во время – «вольно»—что нибудь соври послѣдній солдатъ, набалагурь на лѣвомъ флангѣ пятидесяти тысячнаго утренняго парада,—вечеромъ будутъ говорить о томъ во всѣхъ казармахъ, а на другое утро новость пробѣжитъ по лавочкамъ, разскажется на плотахъ, на рынкахъ и на работахъ!—Обо мнѣ слухи пошли еще скорѣе, потому что изъ генераловъ, офицеровъ и свѣтскихъ господъ многіе уже знали и разсказывали кое-что изъ похожденій моихъ; а когда Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Шефъ нашего л.-г. финляндскаго полка изволилъ

самъ говорить со мною въ манежѣ, на смотру, какъ же было не узнать о томъ войску? Похваля меня за добрый видъ и выправку, Великій Князь узналъ отъ начальства каковъ я, и спросилъ понимаю-ли, какъ великъ почетъ и разница между настоящей моей службой и бывшимъ дѣломъ?—Разумѣю В. В.—отвѣчалъ я смѣло,—если я служилъ хорошо черному хану, то какъ же не буду служить изъ всѣхъ силъ Царю Бѣлому, которому принесъ присягу?—Словомъ, я былъ гвардейскій солдатъ хоть-куда; военные любовались мною, а меня это радовало. Казалось бы такъ весело могъ я прожить и всю жизнь.

Удалось мнѣ сломать и кампанію венгерскую; но къ великому моему сожалѣнію въ дѣлѣ я не былъ, а очень хотѣлось. Отпуская насъ, Великій Князь на смотру опять хвалилъ меня за хорошую службу, за скорое изученіе русскаго языка, за любовь мою къ товарищамъ и сказалъ между прочимъ:—«Увидимъ, какъ-то покажешь ты себя въ боевой службѣ?»—Я смѣло отвѣчалъ:—И увидите и услышите, В. И. В! Въ манежѣ передъ другими не отличишься, а въ сраженіяхъ, пока не убьютъ, надѣюсь я быть такимъ, чтобъ говорили обо мнѣ по всему гвардейскому корпусу, и долго помнили бы финляндскаго солдата.

Походъ въ гвардейскомъ русскомъ войскѣ тоже былъ для меня дѣло великое. Э! Далеко это не то, что бывало у насъ въ горахъ!.... Разсказывать не стану; извѣстно, бывало,—тутъ всего довольно; скажу только, что какъ меня любили и тѣшили офицеры бѣльемъ, сапогами, деньгами,—всѣмъ въ доволь, такъ и я имѣлъ просто страсть раздѣлять все съ товарищами; только не любилъ поить ихъ водкой,—по чаркѣ поднесу, а болѣе ни, ни,—хоть расплачься. Нѣкоторые и сердились за это. Ну, ихъ! а другое все была мнѣ такая радость раздавать и дѣлить, что на возвратномъ пути, чуть не съ второй трети дороги, самъ не выпросивъ ни у кого помощи, за все розданное, занялъ у артельщика 20 коп., да съ ними дошелъ до Петербурга.

Я посѣщалъ иногда благодѣтелей моихъ, крестныхъ отца и мать И. Г. Рю....а и Т. Б. По.....у; но тутъ случилось такъ,

конечно по Высшему Промыслу, что люди, сдѣлавшіе все для принятія меня въ православіе, дальнѣйшихъ трудовъ и заботливости обо мнѣ не приложили; а послѣ вышло, какъ свѣтъ ясно, что именно это и было тогда очень необходимо для крестнаго ихъ сына. Я и не мыслилъ никогда упрекать ихъ за то, что не видѣлъ отъ нихъ въ то время ни участія, ни ласки, ни пріема; не слышалъ добраго слова. Я понималъ хорошо, что съ одной стороны зная меня пристроеннымъ въ гвардіи, поставленнымъ на дорогу, они были спокойны, тѣмъ болѣе, что я имъ же былъ обязанъ и этимъ; а съ другой — что слуги богатыхъ господъ, сперва глядѣвшіе на меня какъ на одного изъ немногихъ крестниковъ, теперь видѣли во мнѣ одного изъ многихъ десятковъ тысячъ солдатъ; такъ какъ же было простому солдату добраться до палатъ высокихъ особъ!..... Но все таки сдается мнѣ, что можетъ быть не потерпѣлъ бы я многаго, еслибъ имѣлъ тогда на кого опереться; еслибъ поддержали во время мой умъ и сердце и не дали-бы имъ болтаться какъ маятнику, не имѣющему въ себѣ возможности остановиться безъ пособія чужой силы.—Я разсказалъ уже о началѣ боренія и раскаянія во мнѣ, о принятіи христіанства; они шли своей чередой; иной разъ прятались во мнѣ глубоко и долго молчали, какъ воръ въ тихомолку крадя у меня то одно, то другое чувство; въ иной же разъ выходили наружу съ дикою яростью, какъ разбойники, и изранивъ меня смертельно разграбляли всего.

Сперва я изрѣдка заходилъ къ одноплеменникамъ собственнаго конвоя, а тамъ и почаще, по ихъ настоятельнымъ приглашеніямъ. Вглядываясь въ ихъ житье и довольство, не могъ же я не сознать большаго различія въ обстановкѣ ихъ быта и моего солдатскаго, хотя и гвардейскаго. Они не только были ко мнѣ ласковы и дружелюбны, но и готовы на помощь; всячески затягивали меня къ себѣ и предлагали то того, то другаго; никогда они не оскорбляли меня прямо упреками за отступничество, тогда какъ многіе изъ мусульманъ въ Петербургѣ поносили меня за это, ругали въ глаза и не только не помышляли чѣмъ либо помочь, но ненавидѣли, и, въ чемъ могли, преслѣдовали и вредили. Но въ головѣ моей и

само собой постоянно вертѣлось:—вотъ какъ живутъ твои братья? откуда имъ все это и за что, если не за то, что они остались неколебимыми въ своей вѣрѣ? Ты принялъ православіе, а какая же тебѣ отъ того особенная польза? Тѣмъ ли бы ты былъ теперь на Кавказѣ?!.... И становилось мнѣ досадно; стыдъ пробуждался въ сердцѣ, и сталъ я разсуждать, оправдывая себя:—«Да полно, добровольно-ли ты сдѣлался и христіаниномъ-то? Конечно, тебя не нудили, не били собственно для этого; однако, все же ты былъ въ тюрьмѣ, въ неволѣ; вспоминалъ тамъ, что уже вытерпѣлъ и какія муки могъ еще понесть впереди.... Ты струсилъ! ты хотѣлъ избѣгнуть ихъ; вотъ и все»!... Это оправданіе было обвиненіемъ.... Я началъ уклоняться, при встрѣчахъ даже прятаться, отъ братій по вѣрѣ; но они или случайно вездѣ попадались мнѣ, или же нарочно меня отыскивали на рынкахъ, на работѣ при большихъ постройкахъ; завлекали къ себѣ и, уже открыто, то стыдя, то уговаривая, склоняли и уламывали обратиться и отвергнуть принятую Вѣру, предлагая всякія пособія: чай, сахаръ и бѣлье, деньги—по сту рублей и болѣе. Я отвергалъ все, прикидываясь благодарнымъ и глубоко смиреннымъ; тогда какъ весь кипѣлъ гордостью, завистью и злобой! И если послѣ долгихъ денно-нощныхъ усилій бывало угомоню эти движенія до чувства какого-то, будто-бы, смиренія, то и въ немъ, тайное стремленіе мое было не къ Христу, а къ великому нашему Богу и къ его пророку Магомету!.....

Такъ-то я ушелъ далеко въ неслишкомъ продолжительное время, отъ того настроенія, въ которомъ слушалъ поразившія меня проповѣди въ Казанскомъ соборѣ!... Въ разсказѣ все это коротко, мало и легко; на дѣлѣ же было не то. Работа во мнѣ была богатырская! Меня томило, ломало, мучило, крушило такъ, что крѣпкая коробка тѣла наконецъ не вынесла того, что въ ней мололось,—меня свалило! Сказываютъ, что тó была жестокая желчно-нервная горячка. Три мѣсяца возился со мною нашъ главный докторъ г-нъ Нагумовичъ, которому я былъ особенно порученъ высшимъ начальствомъ. Не ихъ микстуры, а молодецкій мой складъ и закаленная сила,—какъ думали тогда врачи, или—какъ я не только

думаю, но вѣрю, — непремѣнная воля Божія вели меня чрезъ новыя обстоятельства и наученія новой жизни, теперь пройденной уже хотя и не до конца, и оставили въ живыхъ. Но и въ болѣзненомъ состояніи, въ больницѣ, всякая ясная во мнѣ мысль обращалась все къ одному. Особенно-же занималъ меня и постоянно стоялъ предо мною, въ болѣзни, и послѣ нея, необыкновенный вѣщій сонъ въ тюрьмѣ, въ которомъ я, сдернувъ съ шеи давившую меня змѣю— сорвалъ крестъ Христовъ, надѣтый на меня при крещеніи!—Такъ, я вышелъ изъ больницы все такимъ же больнымъ, если не худшимъ, потому что и тѣлесныя мои силы были крайне разбиты.

Оправясь, я былъ помѣщенъ въ роту отличнаго командира, капитана Загорскаго. Дни, недѣли, мѣсяцы шли своимъ чередомъ; я исполнялъ по прежнему солдатскую службу прилежно, съ толкомъ и ретиво; ходилъ на ученья, въ караулъ,—но внутри было не прежнее. Я повсюду носилъ съ собою свою неотступную думу; и дѣлалъ свое дѣло,—но не сообщаясь съ нею,—она дѣлала свое; я не съ меньшею силою, что вскорѣ и оказалось.—По случаю праздника былъ церковный парадъ, я стоялъ въ строю, а во мнѣ крѣпко сидѣла моя мысль; смотрѣлъ я на все не тѣми глазами, слушалъ все не тѣмъ ухомъ, какъ бывало, не говоря уже о сердцѣ. Преклонялись другіе, преклонялся и я; крестились другіе,— и я тоже; а самъ думалъ:—«великій пророкъ нашъ! Ты видишь. что въ сердцѣ моемъ я ношу только тебя, вѣрю только твоей силѣ, надѣюсь на тебя одного!»..... Въ глазахъ у меня зеленѣло, жилы вздувались, крупный потъ пробивалъ будто въ рукопашной схваткѣ!..... Не помню, какъ я возвратился домой съ другими, но только что вошелъ въ роту, грянулся безъ чувствъ о полъ, и меня полумертваго отнесли въ госпиталь.

Не знаю, чрезъ сколько времени проснулась во мнѣ память, я, началъ разумѣть, что около суетилось много народа; слышалъ, узнавалъ голоса докторовъ, которые говорили, что я въ послѣдней крайности, что надежды нѣтъ никакой и приказывали вынесть меня въ особую палату, чтобъ я спокойно скончался. Чувствовалъ, какъ меня несли; все понималъ, но не могъ ничего

видѣть, не могъ подать никакого знака жизни и только усердно молилъ Бога и Магомета, чтобъ меня похоронилъ не русскій попъ, а нашъ мулла.... Съ этою мыслью я опять потерялъ сознаніе..... Вдругъ слышу шумъ, по корридору стукъ шаговъ, громкій говоръ. Распахнулись настежь двери, вижу — входитъ штабъ-лекарь, за нимъ множество лицъ, всѣ веселые, всѣ обнимаются, всѣ радостно повторяютъ:—«Воскресъ! Воскресъ!!» — Подходятъ ко мнѣ и опять говорятъ съ удивленіемъ:—«смотрите! и онъ воскресъ!!»— Все это какъ-то особенно-пріятно удивляетъ меня. Прошу, чтобъ подняли, посадили;.... но едва нѣсколько рукъ охватили мое туловище, какъ мнѣ опять дѣлается дурно,—обморокъ!.... Пускаютъ кровь, даютъ лекарство, трутъ спиртомъ виски, руки.... Прихожу въ память, чувствую себя легко, хорошо..... «Видишь-ли,—говоритъ мнѣ штабъ-лекарь,—вотъ, въ самый день Воскресенія и ты воскресъ изъ мертвыхъ. Ну, братъ! Поздравляю; это рѣдкій случай! Теперь опасность миновала, будешь живъ!» — И всѣ уходятъ съ изъявленіями радости и удивленія.

Со мною остался въ палатѣ одинъ сторожъ. При помощи его сдвинулся я кое-какъ съ кровати, и сѣвъ возлѣ на ставецъ, оперся рукой на столикъ, усиливаясь привесть въ порядокъ смутныя въ головѣ изображенія всего, что произошло.—Какъ это,—говорю я ему, — не могу порядочно сложить, что такое было? — «Да что было,—отвѣчаетъ онъ, — просто было съ тобою чудо!» — Помню, что вчера принесли меня изъ роты въ больницу, а смотри какъ я исхудалъ, будто вышелъ прямо изъ могилы и силы нѣтъ никакой, какъ у малаго ребенка —«Вчера! — отвѣчаетъ сторожъ,— Э! Братъ, хватился! Какое тутъ вчера!.... Да я караулю тебя здѣсь ужь цѣлые семь дней,—даже наскучило. Давно-бы ужь сунули тебя въ ящикъ и стащили бы на кладбище съ другими: —извѣстно, нужно очистить госпиталь къ празднику,—еслибъ сперва не замѣтили маленькаго дыханьица на зеркалѣ, а потомъ видятъ, что тѣло-то не портится, лежитъ себѣ въ чистотѣ и исправности, какъ слѣдуетъ быть аккуратному солдату;—вотъ и оставили. Чтожь? въ самый праздникъ, часа, то есть, три тому назадъ, на верху въ

церкви-то поютъ: «Христосъ Воскресе!» — глядь! а ты вдругъ и просыпаешься тутъ! Христосъ значитъ Самъ воскресилъ и тебя!»...

При имени—Христосъ, мысль моя и чувства тотчасъ перенеслись на прежнее, и я съ восторгомъ, котораго не могу пересказать, обратился съ внутреннею горячею благодарностью къ Магомету.—«Кто же, кромѣ тебя, великій пророкъ, — думалъ я въ себѣ, — могъ совершить все это?! Ты услышалъ мое моленіе, ты наградилъ меня за то, что я повинясь опять обратился къ тебѣ!— Да, ты одинъ великъ и всемогущъ!»..... Но вдругъ *вижу*,—я говорю *вижу*, потому что и теперь знаю, что не засыпалъ тогда, а при этомъ обращеніи къ Магомету внезапно *увидѣлъ* передъ глазами то, что тотчасъ разскажу, и что врѣзалось въ мою память съ такою силой, что и теперь, какъ будто, смотрю на все это; —говорю, вижу я, кругомъ садъ, раскинувшійся такъ, что нѣтъ ему конца и прекрасный красотою совсѣмъ особенно. Иду я по немъ и удивляюсь: — деревья стройныя, какихъ я не видѣлъ ни на родинѣ, ни гдѣ; о какихъ и не слыхивалъ въ сказкахъ; густо покрыты круглыми листьями, какъ тарелки и больше; дорожки, посыпанныя будто золотомъ и серебромъ, тянутся, вьются, пересѣкаются во всѣ стороны. Но къ великому удивленію моему, нигдѣ ни цвѣтка, ни ягоды, ни фрукта; всего же болѣе меня поражаетъ то, что не только не видно животнаго, птицы, бабочки, малѣйшей мошки или червячка; но не слышно ни шелеста, ни звука, ни вѣянія, ни какого-либо дыханія или признака жизни;— да будто и въ самыхъ растеніяхъ тоже жизни нѣтъ: дивныя и неестественныя, неподвижныя и безплодныя!.....

Съ изумленіемъ думаю: что-же это такое? Гдѣ я?.... Вотъ, на встрѣчу мнѣ по дорожкѣ идетъ монахъ. — «Ты хочешь знать, — говорилъ онъ,—гдѣ ты? Узнаешь. — Ты сей часъ горячо благодарилъ Магомета за все чудесное, что будто-бы онъ упросилъ Бога сдѣлать для тебя; да ты и давно уже все къ Магомету стремился мыслью, все только его ты хотѣлъ узнать яснѣе и ближе, чтобъ крѣпче привязаться къ нему сердцемъ, чтобъ усерднѣе вѣрить и служить только одному ему, по твоей мысли, вели-

кому и сильному, который совершилъ все чудное, что съ тобою случилось..... Смотри, этотъ садъ есть домъ Магометова тѣла.» — Пока монахъ говорилъ, мы подходили къ огромнѣйшему дереву, вершина котораго высоко поднималась надъ всѣмъ садомъ, на далекое разстояніе кругомъ, раскидывая вѣтви; а штамба окружить, казалось, не могла бы и сотня людей, взявшись за руки. — «Гляди,» сказалъ мнѣ монахъ, указывая на корни, которые извивались изъ подъ дерева, какъ страшныя змѣи.

Я взглянулъ,—тамъ лежало великанское тѣло, будто удавленника или утопленника, вспухшее, синее, все изгнившее; но все цѣлое и до того отвратительно-ужаснаго вида, что необычайная дрожь проняла меня и застудила всю кровь въ жилахъ! Въ эту минуту я счелъ бы блаженствомъ снова перестрадать все тяжкое, что было со мною въ жизни, лишь бы не видѣть этого нестерпимаго зрѣлища.—Но сколько я ни старался, не могъ отвесть отъ него глазъ.—«Вотъ твой Магометъ!» — сказалъ мнѣ монахъ;—«не только ты, вся природа ужасается; она отказываетъ въ истинной жизни всему окружающему,—нѣтъ движенія, нѣтъ плода. Всякое дыханіе бѣжитъ отъ этого мѣста; земля не принимаетъ тѣла; оно будетъ лежать тутъ до того часа, въ который, по звуку трубы ангельской, душа его, не впущенная ни въ рай, ни въ адъ, войдетъ въ это тѣло свое, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ встать, когда востанутъ всѣ мертвые, и на страшномъ судѣ Господа нашего Іисуса Христа отдать отвѣтъ Владыкѣ, Создателю всѣхъ, за жизнь свою и за гибель многихъ милліоновъ людей!»

.....Я очнулся!.... Сижу на томъ же ставцѣ, опершись на локоть; противъ меня тотъ же сторожъ, не успѣвшій еще перемѣнить и положенія членовъ, какъ будто не прошло минуты,—а мнѣ казалось, что протекли дни и цѣлыя недѣли въ страшномъ зрѣлищѣ, которое выражалось въ моемъ внутренномъ взорѣ! Я трясся отъ ужаса! Меня студило и жгло съ головы до подошвъ; въ глубинѣ сердца, костей и въ мозгу я ощущалъ будто язвы, по которымъ переходили такія мысли, что каждая, казалось, срывала одинъ за другимъ струпья съ свѣжихъ ранъ, опаляя меня невыразимой болью!.....

И думалось мнѣ такъ: — кто ты? разсуди самъ?.... Разбойникъ, извергъ, лжецъ, измѣнникъ Богу!!..... Вспомни только, чѣмъ ты былъ и что было съ тобою?..... Вспомни всё?... откуда, какъ, какими средствами и непостижимыми путями ты былъ выведенъ изъ стараго, и введенъ въ новое!!... Какую благодать даровалъ тебѣ Господь Іисусъ Христосъ въ Святомъ крещеніи, принятомъ тобою? Какія онъ вмѣстѣ съ симъ вложилъ въ тебя чувства, какое далъ тебѣ счастье? Какое открывалъ предвѣдѣніе вѣрнаго блаженства впереди? Ты очень хорошо знаешь это; ты ясно видѣлъ, понялъ и испыталъ въ самомъ себѣ и кругомъ все удивительное, что только онъ одинъ Христосъ всемогущею волею своей любви къ человѣку, могъ совершить, не смотря ни на какія условія, препятствія, невозможности со стороны людей и обстоятельствъ!... И за все это, тебѣ такъ вѣрно извѣстное, такъ ясно душѣ твоей открывшееся, ты отвергъ Христа твоего благодѣтеля!... Ты самъ сорвалъ съ себя крестъ Его святый, новое оружіе твоего спасенія!.... Ты измѣнилъ Ему! — и не разъ, не на день, а долго, усильно, старательно. Ты питалъ, кормилъ и укрѣплялъ въ себѣ мысль этой подлой измѣны; ты нарочно затемнялъ въ головѣ, задушалъ въ сердцѣ, выгонялъ изъ своихъ дѣлъ все, что благодать премилосердаго Христа тихо вносила въ тебя, чтобъ, не насилуя твоей воли, дать тебѣ средство самому остановить свое безуміе!!—Дерзкій и погибшій! — Что же въ томъ, что ты не переставалъ призывать Бога; на какого бога надѣялся ты, когда вмѣсто Создателя и Спасителя твоего, Христа, ты утвердилъ безумную вѣру твою и упованіе на Магомета?!.... Теперь ты знаешь, что твой Магометъ?..... Ты видѣлъ его: а всегда премилостивый Христосъ, и теперь не покинулъ тебя, неблагодарнаго? Не возгнушался Онъ даже и безумныхъ призываній твоихъ; Онъ Самъ послалъ Ангела Своего, чтобъ еще научить, чтобъ опять вразумить тебя!!.... И ты воистину вѣрно разумѣешь, что всѣ видѣнные тобою образы содержатъ смыслъ истины; ты чувствуешь вполнѣ благость Христа и ясно понимаешь и себя и страшное дѣло твое!..... Но какъ же и чѣмъ исправить его?..... Какою цѣною ты можешь выкупить неслыханное преступленіе?!.....

Такія и подобныя мысли,—живо памятныя и еще сильно трогающія меня и въ эту минуту, хотя протекло уже болѣе 15-ти лѣтъ,—обуяли мною со дня разсказаннаго видѣнія, и совершенно полонили меня. Ихъ неотступности, многочисленности, мучительной жгучести упрековъ совѣсти, которую они ежеминутно возбуждали, и въ тоже время удивительной сладости и какой-то особенно-крѣпкой надежды на спасеніе, которую безпрерывно вливала въ меня постоянно скользившая между этихъ страданій мысль о томъ,—что Христу Спасителю все возможно, что благость Его ни чѣмъ неудержима, неисчерпаема, лишь бы не отступать отъ вѣры въ него одного;.... всего этого передать я не умѣю, да и не возможно никакимъ языкомъ!

Мнѣ казалось, что тогда, глубоко внутри меня, былъ какой-то слабый лучъ теплаго свѣта, и что я все искалъ его, все на него смотрѣлъ и этимъ утверждался въ одной непоколебимой ничѣмъ мысли. Послѣ страшнаго моего отступничества отъ Христа, послѣ измѣны моей Ему, хотя Онъ и благъ и, превыше всякаго пониманія, можетъ и хочетъ спасти меня, но не противъ-же моей воли, а что воли моей въ этомъ я никакъ не могу показать и заявить ни чѣмъ другимъ, какъ лишь вступленіемъ въ монашество, чтобъ всего себя, до самой смерти отдать на службу Христу.

Только Богу одному извѣстно, потому-ли укрѣпилась во мнѣ эта новая увѣренность, что въ чудесномъ моемъ видѣніи мнѣ представился монахъ, котораго я признавалъ Ангеломъ, посланнымъ отъ Господа, или же по чему либо иному; но увѣряю, что прежде никогда во мнѣ не промелькала и тѣнь малѣйшаго помысла о монашествѣ. Я не зналъ, не разумѣлъ о немъ ничего; я вполнѣ довольствовался рѣшимостью честно служить до смерти Царю и новому моему отечеству. Съ этой же поры: *«быть монахомъ, быть монахомъ,»*—стало для меня рѣшенымъ дѣломъ. Крѣпкая, неотступная, какъ дыханіе, мысль эта, перевернула во мнѣ всѣ понятія, измѣнила совершенно желанія и направленіе моей жизни.

Я сталъ быстро поправляться въ здоровьи съ этого памятнаго

для меня дня, и скоро, бывъ выписанъ изъ госпиталя, рѣшился, не покидая тайнаго намѣренія моего, бодро ждать, что сдѣлаетъ со мною Господь. Я уже пренесомнѣнно вѣровалъ, что Онъ всячески приведетъ меня, какъ Самъ знаетъ, къ исполненію моей мысли,— такъ какъ она одна, сколько мнѣ думалось, составляла важнѣйшее средство къ моему спасенію. Я зналъ, что Господь мой Іисусъ Христосъ и Самъ хочетъ моего спасенія и видитъ, какъ крѣпко и какъ непремѣнно я желаю быть спасеннымъ!.... Замѣчаю это особенно потому, что я весь впутался въ эту мысль, какъ въ цѣпь, и съ самаго начала новой полосы моей внутренней жизни, до другой перемѣны, она питала во мнѣ не только совершенное спокойствіе и самоувѣренность, но сильнѣйшую гордость! Я думалъ про себя:—теперь ты попалъ на прямую дорогу и все сдѣлаешь самъ; Богу извѣстно, чего ты хочешь; а какъ ты хочешь добра, то Онъ все по твоему и устроитъ.... Стало быть, во мнѣ никогда не могла мелькнуть и тѣнь помысла о необходимости какого нибудь другаго покаянія, какой либо другой работы и исканія. Я и не заботился о томъ, что отъ меня до Христа страшно далеко, что между Имъ и мною можетъ быть нуженъ посредникъ, что мнѣ нужны совѣтъ и руководство. Я считалъ, что мнѣ для всего достаточно будетъ самого себя, своихъ силъ, крѣпкой воли своей; что я самъ все понялъ, все сдѣлаю и рѣшу безошибочно!....

Въ самый день возвращенія въ роту, прибирая казарменныя вещи, я прежде всего отыскалъ священныя книги и духовныя сочиненія, подаренныя или ссуженныя мнѣ, и между ими напалъ на Четьи-Минею, которая, какъ Евангеліе и Псалтирь, находятся въ полкахъ, не только казенныя, но нѣкоторымъ благочестивымъ солдатамъ и собственно принадлежащія. Подъ вечеръ я на удачу развернулъ книгу, чтобы почитать; она раскрылась на повѣствованіи *«о семи отрокахъ Ефесскихъ»* (4-го Августа). Прежде я никогда этого не читалъ, а между тѣмъ оказалось, что все было мнѣ давнымъ-давно знакомо!.... Удивительное дѣло!—Неожиданное напоминаніе это должно было унесть меня далеко, далеко, къ годамъ моего дѣтства и отрочества; а отъ нихъ, перебирая всѣ обстоятельства,

какъ петли сѣти, я живо рисовалъ себѣ картину всей моей жизни, съ удивительнымъ разнообразіемъ мѣстъ, дѣйствій, лицъ и страданій души и тѣла!.... Тамъ, въ горахъ, около ночи, послѣ трудоваго дня, лежа подъ стѣной родной сакли, не разъ слушали мы подъ шумъ горнаго ключа, важный, оживленный и завлекательный разсказъ этотъ отъ стариковъ нашихъ, а послѣ сами передавали его другимъ. И въ горахъ всѣ знаютъ, что отроки эти были христіане; всѣ знаютъ, что чудесный двухвѣковой нетлѣнный сонъ ихъ и пробужденіе, совершены силою Бога христіанъ, во увѣреніе не вѣровавшихъ въ общее воскресеніе мертвыхъ. Да не одно это, а очень многія повѣствованія о великихъ дѣлахъ Бога христіанскаго, о чудесныхъ дѣйствіяхъ, о досточудной жизни святыхъ его служителей, извѣстны всѣмъ у насъ. Люди знаютъ и чтутъ слѣды храмовъ и жилищъ отшельниковъ; другъ другу они разсказыватъ и передаютъ все это, на уваженіе общее. Отъ семьи-семьѣ, отъ поколенія въ поколѣніе, муллы и поклонники Магомета переносятъ и оживляютъ все это; какъ будто для того, чтобъ не угасала никогда искра истины и свѣта, въ той лжи и тьмѣ, которыя не могутъ объять и погасить ее; но которыя она можетъ испепелить въ свое время! Въ повѣсть *объ отрокахъ*, какъ и во всѣ повѣствованія эти у насъ, сотни лѣтъ изъ устъ въ уста переходящія, тамъ примѣшаны своеродныя прибавки. Въ нашемъ разсказѣ вмѣстѣ съ отроками вошла въ пещеру горы *Охлонской* и любимая ихъ собака; опасаясь, чтобъ она лаемъ не открыла сыщикамъ убѣжища ихъ, они начали выгонять ее; но всѣ усилія ихъ,—доведшія наконецъ до того, что они изломали ей сперва одну, потомъ другую и третью ногу,—были тщетны. Собака, не смотря на страданія, возвращалась, ластилась около отроковъ, и наконецъ бывъ оставлена ими, вмѣстѣ съ господами своими заснула и вмѣстѣ съ ними ожила!.... Самая прибавка эта къ священному повѣствованію, съ дѣтства мнѣ памятному, тутъ для меня сдѣлалась причиной глубокихъ размышленій, сравненій и приводила меня въ умиленіе.

Это обстоятельство, по-видимому само въ себѣ очень обыкновенное, сильно поразило меня..... Не смотря на мое невѣжество умственное,

а еще болѣе духовное, я чрезвычайно ясно понялъ, что предшествовавшее видѣніе, сильная работа ума, чуства и воли, которую оно возбудило, потомъ книга, чтеніе открывшагося въ ней именно этого, а не другаго повѣтствованія, глубоко-напечатлѣннаго въ моей памяти, и возобновленіе этимъ во мнѣ самыхъ живыхъ картинъ всего пройденнаго мною съ дней дѣтства,—я вѣрно уразумѣлъ,—говорю я,—что все это никакъ не могло быть простымъ *случаемъ*. *Случаевъ* въ жизни я видѣлъ много; самъ имѣлъ ихъ пожалуй болѣе, нежели кто; а потому хорошо зналъ, что *случаи* и сами не таковы и не такъ на человѣка дѣйствуютъ.

Вотъ съ этой-то поры вся моя жизнь, со всѣми ея частностями, мелкими и крупными, начала по суставчикамъ, какъ зерна по ниткѣ четокъ, постоянно перебираться въ умѣ моемъ. Я любопытно разсматривалъ ихъ и ужасался и плакалъ; трепеталъ и умилялся, терзался и молился!..... Такъ вотъ онъ,—постоянно отзывалось у меня въ сердцѣ,—вотъ Онъ!—великій и всемогущій Богъ!... чрезъ 230 лѣтъ воскресившій вѣрныхъ Ему отроковъ, въ заваленной пещерѣ сохранившій ихъ жизнь отъ насильственной смерти, а тѣла отъ тлѣнія, чтобъ сперва гонителямъ христіанъ не дать надъ ними власти, а послѣ и христіанамъ,—которые наукой и мірскою мудростью отпали отъ разумѣнія святости и чистоты вѣры,—представить ими живое увѣреніе и свидѣтельство въ воскресеніи мертвыхъ!!.....

Въ Воскресеніи?..... «Воскресъ! Воскресъ изъ мертвыхъ!»—были первыми словами, которыя услышалъ и я, просыпаясь на больничной кровати, отъ семи-дневной смерти, которой не могли отогнать доктора со всею ихъ наукой... А тамъ, выше, въ церкви, воспѣвали въ то время другое воскресеніе, не одного лишь тѣла! Знаменіе Животворящаго Креста Христова, которымъ осѣняли себя съ изумленіемъ и ученые доктора и простые служители,—было первымъ движеніемъ, которое и я увидѣлъ по воскресеніи этомъ!.... Но не для того-ли и меня омылъ мой Богъ сперва, за чужую кровь мною пролитую, моимъ страданіемъ, моею кровью,—а послѣ окрестилъ водою и Духомъ Святымъ, омывшими мои злодѣянія?

Не для того-ли и меня онъ усыпилъ временною смертію и послѣ воскресилъ противъ всякаго ожиданія науки, чтобъ и я, какъ отроки Ефесскіе, воспоминая мѣсто, гдѣ гонятъ христіанство, мѣсто рожденія моего,—изъ котораго я давно вышелъ, для котораго давно померъ,—и почти сбросивъ съ себя всю старую плоть, изливъ всю прежнюю кровь, мною оттуда вынесенныя, здѣсь переродился, умеръ и чудесно воскресъ снова?—Не для того-ли совершилъ на мнѣ это Христосъ Богъ мой, чтобъ и я,—какъ отроки тѣ, умершій и снова воскресшій,—самъ принесъ своимъ живое свидѣтельство воскресенія моего и бощаго; самъ научилъ бы ихъ, какъ могутъ быть воскрешены водою и Духомъ Святымъ и они, мертвецы, въ горахъ заключенные, но въ которыхъ не замерла святая искра преданій и воспоминаній о дивныхъ дѣлахъ благости живодавца Христа!.... Такія мысли работали во мнѣ съ тѣхъ поръ сильно; уяснялись, вкоренялись, и дѣйствіемъ ихъ, съ твердо рѣшеннымъ мною намѣреніемъ принять монашество, когда откроется мнѣ къ тому возможность и выпадетъ время, постепенно связывалось, въ этихъ неоставлявшихъ меня размышленіяхъ, другое желанное дѣло:—во что бы то ни стало пробраться въ мою родину, чтобъ тамъ, на самыхъ мѣстахъ, знаменованныхъ первыми подвигами моихъ хищничествъ и кровавыхъ дѣлъ, оплакать ихъ покаянными слезами предъ лицомъ Бога!—Потомъ войти подъ крышу родной сакли, и, если Господь сохранилъ кого либо изъ моихъ, и поможетъ мнѣ, то всѣхъ ихъ, любимыхъ, однокровныхъ, а можетъ быть и всѣхъ одноплеменныхъ, пробудить отъ сна ихъ вѣчной погибели, словомъ вѣчной истины, и призвать къ спасенной жизни!

Вотъ какія желанія я обращалъ въ себѣ постоянно, они меня утѣшали и я утверждалъ ихъ въ себѣ тѣмъ крѣпче, что никому не могъ не только сообщить ихъ, но и намекнуть на эти нераздѣльныя чувства моего сердца. Я сознавалъ, что они хороши.... а между тѣмъ они питали мою гордость и самонадѣянье! Надежда и на отдаленную возможность осуществленія ихъ, приводила меня въ восторгъ, все болѣе и болѣе развивала во мнѣ убѣжденіе, что послѣ страшной измѣны Господу и явнаго милосердія его ко мнѣ, только этимъ

однимъ я заслужу всеполное прощеніе и спасеніе. А самоувѣренность говорила мнѣ:—конечно такъ; но если такъ, то за чѣмъ же ожидать? Рѣшась—дѣлай; дѣлая—не упускай ничего, не останавливайся ни передъ чѣмъ. Сильно хотѣть, значитъ уже вполовину сдѣлать. Ты самъ успѣешь во всемъ!.....

Солдатская жизнь текла себѣ обыденнымъ порядкомъ, съ ея службою и отдыхами; когда не было работы, я особенно любилъ читать житія Святыхъ, Евангеліе, посланія Апостоловъ и Псалтирь, подаренные мнѣ моими воспріемниками отъ Св. Крещенія. Не безъ насмѣшекъ, не безъ оскорбленій и досадъ отъ нѣкоторыхъ товарищей, назывававшихъ меня то *начетчикомъ*, то *пустосвятомъ*, *монахомъ*, или *бабой*, обходилась мнѣ эта искренняя привязанность къ чтенію; много я терпѣлъ. Сперва сердился, спорилъ чуть не до драки, потомъ переносилъ молча, и вдоволь утѣшался за все, глубокимъ изумленіемъ и неограниченнымъ восхищеніемъ къ подвигамъ христіанскихъ мучениковъ, къ непреклонной вѣрѣ, къ геройскому терпѣнію святыхъ служителей Христа,—воиновъ воистину непобѣдимыхъ!—и къ богатому награжденію ихъ за это чудесными дарами Духа Святаго!

Вскорѣ насмѣшки, даже злоба и преслѣдованія моихъ прежнихъ братій по оставленной мною вѣрѣ, сдѣлались мнѣ нипочемъ; — что мнѣ было до нихъ?! Въ казармахъ, когда мнѣ мѣшали днемъ, я вставалъ ночью и вполнѣ услаждалъ себя желаннымъ чтеніемъ, питавшимъ и укрѣплявшимъ рѣшимость моей души лучше, нежели сонъ тѣло, которое было для меня ничего, въ сравненіи съ нею!

II.

Быстро пройду въ моемъ разсказѣ слѣдовавшее за этимъ время, оно было не очень продолжительно; но мнѣ казалось невыносимо долгимъ. Здравое разсужденіе о немъ и опытная оцѣнка его, послѣ, открыли мнѣ ясно только то,—что все оно, со стороны моей воли, было тревожнымъ желаніемъ и стараніемъ исполнить, во что бы

то ни стало, мою затаенную мысль. Со стороны-же воли высшей, держащей въ своей власти совершеніе или несовершеніе всякаго человѣческаго дѣла,—оно было цѣпью безпрерывныхъ помѣхъ и перекоровъ этому исполненію. Что я ни придумывалъ, какъ ни устраивалъ, какъ сильно ни работалъ,—все не удавалось! Много было разныхъ случаевъ, странныхъ и любопытныхъ, имѣвшихъ для меня свое значеніе; но подробно говорить о нихъ теперь не считаю нужнымъ, потому что всѣ были прямо, какъ я сказалъ, ничто иное какъ: хлопотливость, усиліе добиться желаемаго;—задержки, препятствія; — потомъ кажущаяся возможность, даже близость успѣха,—и вдругъ опять неудача и уничтоженіе всякой надежды. Тутъ перешло, кажется, все:—и награды, и отличія, и обиды, и снятіе наградъ, и согласіе на ходатайства, и опять остановки, и даже преданіе, по милостивой волѣ Государя Императора, забвенію всего моего прошедшаго, для непрепятствія отставкѣ и объявленіе отставки и арестъ,—и опять таки неуспѣхъ!... Все это заключилось предложеніемъ и дарованіемъ мнѣ отпуска.

Службу свою я въ тоже время велъ такъ рачительно и отлично, какъ только могъ; разумѣется, не безъ того разсчета, что это пособитъ удобнѣйшему и скорѣйшему достиженію моей цѣли. Замѣчательно, въ этотъ періодъ времени я былъ такъ несомнѣнно увѣренъ *въ себѣ*, что положительно рѣшилъ, будто непремѣнно все сдѣлаю, всего добьюсь *самъ*, и именно такъ, какъ *самъ* же назначилъ, обдумалъ и хочу. Препятствія и неудачи на каждомъ шагу ни сколько не ослабляли этой гордой самоувѣренности; что въ нихъ! Я, де, перемудрю, перехитрю и переспорю всѣхъ людей на свѣтѣ!— Самомнѣніе мое дошло наконецъ до того, что точно глубоко, искренно и горячо вѣруя, я даже и въ дѣлѣ самой вѣры не считалъ уже нужнымъ обращаться къ церкви, я замѣнялъ ее собою!!..... Не безуменъ ли человѣкъ?! Я былъ солдатъ и невѣжда; но сколько же послѣ я видѣлъ высоко стоявшихъ и очень ученыхъ людей, которые изъ того-же побужденія дѣлали, ни-дать ни-взять, совершенно тоже! Меня неотступно тяготила мысль о страшномъ преступленіи, о сорваніи мною креста,—какъ я сказалъ,—когда я отрекся

отъ принятаго крещенія,—вотъ, я выдумалъ, что могу, безъ чьего либо участія, исправить это, крестя себя самъ! Со дня премудраго рѣшенія, я постоянно *крестилъ* себя; ванна, баня, рѣка, ведро, плотъ, гдѣ полощутъ бѣлье,—все было для меня купелью; всякій разъ, когда я могъ гдѣ нибудь зачерпнуть въ горсть воды, я ею *крестилъ себя*!.....

Наконецъ пришло время, когда ходатайство обо мнѣ моихъ благодѣтелей было допущено къ успѣху. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, милостиво отличавшій меня въ полку, какъ солдата трезваго, расторопнаго и старательнаго, однажды, во время посѣщенія Императрицею лагеря, представившій меня Государынѣ, которая допустила меня поцѣловать Ей руку,—соизволилъ повелѣть опредѣлить меня, еще не отставнаго, а только отпускнаго, къ стрѣлинскому дворцу. Это было важнымъ переломомъ въ моей жизни.

Съ поступленіемъ (въ 1851 г.) въ штатъ гренадеровъ при стрѣлинскомъ дворцѣ, служба моя сдѣлалась несравненно легче. Между товарищами, какъ и я переведенными изъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, мы очередовались на дежурство такъ, что отъ одного до другаго каждому оставалось двое или трое сутокъ свободныхъ. Времени стало быть хватало и на себя; для меня же было еще важнѣе то, что я избавился отъ непрестаннаго присутствія и шума множества людей, хотя и товарищей, но которые въ казармахъ, конечно, уже не представляютъ никакого удобства къ благочестивому чтенію, размышленію или молитвѣ.

Здѣсь я началъ часто посѣщать находящуюся близъ Стрѣльны Троицкую-Сергіеву Пустынь;—изъ казармъ же солдату, нерѣдко въ пятое-шестое воскресенье едва случится заглянуть въ храмъ Божій; а непріятность для души въ этомъ великая. Мысль о Богѣ у воина все какъ-то назади, тогда какъ Господь первый командиръ нашъ и не слѣдовало-бы военному спускать съ Него глазъ ни на мигъ. Не могу разсказать, съ какимъ глубокимъ удовольствіемъ я смотрѣлъ на стройно совершаемыя Богослуженія и слушалъ внятное чтеніе и пѣніе чудесное. Особенною радостью напол-

няла меня торжественность служеній въ навечерія и дни большихъ праздниковъ!—Ничего не зналъ я въ жизни лучше и отраднѣе; такъ удивительно устроилъ для меня Господь мѣсто моей новой службы. Мало-по-малу я сталъ приглядываться къ монастырю; ближе узнавалъ обиходъ, порядки и жизнь монастырскую, и вскорѣ познакомился съ наиболѣе уважаемыми по духовному разуму и правиламъ жизни монахами. Изъ нихъ Отецъ І. Игнатій (нынѣшній Архимандритъ) и братъ его, любезнѣйшій старецъ О. Моисей, сдѣлались моими наставниками, а первый и духовнымъ моимъ отцомъ; къ нимъ я обращался при каждомъ недоумѣніи, колебаніи духа и скорби. Они давали мнѣ по выбору духовныя книги для чтенія, и хотя я съ большимъ вниманіемъ слушалъ ихъ опытные совѣты и старался, какъ мнѣ казалось, по-возможности и силѣ, соображать съ ними всякое дѣло, всякій тревожившій меня случай обыденной жизни; все же приходилось имъ, чуть не на каждомъ шагу, обнаруживать во мнѣ просто звѣря!....Вотъ оно что! Я былъ неученый, подчиненный, бѣдный солдатъ, подъ военною дисциплиною;—что же свободный-то, да богатый, да самъ себѣ баринъ и учитель?!.....

Отъ всего этого я ощущалъ великую пользу и утѣшеніе, бережно слагая въ сердце особенно то, что по искреннему призванію моему къ иночеству, знакомило меня съ разумомъ этого труднаго состоянія, о которомъ въ мірѣ толкуютъ безъ конца, на всѣ лады и всякіе люди; но котораго, какъ я увѣрился, просто-на просто не разумѣютъ!—О ковкѣ желѣза разсказывай какой хочешь мудрецъ, хоть семи пядей во лбу, учи, пожалуй, и другихъ, а поставьте-ка его самого къ дѣлу?—ни одного гвоздя не выкуетъ. И будутъ у него непремѣнно виноваты печь, уголь, мѣхи, молотъ, наковальня, люди, законы, даже Самъ Богъ; только онъ одинъ останется правымъ.... Дѣло извѣстное!

Такова была первая школа, въ которой я сталъ по немножечку учиться азбукѣ, складамъ, словамъ языка и смысла монашескаго дѣла по Бозѣ. Только тутъ я началъ понимать, что все со мною бывшее, хотя и крайне для меня тяжелое, было ничто иное, какъ подготовленіе рекрута; обломка, обчистка жесткаго ученика; или

пожалуй, обрубка опрѣлыхъ корней, вѣтвей и сучьевъ; очистка толстой коры дерева, чтобъ послѣ употребить его на дѣло, какое Господу будетъ угодно указать. Тутъ же я началъ познавать, что покаяніе, а и того болѣе прощеніе грѣховъ, не покупаются у Бога жертвами, какъ бы онѣ ни были тяжки и даже кровавы, или молитвами, какъ бы онѣ ни были продолжительны и горячи, или подвигами и дѣлами, какъ бы ни казались они благи, словомъ—никакимъ мудрованіемъ по самочинію для самосовершенствованія; а только смиреннымъ сокрушеніемъ всего своего разума, да подклоненіемъ всей воли своей въ послушаніе всеполное, да исповѣданіемъ открытымъ Богу, предъ служителемъ Св. Алтаря Его; въ несомнѣнной вѣрѣ, что онъ получилъ власть вязать и рѣшить.....Не смотря на всѣ мои *самокрещенія*, сильно мучила меня мысль, что такъ какъ Св. крещеніе было принято мною далеко не съ полнымъ христіанскимъ убѣжденіемъ, а послѣ и отвергнуто, внутреннимъ отступничествомъ,—то могло-ли оно оставаться на мнѣ дѣйствительнымъ, спасительнымъ для души моей?—Со слезами исповѣдывая эту истинно великую печаль моего сердца, я, по непонятію, испрашивалъ повторенія, если то возможно, этого священнодѣйствія. Вскорѣ Самому Господу угодно было утѣшить меня совершенно особеннымъ образомъ, внушивъ въ меня убѣжденіе въ той истинѣ, что не можетъ быть ничѣмъ ослаблена благодатная сила Св. таинства—*«единаго крещеніе во оставленіе грѣховъ»*—когда постоянно сокрушенное покаяніе, при смиренныхъ усиліяхъ жить и дѣйствовать во всемъ по заповѣдямъ Божіимъ, очищаютъ молитвою сердце, обновляютъ духъ и ходатайствуютъ неотступно о помилованіи.

Понятно всякому, что при такихъ условіяхъ жизни она должна была направиться совершенно на другой ладъ, нежели предшествовавшая ей часть. Всѣ товарищи мои были со мною постоянно дружны; службу исправлять я не могъ иначе, какъ съ полнѣйшею ревностію въ благодарности за великое благодѣяніе, принятія меня въ нее, оказанное Высокимъ моимъ благодѣтелемъ; стало быть и начальство мое не имѣло причины быть ко мнѣ неснисходительнымъ; только одно нарушало спокойствіе моей внѣшней жизни.—Усердное

чтеніе мною духовныхъ книгъ, съ которыми я почти уже не могъ разставаться, предпочитая его всякой работѣ, выгодной для моего кармана, возбуждало странную досаду моихъ сослуживцевъ и навлекало на меня не только шутки, насмѣшки, но даже и брань. Да проститъ имъ Господь! они, добрые, сами не вѣдали что дѣлали; да и дѣлали-же это безъ злобы, а такъ себѣ, глядя на другихъ. Старанія ихъ отвлекать меня отъ этого утѣшенія моего, втягивая въ пустые разговоры, приглашая въ шумныя собранія и разныя увеселенія мірскія, или же устыжая и пугая людскимъ осужденіемъ въ ханжествѣ и т. п, — благодаря милосердіе Господа, за молитвы и совѣты опытныхъ моихъ наставниковъ, не только неколебали моей рѣшимости, а еще болѣе привязывали меня къ уединеннымъ чтеніямъ. Мудрыя правила спасительнаго ученія глубоко врѣзывались въ мое сердце, и я сталъ замѣчать, что они, умягчая мой нравъ, приводили къ возможности и меня иногда помочь малымъ дѣломъ, совѣтомъ, словомъ, утѣшеніемъ или чувствомъ, кому либо, столь же какъ я, слабому; — это радовало меня.

Такихъ случаевъ было довольно; но, возгордился-ли я внутренно, что уже могу самъ что либо дѣлать для другихъ, когда безъ Господа не можемъ мы *творить ничесоже*; — попадѣялся-ли тщеславно, что и я уже учу духовности; — особенно-ли озлобился на меня врагъ, за милосердіе ко мнѣ Христа-Спасителя, — или же наконецъ то всячески необходимо было въ искушеніи меня и въ опытное наставленіе, — только иногда начали проявляться странные, совершенно новые для меня случаи и не разъ дорого обходились мнѣ, эти, повидимому, добрыя побужденія. Упомяну хоть объ одномъ, или двухъ изъ весьма многихъ такихъ обстоятельствъ.

Я полюбилъ одного изъ сосѣдей, садовника на близлежавшей дачѣ, и полюбилъ его собственно *сердечнымъ о немъ жалѣніемъ*; — таково во истину было мое къ нему чувство. Онъ прежде поступленія въ эту должность, провелъ 8-мъ лѣтъ въ стѣнахъ одного изъ новогородскихъ монастырей, гдѣ имѣлъ возможность и время приметаться къ церкви Божіей, могъ безъ труда и усилій на-

учиться добру, очистить нравы, помыслы и желанія сердца.—Какъ же было мнѣ не горевать о немъ, когда вмѣсто добрыхъ плодовъ себѣ и полезнаго примѣра другимъ, онъ предавался пьянству, гульбѣ, и сталъ не прилеженъ къ дѣлу, крайне нерадивъ о совѣсти; не обращался къ Богу и даже совершенно пренебрегая всѣми обязанностями христіанина, вовсе не ходилъ въ церковь? Усильныя просьбы и настоятельныя увѣщанія мои мало приносили пользы; я не уставалъ однако-же, и наконецъ согласилъ его говѣть. Это было въ Великомъ посту; говѣлъ онъ до четвертка; но въ вечернюю службу этого дня, наканунѣ исповѣди и близкаго пріобщенія Св. Тайнъ, онъ явился въ церковь пьяный, а чрезъ нѣсколько минутъ оставилъ ее, не слушая моихъ увѣщаній..... Богу извѣстны мой ужасъ и глубокая скорбь объ этомъ погибшемъ человѣкѣ, котораго я такъ усердно и искренно старался вразумить! Послѣдовавъ за нимъ, я долго склонялъ его покаяться, чтобъ честно приготовясь, снова начать говѣніе съ будущей недѣли и продолжать его съ ревностію и слезными молитвами къ милосердому Богу. Онъ, мрачный и какъ-то странно ожесточенный, далъ мнѣ только слово прійти ко мнѣ ночью, посовѣтываться объ этомъ такъ, чтобъ люди не знали, и потому еще, что ему становилось невыносимо страшно одному дома.

Подъ ночь наступила моя очередь дежурить у деревяннаго Петровскаго дворца. — Уединеніе пустаго мѣста, задернутаго сѣрымъ снѣговымъ покровомъ, темнота и безмолвіе далеко кругомъ, да черныя мысли о бѣдномъ человѣкѣ, погибельное положеніе котораго меня чрезвычайно печалило,—стѣсняли мнѣ сердце. Чу!—слышу кто-то скачетъ!—Бойкая пара коней неслась, сперва по боковой дорогѣ будто мимо меня, потомъ сани круто поворотили ко дворцу..... Кто же можетъ быть?—въ это время почти никогда никто не ѣзжалъ тутъ?—Непонятно!!—Дочь одного изъ начальниковъ моихъ была за мужемъ въ Кронштадтѣ,—а!—подумалъ я,—вѣроятно онъ, возвратясь оттуда, хочетъ врасплохъ взглянуть исправенъ-ли я на службѣ? — Едва эта мысль успѣла мелькнуть въ моей головѣ, какъ горячая пара, фыркая остановилась прямо пе-

редо мною, будто вкопаная; быстро выскочили изъ саней два человѣка, въ одно мгновеніе они свалили меня съ ногъ, яростно начали вдавливать меня въ глубокій снѣгъ, и въ тоже время, сильными, какъ желѣзныя клещи руками, съ остервененіемъ сжимали мнѣ горло.—Я задыхался; я понималъ только одно, что это послѣдній мой часъ, что страшная смерть тутъ, безъ обороны и безъ покаянія, неизбѣжна! Въ крайнѣйшемъ усиліи отчаянія собравъ все, что оставалось во мнѣ жизни, я прохрипѣлъ неясно, съ Святымъ Именемъ моего Бога: «Помоги! Спаси!»—и высвободивъ руку знаменовалъ ею крестъ въ пространствѣ..... Въ мгновеніе ока все исчезло!!—Хотя разбитый и уничтоженный, я вперилъ привычный, орлиный мой глазъ въ открытое мѣсто, на далекое разстояніе — нигдѣ не было ничего!..... Вставъ, съ величайшимъ трудомъ, я принесъ Господу Іисусу Христу горячую молитву за это дивное избавленіе, и нѣсколько оправясь ею отъ неописуемаго ужаса, которымъ былъ пораженъ, началъ соображать дѣло и побрелъ осматривать мѣсто.—На снѣгу не было ни малѣйшаго слѣда экипажа и лошадей, тамъ, гдѣ онѣ фыркали, роя снѣгъ копытами..... Пришедшій на смѣну мнѣ товарищъ изумился, увидѣвъ меня блѣднымъ, какъ полотно и какъ листъ трясущимся еще отъ страха; а всѣ они очень хорошо знали, что я далеко не изъ трусливаго десятка. Вотъ,—говорили мнѣ не разъ, — вотъ тебѣ и вся польза отъ твоей страсти зачитываться день и ночь любимыми тобою книгами; читай-ка что нибудь, знаешь, поскоромнѣе; выходи, братъ, въ гости, пей почаще чарочку, подъ часъ пропляши, побалагурь, иногда же пусти рожковой крови, хорошо будетъ; это она ударяетъ тебѣ въ голову.—Много разъ читалъ я и слыхалъ тоже самое, отъ другихъ людей повыше и поученѣе нашего брата; — только слова были другіе, а смыслъ одинъ и тотъ же! — Кто, какъ я перенесъ на себѣ самомъ всякое дѣйствіе крови въ человѣкѣ, да какъ я же подвергся (отъ чего Господь да сохранитъ всякаго) тому, чему я за грѣхи мои былъ преданъ въ эту памятную ночь, да и послѣ не разъ и не два,—тотъ ужь безъ всякихъ учителей и толковщиковъ превѣрно-вѣрно знаетъ что это такое!.....Испы-

тавшаго не переувѣрите, не бойтесь, онъ не ошибется, хоть васъ и не увѣритъ,—да и не для чего!

Возвратясь домой, я тотчасъ извѣстился, что въ это самое время, обѣщавшій прійти ко мнѣ, несчастный пріятель, хлопъ о полъ и въ ту же минуту умеръ безъ покаянія!.... Его нашли близъ стула, съ подогнутымъ колѣномъ и съ полуопорожненною въ рукѣ бутылкою рома!!..... Скорбь и плачъ о немъ поколебали меня глубокимъ, и конечно, по милосердію Господа, самымъ полезнымъ для моей души разстройствомъ.

Жестокаго испытанія этого видно было недостаточно; чрезъ нѣсколько дней я подвергся другому, еще ужаснѣйшему!—Вотъ какъ было дѣло.—Ночью-же, я дежурилъ при большомъ дворцѣ; нѣсколько разъ обойдя и внимательно осмотрѣвъ все кругомъ, я присѣлъ отдохнуть, тѣсно запахнувшись въ одежду, такъ какъ стужа была сильная.—Едва умѣстился я половчѣе, какъ вдругъ около меня, будто изъ подъ земли, появилась толпа моихъ бывшихъ собратій, лезгинцевъ;—въ тоже время вся мѣстность вокругъ перемѣнилась, мы были въ нашихъ горахъ. Нѣсколько человѣкъ съ бранью и гикомъ сильно схватили меня за руки и плечи и, обращая со стороны въ сторону, указывали на окружавшіе предметы, давно и близко знакомые мнѣ.—«Что? Помнишь, какъ ты тутъ работалъ?... Что ты дѣлалъ на этой полянѣ?... А тамъ что совершилъ на берегу ключа, въ ущельи?... Кого сторожилъ изъ за камней;.... кого тутъ грабилъ въ лѣсу?.. Помнишь?!»—кричали они, толкая, потрясая и муча меня.—Помню! Помню!—шепталъ я въ ужасѣ, какого никогда не чувствовалъ, идя на кинжалы и противъ пуль. Тогда, будто собираясь сбросить меня со скалы, они внезапно обратили меня въ другую сторону... Я стоялъ на краю страшной пропасти, изъ которой съ шумомъ высоко выкидывалось пламя, лизавшее меня своими языками; въ немъ терзались нѣсколько лицъ, тоже огненныхъ, а на раскаленной доскѣ, высоко держимой кѣмъ-то, было написано мое имя: *Али*!—«Сюда! Сюда!» звали голоса изъ бездны.—«Ступай! Ступай!» кричали толкавшіе меня сверху;—тому, кто дѣлалъ все, что сдѣлано тобою, нѣтъ другаго мѣста; ступай, тебя ждутъ; слышишь,

какъ зовутъ тебя!»—Волосы мои воистину стояли дыбомъ; упираясь всѣмъ тѣломъ и ногами, съ силою, которая, я думаю, могла-бы прожать гранитъ, собравъ все, что было во мнѣ духа, не человѣческимъ голосомъ, а рыканьемъ льва, которое должно было огласить весь заливъ, я такъ сказать разорвалъ отказывавшуюся служить мнѣ гортань, чтобъ закричать:—«Христосъ!—Богъ мой!—Самъ помоги!» — Звуки понеслись въ пустоту.—Я озирался.... Никого! ни слѣда, ни знака! все было тихо, только раскаты моего голоса далеко гудѣли еще въ пространствѣ. Я сидѣлъ на той же скамьѣ, но полуживой, измученный, еле дышущій.

Смѣнившій меня сослуживецъ разсказывалъ, что я походилъ тогда на человѣка, который послѣ страшной болѣзни долженъ былъ умереть въ эту ночь.—До дому я не дошелъ, а доползъ и долго, долго послѣ одно воспоминаніе объ этомъ событіи поражало меня неизъяснимымъ ужасомъ!... Въ этихъ-то и подобныхъ *экспедиціяхъ*, потруднѣе нашихъ кавказскихъ экспедицій, я помаленьку учился той храбрости, на которую никакъ не хватило прежней дерзкой моей предпріимчивости, полнаго безстрашія и мужества, сопровождавшихъ меня въ горныхъ схваткахъ, паѣздахъ и кроваво-смертныхъ борьбахъ. Я учился храбрости знать свое крайнее безсиліе; знать вѣрно, что есть другія силы, другіе враги, не по плечу и самымъ сильнымъ; враги, которымъ желѣзо и свинецъ не страшны, противъ которыхъ не поможетъ никакая сила и храбрость плоти и крови, а нужно только одно безстрашное призываніе на помощь Имени всесильнаго Іисуса, да вѣрное противопоставленіе всѣмъ силамъ и оружіямъ міра, премирнаго и всепобѣднаго знаменія спасительнаго Креста Христова!—Много я смѣялся послѣ и горько жалѣлъ о тѣхъ мудрецахъ свѣтскихъ, которые, слушая разсказъ этой части моей жизни, улыбаясь говорили мнѣ:—ты былъ запуганъ, Ассанъ; воображеніе,..... горячка, отъ постояннаго настроенія мысли,.... и т. п.—Я былъ запуганъ!?—Воображеніе!?—Настроеніе! — Вотъ-то пустомели! — А рѣшаютъ все съ такою увѣренностію, какъ будто прошли дѣло опытомъ! Подождите, любезные, можетъ придется самимъ познакомиться, тогда посбавите спѣси.

Думаю, что обстоятельства эти и несомнѣнное вліяніе ихъ на меня были причиною того, что товарищи, всегда меня любившіе, начали болѣе приставать, чаще и чаще уговаривать, чтобъ я выходилъ въ бесѣды, видѣлся съ людьми, приглядывался, да и обзавелся бы семьей—женился. Настоянія ихъ были сильны, убѣжденія казались мнѣ разумными;—«не безъ Божіей же воли ты попалъ въ такую службу и милость;—что-жь? Служи, гдѣ Господь привелъ; бракъ святъ, сказано; а кто помѣшаетъ тебѣ и въ бракѣ жить благочестиво, по закону Божію?—Развѣ въ мірѣ всѣ гибнутъ?— Не только себя спасешь, а еще и жену и семью!»—Такъ-то разумно, всегда они разъясняли мнѣ дѣло, и даже приготовили невѣсту, которая и мнѣ очень понравилась. Вскорѣ все уладилось такъ, что получено было и разрѣшеніе Его Высочества; Великій Князь даже изволилъ сказать, что одобряетъ мое намѣреніе и пожаловалъ мнѣ въ благословеніе Св. образъ Спасителя.—Ну!—подумалъ я,—видно это непремѣнно Господу угодно!.....

Вотъ оно куда потянуло!.... Забылся тутъ мною и обѣтъ иночества,—и мнѣніе о невозможности спастись безъ него,—и разное многое другое; и не понялъ я даже того препростаго дѣла, что когда попривыкнувъ нѣсколько къ тѣмъ, разсказаннымъ мною схваткамъ и запугиваньямъ, я, разрушая ихъ силою Креста и Именемъ Господа, началъ думать, будто побѣждаю ихъ самъ, своею силой,—хитрый врагъ поддался и, вмѣсто страховъ, устроилъ пріятную ловушку, чтобъ поймать меня, какъ малую рыбку, не съ боя, а просто на червячка! Я только твердилъ себѣ одно, да самъ увѣрялъ себя:—«стало быть Богу такъ угодно!»—Дѣло извѣстное: чего мы хотимъ, то и Богу будто угодно.—Ну, а *тѣ* дѣлали свое дѣло поумнѣе.

Вотъ что съ другой стороны между тѣмъ происходило:—насказали моей невѣстѣ про меня и то, и се, и третье;—«что-ты? Да куда ты это?..... Не вѣдаешь ты, что онъ въ горахъ-то дѣлалъ?—Да знаешь-ли, кто онъ и на что онъ способенъ?... А какой характеръ и что за нравъ—звѣрь?!»..... Невѣста отказалась!!..... И это все произошло тоже не спроста.—Вспомнить не мѣшаетъ. Рѣшившись

жениться, пошелъ я сказать объ этомъ крестной маменькѣ; она опечалилась:—«Какъ это? О. Исаія говорилъ тебѣ быть непремѣнно монахомъ, а ты, самъ, столько желавшій иночества, вдругъ женишься? Не знаю, не знаю!—говорила она,—препятствовать не могу; но хочу видѣть твою невѣсту—приведи ее».—Я повѣстилъ будущаго тестя и мы назначили день, когда я приду къ нимъ, чтобъ идти вмѣстѣ.—Онъ былъ столяръ, нѣмецъ, прежде работавшій въ Стрѣльнѣ, а въ это время жившій уже въ Петербургѣ; покойная его жена, и двѣ отъ нея дочери, были крещены въ православной вѣрѣ.—Ночью, передъ тѣмъ, какъ идти къ нему за невѣстой, видѣлъ я сонъ, не то чтобъ какой нибудь необыкновенный, однако смутившій меня порядочно тѣмъ, что наводилъ на разныя мысли.—Прихожу въ назначенное время къ невѣстѣ, пора,—говорю,—идти къ маменькѣ; невѣста что-то замялась; вижу странное,—что такое спрашиваю я ея отца?—Да то,—отвѣчаетъ мнѣ нѣмецъ,—то, что невѣсты для васъ у меня нѣтъ, потому, и по другому и такъ далѣе.—«Дѣло!—говорю я,—жалко мнѣ, конечно, а не новость; такъ быть должно, я зналъ это.—«Зналъ?»—

Да; вотъ что я видѣлъ сегодня во снѣ: сидимъ мы вмѣстѣ и рѣжемъ пирогъ на три части. Берешь ты свою часть, дочь твоя беретъ тутъ свою, я хочу взять мою;—нѣтъ, говорите вы, отнимая, не дадимъ, это тоже наша часть, не ваша.—Ну;—Господь съ вами, сонъ въ руку!—Кончено!....

Отправился я къ себѣ домой. Много въ головѣ и въ сердцѣ у меня перебродило и перекипѣло, и грусть-то, и досада, и все тамъ дурное; вспомнилось даже и то, сколько издержалъ я на подарки и какъ я постѣснилъ, поразорилъ себя; денегъ я воистину никогда не любилъ и не жалѣлъ, а стыдно было своей глупости!... Чего бы, кажется, ближе было тутъ вспомнить опять кстати—«видно такъ Богу угодно?»—Эге! Нѣтъ! Держи карманъ! Къ *тому*, рыболову, какъ попадешь на удочку не сцѣпишься съ крючка, если самъ Господь не сжалится, не сцѣпитъ!.....

Поднялись во мнѣ и тоска и амбиція, и то и другое, и разсужденія разныя, все умныя такія, ну и ретивое начало то же говорить;

а тамъ по начальству стали настаивать.... Разыгралась въ сердцѣ буря; бился я, бился, и какъ то,—видно Богъ хотѣлъ помочь мнѣ въ искушеніи этомъ,—я заикнулся было о твердомъ намѣреніи принять иночество, объ обѣщаніи мною строго-покаянной жизни въ прощеніи моего страшнаго преступленія..... Куда! Отъ того *рыболова* дешево не отдѣлаешься! .... Куда!!—«Вотъ-де какой святой,—начали толковать наши;—можно-ли такъ мѣнять мысли?—Не въ куклы же съ тобой тутъ играть будутъ; безпокоили Самого Великаго Князя! И разрѣшеніе дано, и образомъ благословленъ!.... Что ты это въ самомъ дѣлѣ?—Да кто изъ наилучшаго дому откажется идти за тебя, молодца, взысканнаго милостями и служащаго при такой должности? Ну, а хоть бѣдную возьмешь, и ту осчасливишь; и святая-же вѣдь жизнь-то въ семействѣ христіанскомъ!» и пр..... Нѣтъ, ужь какъ зацѣпился разъ за крюкъ той удочки, такъ не сорвешься!!—

Чтожь?—Нашли въ скоромъ времени другую невѣсту; опять пошли знакомства и подарки. Что было денегъ, все издержалъ; по занялъ порядкомъ, чего никогда не дѣлывалъ;—позаложилъ вещи, даже одежду, скорбѣлъ и хлопоталъ, потерялъ прежнее спокойствіе, потому что о чтеніи Св. любимыхъ книгъ, нѣкогда было тутъ и помнить?... Отказала опять и эта! Подумаете, что я образумился?—Нисколько!—Гдѣжь человѣку самому справиться съ такимъ искушеніемъ? Онъ всегда только будетъ думать, что вылѣзаетъ изъ ямы, а въ самомъ-то дѣлѣ, чѣмъ болѣе мудруетъ и барахтается, тѣмъ глубже уходитъ въ нее.—Говорятъ, да и самъ я довольно твердо знаю,—«Милосердый Господь Богъ нашъ, и изъ самой неправды нашей выведетъ свою правду.»—Дѣло вѣрное! Только неправда-то останется все-же моею неправдою, а правда—будетъ все-таки правдою не моею, а Божіею.—Э!—Отвѣтятъ мнѣ мудрецы наши,—да развѣ она не до тебя-же дойдетъ, не тебѣ же дастся?—А кто сказалъ? Хорошо,—если дастся,—пожалуй тамъ черезъ 20, 30 лѣтъ, или можетъ быть за часъ до смерти! И то будетъ милосердіе великое и даровое! Ну!—А еслибы не было моей неправды, такъ правда-то Божія дошла бы до меня 20, 30 годами ранѣе, и вся

жизнь моя была-бы тогда?....—Что говорить!—Дѣло понятное всякому, у кого умъ не зашелъ еще за разумъ.

Вотъ, стало быть конецъ-концовъ,—жениться слѣдовало; а какъ третьей невѣсты на лицо тотчасъ не было, то нашлось довольно времени на то, чтобъ иногда опять поразмыслить по аккуратнѣе.—Вотъ оно, крѣпкое-то намѣреніе! Вотъ она, сила-то наша!?.... Повѣрилъ-ли бы я, нѣсколько времени тому назадъ, еслибъ кто сказалъ мнѣ: Александръ, вѣдь ты скоро женишься? — Вздоръ какой!—Я женюсь!?—Я прикую себя тутъ?!.... Никогда!—Умру лучше!!.... А вотъ, вышло *жениться слѣдуетъ!....*

Много каялся я, крѣпко негодовалъ на себя и поуспокоясь, началъ яснѣе разумѣть всякое безсиліе свое, и съ этихъ поръ началъ прямѣе уже видѣть что—«безъ Бога ни до порога!»—И сталъ я только просить смиренно Создателя моего, что если ужь Онъ Самъ повелѣлъ или попустилъ такъ, чтобъ быть мнѣ женатымъ,—когда воистину, желаніе быть инокомъ, затемнившееся на время, теперь еще ярче разгорѣлось въ моемъ сердцѣ,—то благоволилъ-бы онъ Самъ благословить меня такой женою, чтобы скорѣе была она мнѣ матерью и сестрою. Усердно молился я объ этомъ.

Вскорѣ мнѣ предложили невѣсту, сироту, дѣвушку бѣдную, съ большимъ горемъ и трудомъ жившую кое-какъ рукодѣльною работою. Это мнѣ понравилось; но я еще болѣе расположился къ ней, когда узналъ, что она не сирота, а имѣетъ не только престарѣлую мать и дряхлѣйшую бабку, которыхъ питаетъ своими трудами, но еще и отца, человѣка весьма слабаго поведенія, невоздержнаго и совершенно оставившаго ихъ на произволъ судьбы.—Какова-же была моя благодарность къ Господу, когда въ разговорахъ съ невѣстой мнѣ открылось, что и въ ней самой таилось сильное желаніе монастырской жизни!..... Предивно устроиваешь Ты все, Боже!—думалъ я въ великомъ умиленіи;—вотъ и теперь, сколько браковъ разстроилось, а въ этомъ Ты—«вводишь въ домъ единомысленныхъ;»—да будетъ же Святая Твоя воля во всемъ, только не покидай насъ и Самъ руководи.

Дѣло было рѣшено и время свадьбы назначено.

III.

Августа 30-го (1852), въ день моего Ангела, мы вѣнчались въ стрѣлинской дворцовой церкви, и Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ Самъ соизволилъ быть посаженымъ Отцомъ.—Какія тутъ опять Господь оказалъ мнѣ милости, и за что?.... Не могу вспомнить безъ удивленія и благодарныхъ слезъ!.

Великій Князь допустилъ къ себѣ молодыхъ и Самъ представилъ насъ Своей супругѣ; они обласкали насъ, не мало шутили и *конфузили* мою молодую.—«Какъ же вы нашли такого молодца, изъ за тридевять-земель?» — спрашивали они — Я не искала никого, В. В.; онъ нашелъ меня,—отвѣчала Татьяна.—«И вы его не боитесь»,—сказала В. Княгиня,—«говорятъ онъ такой головорѣзъ и сердитый.» — Это говорятъ другіе, а я знаю, что онъ очень добръ.—Камердинеру было приказано угостить насъ въ одной изъ ближайшихъ комнатъ; затѣмъ мы опять были позваны къ Ихъ Высочествамъ, награждены подарками и отпущены съ лаской и милостивыми пожеланіями.

— Ну, что, Татьяна, — спрашивалъ я жену, возвращаясь къ себѣ;—насказали тебѣ, разумѣется, полный коробъ разныхъ разностей обо мнѣ ваши знакомые что я за птица, и съ кѣмъ вожусь и кто мнѣ родня, да пріятели? Вотъ, ты сама видѣла моихъ родныхъ; скажи-ка, чьи лучше? – «Боже мой!—повторяла она сквозь слезы,—да какъ же могла бы я, бѣдная, когда нибудь подумать, что буду не только говорить съ Ними, а еще кушать въ ихъ комнатахъ и видѣть отъ нихъ такое доброе расположеніе и ласку? Спаси ихъ Христосъ! Этимъ не кончилось; Его Высочество изволилъ объявить въ полку, что женилъ Ассана и вскорѣ мы были приглашены прежними товарищами на балъ. Угощеніе было на славу, танцовали до утра; офицеры безпрерывно приглашали мою жену, вертѣлись съ нею, подчивали ее сластями, — словомъ, она

была первая дама по почету. Возвращаясь, она призналась, что ей праздникъ этотъ очень понравился. — Ну, хорошо,—сказалъ я,— только знай, что я болѣе не пойду на такой балъ; тебя усаживаютъ, а я простоялъ всю ночь, какъ часовой! Довольно будетъ.

Такъ начали мы поживать, новою для меня, хозяйственною жизнію, дружно, тихо, аккуратно, и въ теченіе двухъ лѣтъ, благодаря Бога, не измѣнялось единомысліе наше объ оставленіи міра. Жена хлопотала по хозяйству, — извѣстно, чѣмъ оно бѣднѣе и скромнѣе, тѣмъ болѣе за нимъ дѣла; въ досужніе дни же что нибудь работала, какъ мастерица всякаго рукодѣлья. Я, во всѣ свободные часы, читалъ духовныя книги, особенно-же житія Святыхъ; это для меня было первѣйшимъ въ жизни удовольствіемъ. Получаса такого чтенія я не продалъ бы ни за какія сокровища; не могу передать, что̀ за высокія чувства, что̀ за глубокіе и важные смыслы открывались мнѣ при внимательномъ чтеніи разнообразныхъ, чудесныхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось несокрушимое ничѣмъ исканіе истины всѣми этими одинаково великими людьми, отъ Царей до послѣднихъ нищихъ!—Зачѣмъ всѣ мы, Христіане, не таковы?—говорилъ я про себя, съ досадою.

Не потаю грѣха, — не нашего прямо, а конечно врагомъ-же наведеннаго, по злобѣ, за то, что Богъ не дозволилъ ему разомъ испортить всю мою жизнь, а допустилъ искушенія, въ наученіе, но устроилъ и избавленіе отъ нихъ; — не потаю, говорю я, что одиночество наше, тихую жизнь и самыя Святыя чтенія эти, хитрый врагъ чуть не обратилъ намъ въ бѣду. Не разъ послѣ я видѣлъ, какъ онъ именно этимъ самымъ средствомъ любитъ кругомъ обманывать неопытныхъ мірянъ и вовсе отторгаетъ отъ вѣры и отъ Бога глупыхъ разумниковъ по себѣ и гордыхъ всезнаекъ. Ему то и любо, чтобъ вывесть зло и гадость изъ дѣла самаго чистаго и святаго. Такова его адская натура. — Жена моя, всегда истино-благочестивая, вдругъ стала скучать и даже тревожиться досадою и нетерпѣніемъ отъ этихъ чтеній.—«Полно читать,—говорила она мнѣ,—все одно и тоже наскучитъ».—Я сильно скорбѣлъ, начиналъ гнѣваться; кончилось бы худо, мы непремѣнно попали-бы

въ эту новую, поставленную дьяволомъ западню и горе было бы неисходное; но какъ мы оба не забывали Господа, и, не надѣясь на себя, во всемъ прибѣгали къ Нему, то Онъ Самъ и разрушилъ козни противъ насъ врага. — На все и для всѣхъ у Него, милосерднаго, готовы средства; а употребляетъ Онъ изъ нихъ, какъ слѣдуетъ съ больными, сперва легонькія, а послѣ, если эти не подѣйствовали, то покрѣпче и посильнѣе..... Тотчасъ увидимъ.

Мало-ли у всякаго человѣка есть пріятелей, совѣтниковъ и начальниковъ о его благѣ? Э! да что говорить о человѣкѣ одиночномъ?—Насмотрѣлся я, — съ тѣхъ поръ, какъ, толкаясь между людей, сталъ вслушиваться и самъ почитывать газеты,—сколько всегда и у всякаго народа и государства есть такихъ предобрыхъ, преумныхъ и пребезошибочныхъ совѣтниковъ и судій; только слушай ихъ, а они ужь устроютъ такое блаженство всѣмъ людямъ, что, по пословицѣ: —«пей и ѣшь—не хочу!» — Вотъ такіе-то благіятели стали подбивать и мою жену, съ превеликими къ ней участіями, дружбами и сожалѣніями. То указывали они ей на счастье другихъ, которые веселятся всякій день, а она, бѣдная, въ молодыя лѣта и свѣта не видитъ; то говорили, что я ревнивъ, стало быть не вѣрю ей, нисколько не уважаю ее, и только изъ ревности запрещаю ей выходить въ бесѣды; то опять толковали, что я глупо сорю деньгами на бѣдныхъ, а послѣ останусь съ нею въ нуждѣ; — то, упрекая меня въ необщительности и суровости, пристыжали ее тѣмъ, что она рѣшилась выйти за человѣка, который прежде былъ..... «Ну! Господь съ нимъ! — прибавляли они сердобольно и великодушно, какъ всегда водится, — кто бы онъ тамъ ни былъ прежде, это все равно, а ты посмотри теперь-то? У всѣхъ бываютъ посѣтители и гости хорошіе, чиновные, а съ вашимъ домомъ знаются только оборванцы, грязные уличные побродяги, да салопницы. Вѣдь объ этомъ, матушка, и въ людяхъ-то, на сторонѣ говорятъ. Вы посудите только, какая должность у вашего супруга и какой почетъ былъ ему даже при сватьбѣ;— оно нужно подумать, долго-ли и до грѣха?».....

Такъ дьяволъ, подставляя всякихъ, разумѣется, самыхъ добрыхъ

и самыхъ умнѣйшихъ совѣтниковъ, напѣвалъ черезъ нихъ, моей женѣ, какъ всѣмъ и всегда напѣваетъ, все самое злѣйшее и глупѣйшее! Много она, бѣдная, томилась и тревожилась; но какъ у нея въ сердцѣ была вѣра въ Бога полная и чистая, то Богъ помогалъ и разрушалъ всѣ эти ковы.

—Таня!—говорю я бывало женѣ,—разсуди ты порядочно сама: фунта три мяса, горшокъ щей, каши или, пожалуй, картофеля,—что я настрого приказалъ тебѣ изводить ежедневно на раздачу бѣднымъ, такъ чтобъ ни крохи не оставалось на завтра,—дороголи намъ стоютъ? А, нутко, сосчитай по пальцамъ, во что обойдется хоть одно изъ угощеній, какія у нашихъ водятся: съ пирогомъ, ветчиной, гусемъ, водкой, ромомъ, или виномъ и съ сладкой закуской? Сосчитай; вотъ и увидишь, что за одинъ такой день можно кормить дюжину голодныхъ цѣлыя три недѣли. Толкуютъ благопріятели, что мы не припрятали въ ломбардъ копѣйки на черный день; пусть себѣ они толкуютъ, да тебѣ-то стыдно не только вѣрить имъ, а и слушать пустячныя ихъ рѣчи; ты должна знать, во первыхъ, что черные дни бываютъ только у пьяницъ и гулякъ, и во вторыхъ, что нашъ ломбардъ, ломбардъ Божій, самый вѣрный; что никакой другой не даетъ такихъ большихъ процентовъ на самый малый капиталъ. Ты слышала, Таня, сказано: кто даетъ бѣдному, даетъ взаемъ Самому Христу; а онъ во вѣкъ не обманетъ и въ свое время отдастъ во сто разъ болѣе. Ну, а пересуды и толки о нашихъ посѣтителяхъ, что они простые, да не чиновные, да не важные, — пересуды эти пусть вѣтеръ носитъ; матушка моя, нужно не ихъ слушать, а помнить, что нищихъ и бѣдныхъ Христосъ считаетъ своими друзьями, такъ какъ же намъ гнушаться ими?.....

Такъ мы толковали промежь себя, смирненько посиживая дома, за работой да за чтеніемъ Божественныхъ книгъ; а кругомъ, то у того, то у другаго затѣвались вечеринки съ разными угощеніями и съ танцами. Я замѣчалъ, что Таню иногда сильно подмывало; но какъ она смалчивала, — то и я ни гугу. Вотъ, разъ однакоже говоритъ она мнѣ робко: — «Александръ, сапожникъ очень пригла-

шаетъ сегодня на вечеръ; ты знаешь, они люди хорошіе; ваши всѣ будутъ тамъ;..... почему бы не пойти и намъ? Нельзя-же, мой другъ, все сидѣть въ углу филинами.»

— Пойдемъ, душа моя; если тебѣ очень хочется тамъ быть, то я не прочь.

Компанія была порядочная; играла военная музыка, пошло своимъ чередомъ угощеніе, а за нимъ и танцы, къ которымъ стали приглашать и насъ. Я отказался;—по вашему танцовать,—говорю,—я не умѣю, а по своему нельзя. Лезгинку я прежде откалывалъ на славу, но это было на родинѣ, въ горахъ и въ язычествѣ; здѣсь она не идетъ и христіанину не кстати.

Жена поглядывала на меня такъ, что въ глазахъ ея прямо читалась сильная охота потанцовать. Я шепнулъ:—Таня, танцуй, если желаешь, я не запрещаю; попробуй что выйдетъ.....

Пустилась моя Таня; распыхалась, повертѣлась разъ, другой съ горяча,—да вдругъ какъ зардѣетъ, да позеленѣетъ, да затрясется вся какъ листъ..... Бросились къ ней; на силу, на силу хозяйка съ другими поотпоили ее водой, да пооправили ее. Дорогой до дому била ее сильнѣйшая лихорадка, зубы стучали; ночью она вскакивала, вскрикивала въ ужасѣ. Только ударили въ колоколъ я съ нею къ утрени, а послѣ къ обѣдни; она поуспокоилась; но молчала о томъ, что такъ разстроило ее на вечерѣ; долго боялась и днемъ всякаго шума, шелеста или голоса, а о вечерахъ и пляскахъ никогда уже съ этого раза и не заикалась. Я не спрашивалъ, но много времени спустя разсказывала она мнѣ сама, что провертясь одинъ, другой кругъ съ какимъ-то особеннымъ на сердцѣ удовольствіемъ, вдругъ взглянула она на своего кавалера, а кавалеръ-то ужь не тотъ; кавалеръ-то сдѣлался такой, съ какимъ не дай Богъ встрѣтиться ни одному Христіанину! Она въ ужасѣ тотчасъ свела съ него взглядъ на сторону,—а комната-то вся полна такими же кавалерами; одни изъ нихъ прыгаютъ на всякіе лады, пакостно кривляются самымъ отвратительнымъ образомъ, а другіе подхлестываютъ ихъ кнутами, чтобъ веселѣе и выше скакали..... Такъ-то моя жена на первыхъ же порахъ сама отучилась отъ

танцевъ..... О! да мало-ли было у насъ такихъ происшествій, отъ разсказа про которыя любой изъ мірскихъ мудрофилей,—о которыхъ мы, простяки, слезно плачемъ, — подхватитъ себѣ кулаками ребра, чтобъ не помереть со смѣху..... А, ну ихъ! пусть смѣются! Вольному воля!.....

Я, помнится, сказалъ, что по разнымъ *случаямъ* получилъ не отставку, а отпускъ, когда поступилъ въ Стрѣленскій Дворецъ. Вотъ *случилось же*,—я замѣтилъ, что у мірскихъ мудрецовъ все что ни сдѣлайся, хоть съ народомъ, хоть съ человѣкомъ, называется *случай*, т. е. выходитъ, что Богъ ничего таки не дѣлаетъ, и якобы ни въ чемъ не участвуетъ, а дѣлаетъ все *случай*, и еще такъ, что если дѣло вышло хорошо, вальготно, ну, такъ это человѣкъ самъ устроилъ своимъ, видите, умомъ; а если выйдетъ не хорошо и больно, и неловко, такъ, разумѣется, ужь не по его человѣческой глупости, или не по грѣхамъ, о нихъ и помысла нѣтъ, — а по *случаю*! — Такъ вотъ *случилось*, что вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, въ 1854 году, отпускные воины были вытребованы на дѣйствительную службу. Поступилъ и я въ свой Финляндскій полкъ, въ которомъ и находился до кончины Императора Николая I-го. Служилъ я по прежнему ревностно; много я въ это время испыталъ искушеній и наученій; но вотъ обстоятельство, или, по вашему, случай, который сильно меня тронулъ. Мнѣ пришлось быть въ церемоніи проводовъ, изъ Зимняго дворца до Петропавловскаго Собора, тѣла моего Царя и благодѣтеля; во фронтѣ думать времени довольно, никто не помѣшаетъ и не перебьетъ мысли, — сталъ я раздумывать о тяжелой тогдашней годинѣ, о трудахъ, о скорбяхъ, о сильномъ на Руси горѣ по случаю кончины покойнаго Императора, и о томъ, какъ это было Богу угодно, чтобъ онъ умеръ именно въ это, а не въ другое время?..... Думалъ я еще и о великой, во истину православной его кончинѣ, твердой, святой, непостыдной, въ крѣпкомъ духѣ вѣры,—что намъ, солдатамъ, черезъ гренадеровъ и разныхъ близкихъ дворцовыхъ прислужниковъ было все превѣрно извѣстно и сильно приходилось по сердцу. А мы, войско и народъ, всѣ, его

покойнаго, крѣпко любили, потому что всѣ знали и видѣли ясно, что онъ былъ Царь могучій, истинно-русскій, православный! Да какъ вспоминалъ я еще, что Царь этотъ былъ благодѣтель мой и отецъ, что подъ Его могущественной рукой на Его великой землѣ, Господь переродилъ меня тѣломъ и просвѣтилъ мнѣ душу, и открылъ мнѣ двери спасенія и Царства Небеснаго Св. Крещеніемъ,— какъ *случилось* все это,—говорю я,—то сжалось мое сердце такою болью, что сказать невозможно! И я тогда молился Господу искренно и усердно. Слезы льются у меня изъ глазъ, что твой ключъ изъ камней, куда горячѣе и шибче; только легонько отряхаю ихъ съ рѣсницъ, да съ уса, а самъ ничего не вижу, не слышу, не помню. Рыданія крѣпко на крѣпко удерживаю въ груди, а въ рядахъ чуточку придерживаюсь локтями, какъ бы то есть не выйти изъ фронта или не упасть, — стыдно будетъ солдату? Въ это же время въ душѣ, какъ какое-то огненное сверло, такъ и жжетъ и буровитъ, и старая мысль:—быть, всенепремѣнно быть тебѣ инокомъ,—такъ и ходитъ по мозгу!—Ну, съ нимъ, съ міромъ этимъ!... Инокомъ, инокомъ быть непремѣнно! Молиться за Царя благодѣтеля, за Русь, за своихъ, чтобъ Богъ просвѣтилъ ихъ свѣтомъ своей истины; — молиться о нихъ, чтобъ Господь далъ и имъ разума.... Молиться спасенія ради!.... Спасенія хочу, себѣ, и всѣмъ!— спасенія, — и ничего болѣе! — Быть инокомъ!!.... Былъ тутъ въ строю любившій меня юнкеръ**;—что ты, Маймадовъ,—говорилъ онъ мнѣ послѣ и крѣпко утѣшалъ меня, — я думалъ, братъ, ты умрешь на ногахъ, въ парадѣ, истечешь слезами; а лицо у тебя было такое страшное, будто съ десятью разбойниками борешься! — «Ничего, ваше благородіе,—отвѣчалъ я,—малехонько сгрустнулось о Царѣ, о себѣ, да и о людяхъ!

Вотъ, съ этого дня, немножко позатертая, старинная мысль моя проснулась и крѣпилась во мнѣ опять съ часа на часъ болѣе и сильнѣе. Только на себя я уже ни въ чемъ, нисколько не надѣялся; я понялъ, что—«аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудится зиждущій»;—а потому я смирялся и терпѣливо рѣшился ждать, что, какъ и когда угодно будетъ самому Богу устроить о мнѣ и указать.

Такъ время шло и дошло оно до того, что получилъ я чистую отставку,—которую, помните, слѣдовало мнѣ давно получить по праву, тогда какъ я о ней сильно тужилъ и ратовалъ,—а оказалось, что вмѣсто обиды эта несправедливость обращена была для меня Богомъ во благо, въ школу, которая крайне-нужна была мнѣ, ребенку умомъ, хотя и рослому тѣломъ, а столько же неразумному, сколько самонадѣянному. Великъ Богъ нашъ!!.. Наконецъ я былъ свободенъ какъ птица въ избраніи себѣ рода жизни. Въ Стрѣльнѣ между тѣмъ меня не забыли и не покинули; туда я и возвратился снова на прежнюю службу, какъ свободный человѣкъ. Мнѣ предложили разныя облегченія и новыя, лучшія должности, на выборъ по желанію.—Но Господь, казалось, видимо принималъ уже мой обѣтъ и потому не хотѣлось мнѣ ничего кромѣ иночества..... Иночества?.... А жена?!... Опять горе!!.....

Случись же и тутъ (поди себѣ—какіе все *случаи!*), — *случись*, говорю я, что по возвращеніи въ Стрѣльну изъ Финляндскаго полка, я нашелъ жену весьма опасно больною; болѣзнь, мучившая ее уже давно, во время моего отсутствія, не только не облегчалась никакими пособіями, но и всякая надежда на помощь человѣческую исчезла. Докторъ объявилъ мнѣ это.—Я видѣлъ, что страшно-изнеможенному состоянію больной могъ помочь только одинъ Всесильный Врачъ душъ и тѣлесъ!

Болѣло и у меня сердце о Татьянѣ, сильно-печалила меня близкая возможность ея кончины не въ иночествѣ; — не разъ кротко и любовно говорилъ я ей, воспоминая бывалыя обѣщанія наши:—видишь-ли, другъ ты мой, добровольно дали мы съ тобою обѣтъ Господу, который принялъ его, а послѣ ты стала отнѣкиваться, да отказываться: — «не хочу умереть вдали отъ тебя, другъ мой, Александръ, — говорила ты мнѣ,—вѣдь я очень люблю тебя; не могу разстаться съ тобою!»—А развѣ я не люблю тебя столько же, если не больше, Таня? Да какъ же я люблю душу-то твою, ты и понять того не можешь; а Богъ вѣдь знаетъ это! Вотъ однако мы и разставались уже съ тобою на время, а если Господу будетъ угодно теперь взять тебя къ себѣ, такъ все же разтанемся и на-

всегда. А сколько ты настрадалась, да и самая болѣзнь эта, кто знаетъ, не для того-ли допущена, чтобъ вразумить насъ? — Не только пренебрегать объ томъ страшно, Таня, да и откладывать спасительныя намѣренія грѣхъ великій, какъ говорятъ Святые учители. Подумай-ко, другъ мой! Разстаться нужно по неволѣ; въ одинъ часъ не умремъ оба вдругъ; лучше разстанемся добровольно, для Господа, такъ, чтобъ тамъ, у него, души наши были соединены.—«Не могу; не могу»!—шептала мнѣ больная; а я о ней, бѣдной, жалѣлъ крѣпко, слезно печалился и недоумѣвалъ о душѣ ея; но видя, что разговоръ этотъ разстроиваетъ ее, не смѣлъ повторять его болѣе.

Пока скорбѣли мы такъ, каждый по своему, Богъ дѣлалъ свое! Слабѣя со дня на день, жена все болѣе молчала, думала и начала впадать по часту въ тонкій сонъ, выходя изъ котораго, расказывала мнѣ съ удивленіемъ, что имѣла, не разъ и не два, все такія видѣнія: являлся ей какой-то Святый старецъ, съ кадиломъ въ рукѣ, и тихо обходилъ кругомъ, молясь о ней; — потомъ видѣла она, какъ постригаютъ меня въ монахи;—въ другое же время ей показалось живо, какъ и надъ нею совершаютъ тотъ же обрядъ. Удивительнѣе всего было то, что и я видѣлъ точно такіе же сны; на утро проснувшись, хочу ей разсказать, а она сама передаетъ мнѣ тоже самое..... — Татьяна! Другъ мой,— говорилъ я ей,—какъ не признать тутъ Божьяго перста? — дадимъ снова крѣпкій обѣтъ Господу, оставивъ міръ, быть иноками. Господь исцѣлитъ твою болѣзнь, такъ мнѣ чувствуется!

Прямаго согласія отъ жены не было, а болѣзненное изнеможеніе усиливалось страшнымъ образомъ, такъ что я потерялъ уже и послѣднюю надежду!—Разъ вдругъ Татьяна говоритъ мнѣ тихо:— «Александръ! знаешь-ли, я дала сегодня обѣщаніе послужить Христу и Пречистой Его Матери, и тебѣ повторяю это, предъ Богомъ!»—Не могу описать радостнаго моего волненія и горячей молитвы къ Милосердному Спасителю. Но что произошло въ моей душѣ, когда, на другой же день, возвращаясь съ дежурства, я былъ встрѣченъ самой Татьяной! она отворила мнѣ двери! она сама?!..... Наканунѣ

она не могла безъ посторонней помощи спустить ногъ съ постели, а тутъ, на ногахъ и довольно бодрая, встрѣчаетъ меня на порогѣ, съ улыбкой!... Это видимое заступленіе Божіе преисполнило насъ самой искренней благодарности. Первымъ общимъ желаніемъ нашимъ было отслужить молебенъ великому Святому Николаю Чудотворцу, что я хотѣлъ исполнить еще послѣ видѣнія моею женой старца, кадившаго около нея съ молитвой; такъ какъ мнѣ что-то шепталось въ сердцѣ, что старецъ тотъ былъ никто иной, какъ великій благотворитель Николай, Угодникъ Божій;—но за разными хлопотами этотъ молебенъ отлагался, какъ обыкновенно отлагаются всѣ добрыя и именно самыя полезныя намѣренія наши, для всякихъ мелочныхъ и пустыхъ дѣлъ.

На радостяхъ единомысленнаго согласія я не замедлилъ подать прошеніе объ увольненіи меня отъ дворцовой службы, по непремѣнному уже теперь желанію вступить въ иночество, объявивъ въ бумагѣ, что и жена моя приняла окончательно такое же намѣреніе.

Въ то время, какъ мы забывали о великомъ Угодникѣ и Чудотворцѣ, не радѣя принесть ему обѣщанное молебственное благодареніе,—онъ не забывалъ о насъ, грѣшныхъ. *Случилось* (опять *случилось*!) — вотъ что. Въ концѣ Августа (1855 г.), въ день моего дежурства, былъ довольно большой съѣздъ въ Стрѣленскомъ дворцѣ; находились тутъ Великіе Князья, фрейлины, придворные и свѣтскіе кавалеры и дамы. При разъѣздѣ вдругъ объявили мнѣ, что во дворцѣ произведена порядочная покража разныхъ вещей. Я былъ просто ошеломленъ отъ испуга! Кража во дворцѣ, и на моемъ дежурствѣ! А я уже подалъ въ отставку?!.... Что значитъ? — Что будетъ?!..... Господи Боже мой!! Какъ угорѣлый, безъ смысла кинулся я на первую выѣзжавшую изъ дворца карету, и, не зная что дѣлаю, смѣло остановилъ ее.—Глядь, — а на козлахъ сложенъ похищенный изъ дворца коверъ! Шумъ.... Явился придворный лакей;—какъ ты смѣешь;—кричитъ онъ мнѣ,—что ты съ ума сошелъ? это карета наша, такой-то фрейлины, пусти, я буду жаловаться и пр.—Знать не хочу ничего, — говорю я,—не

отпущу карету;—а самъ желѣзною рукой держу лошадей, не даю имъ двинуться, не смотря на понужденія кучера. Много было переговоровъ, толковъ, заступничествъ всего нашего дворцоваго штата за ихъ брата:—да какъ это можно, чтобы солдатъ смѣлъ остановить придворнаго лакея; да еще такого? да еще и обвинять въ кражѣ?..... Ну! — Лакей между тѣмъ скрылся въ садъ; но я не упускалъ его изъ вида.. .. Окончательно онъ попался мнѣ въ руки, когда всѣ уже спали. Бужу гоффурьера. — Новая исторія!..... однако тутъ я настаиваю не на шутку; обыскиваютъ, осматриваютъ человѣка,—руки измѣнили ему, онѣ были всѣ перемараны чернилами; а въ карманѣ отыскана и обличительница, серебряная чернильница съ другими вещами, украденными изъ комнатъ этимъ господиномъ!.....

Что было-бы, еслибъ мнѣ видимо не помогъ Самъ Богъ? Вся жизнь моя пропала-бы; всѣ отличія и благость начальниковъ и Высочайшихъ Особъ, все исчезло бы безвозвратно! Простой выговоръ о нерадивой службѣ былъ бы уже для меня кинжаломъ въ сердце. А что же, когда, не доказавъ кражи, оставили-бы меня въ подозрѣніи? — Ассанъ, Христіапинъ Александръ, облагодѣтельствованный Богомъ и Царемъ,—ищущій иночества,—находился бы въ подозрѣніи въ кражѣ изъ дворца своего благодѣтеля отца, Великаго Князя!!..... И теперь вспоминая объ этомъ, содрогаюсь!!— Однако, людямъ нельзя бы было, даже и при всевозможной благости ихъ, законно поступить иначе. То сдѣлали-бы люди, а что сдѣлалъ Богъ?—видѣли?!—Мало этого, — мнѣ прочитано было, при собраніи всѣхъ товарищей, благоволеніе начальства. — За то уже знаетъ Угодникъ Божій Николай, какъ мы съ Татьяной благодарили Его, въ отслуженномъ тотчасъ молебнѣ; да и послѣ, и всегда какъ благодарили мы великаго милостію Покровителя нашего!

Мирно шло себѣ потомъ время и вскорѣ получена была мною окончательная отставка и отъ дворцовой службы, съ наградою и съ болѣе еще драгоцѣнною для меня похвалою и благодарностью Высочайшаго моего благодѣтеля Великаго Князя. Такъ заключился смотрѣніемъ моего Господа Іисуса Христа, служебный мой путь,

богатый всякими чудными событіями, изъ которыхъ я малую часть передалъ въ разсказѣ этомъ,—и открывалась намъ, Его же судьбами, опять новая дорога жизни!.....

IV.

Добрыхъ дѣлъ отлагать не нужно, — издавна говорили мудрые люди всѣхъ странъ; мы съ женой читали это и помнили, а потому, какъ только увольненіе отъ службы при Стрѣлинскомъ дворцѣ позволило мнѣ свободно располагать собою, мы занялись приведеніемъ въ исполненіе нашего общаго намѣренія. Опытные наставники, Отцы И. и М., которыхъ я видѣлъ въ Сергіевской Пустынѣ почти каждый день, воздерживали мою горячность, объясняли мнѣ различные пути иноческаго жительства, указывали на чтенія книгъ, вліяніе которыхъ могло быть особенно полезно для насъ; въ тоже время крестные отецъ и мать не оставляли насъ совѣтами, а дома мы помаленьку устраивали дѣлишки наши, распоряжались небольшимъ домашнимъ скарбомъ; съ набожною цѣлью посѣщали монастыри, съ теплою молитвой припадали къ чудотворнымъ иконамъ, прося вразумленія и благословенія свыше, — и вскорѣ все уладилось, будто само-собою, для вступленія на новую для насъ обоихъ дорогу жизни.

Окончательно было рѣшено: женѣ моей остаться въ Старо-Ладожскомъ женскомъ монастырѣ; мнѣ избрать жительство болѣе пустынное, какъ приличнѣйшее для смиренія, для смягченія моего все-таки яраго нрава и, не знаю почему, особенно мною самимъ желанное, не смотря на то, что я не могъ имѣть о немъ совершенно вѣрнаго понятія. Незабвенная Игуменья Ладожскаго Успенскаго монастыря, М. Маврикія (*), такъ не долго въ немъ пожившая и

(*) Изъ древняго барскаго рода Хитровыхъ, замѣчательная мудрою монашескою жизнью и высокимъ духовнымъ разумомъ, въ возрастѣ еще далекомъ отъ старости; дѣвицей очень извѣстная въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, милая, образованная, умная, рано поступившая въ знаменитую

такъ много, въ короткое время, сдѣлавшая для благосостоянія и духовной пользы обители этой, приняла, успокоила, руководила мою добрую Татьяну, съ искреннею рѣшимостью, хотя и не безъ горькихъ слезъ и скорби навсегда разстававшуюся со мною; а я направился въ древній Тихвинъ.

Верстахъ въ сорока пяти отъ большаго Тихвинскаго монастыря находится лѣсное, пустынное мѣсто, издавна называемое Рѣконскою Пустыней или просто Рѣконью, по текущей тамъ рѣчкѣ Рѣконькѣ; мѣсто это не только народу, но весьма многимъ лицамъ высшихъ сословій, посѣщавшимъ его съ особенною цѣлью, очень хорошо извѣстно, по нахожденію тамъ, и теперь еще здравствующаго, пустынника 110-ти-лѣтняго бодраго старца, болѣе полувѣка одиноко проживающаго въ Рѣконскомъ лѣсу. Не мое дѣло писать исторію Рѣконской пустыни, которая заслуживаетъ этого во всѣхъ отношеніяхъ, не менѣе того я считаю чуть-ли не обязанностью сказать о ней хоть нѣсколько словъ, потому что и меня Господь, повидимому, не даромъ привелъ туда на непродолжительное время.

Въ Рѣконѣ, какъ сдѣлалось извѣстно изъ свидѣтельствъ, находился монастырь еще при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, страдавшій со многими другими во времена шведскихъ погромовъ Новгородской области, и окончательно уничтоженный при дарованіи православнымъ обителямъ извѣстныхъ Штатовъ. На мѣстѣ этомъ, въ теченіе вѣковъ и казенномъ, и даренномъ, и перепродаваемомъ и выморочномъ, находилась одна малая, все державшаяся, деревянная церковь, причисленная къ ближайшему приходу; въ ней особенно чтились окрестными жителями двѣ весьма древнія иконы: одна явленная Пресв. Живоначальныя Троицы, другая, Покрова Пресв. Богородицы; въ дни празднованія иконамъ симъ стекалось довольно народа и служба совершалась священникомъ того прихода.

Горицкую обитель; бывшая тамъ около 18-ти лѣтъ Казначеею и въ 1850-хъ годахъ назначенная на Игуменство въ Ладогу, гдѣ она свято скончалась, къ искреннему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ и глубоко чтившихъ ее, послѣ полезныхъ, усиленныхъ трудовъ, которые положили плодотворное начало къ вещественному и духовному обновленію этой обители.

Когда поселился въ этомъ пустырѣ старецъ, — неизвѣстно; вѣрно лишь то, что его помнятъ и знаютъ три поколѣнія, что всѣ одинаково уважали его, какъ за прозорливость, такъ за крайне строгую, постническую одинокую жизнь, за совѣты и руководства, для которыхъ многіе обращались къ нему. Не разъ по неизвѣстности кто онъ, откуда, и какъ всегда бываетъ, по совершенной невозможности мірскимъ смысломъ уразумѣть, какъ можетъ человѣкъ любить и весть такую почти нечеловѣческую жизнь, въ лѣсу, добровольно, безъ какой нибудь особеннной причины,—(будто святая цѣль подобныхъ, очень, очень немногихъ, самотверженныхъ пустынниковъ не есть же причина самая важная и совершенно особенная?!),—Земская Полиція преслѣдовала его, хватала, допрашивала и запирала въ тюрьму. Завели даже уголовное дѣло, по подозрѣнію, что вслѣдствіе упорнаго скрыванія онъ «долженъ быть» бѣглый солдатъ; дѣло тянулось долго и было рѣшено чрезвычайно замечательною Высочайшею резолюціею покойнаго Императора Николая. Видя, что производствомъ дознано ясно, и неоспоримо только то,—что старикъ жилъ въ лѣсу пустынно, смирно, большею частью въ землянкѣ или вѣрнѣе въ берлогѣ, питаясь какъ птица и постоянно молясь Богу,—Государь соизволилъ выразиться въ такомъ смыслѣ: — «если по лѣсамъ Имперіи спокойно проживаетъ множество мошенниковъ и разбойниковъ, то зачѣмъ же тревожить одного старика, который ни кому не вредитъ и многимъ полезенъ:—пусь себѣ молится тамъ Богу!»—Это мудрое повелѣніе Царя сдѣлалось для пустынника успокоительнымъ паспортомъ до конца давно переступившей за вѣкъ жизни его. Андрей,—(по имени съ тайною схимой имъ принятому, Амфилохій),—съ тѣхъ поръ спокойно обладалъ одинъ Рѣконскою пустынею, которую не утруждалъ ни сѣяньемъ, ни косьбой, ни жатвой, а питался разбалтываемою просто, съ водою Рѣкони, мукою, приносимою ему иногда окрестными крестьянами.—Его хорошо знали многіе монахи монастырей Тихвинскихъ, Новогородскихъ, Сергіевской пустыни, и нѣкоторые духовные и свѣтскіе люди, даже знатныя особы, посѣщавшія его во времена года *доступныя*, такъ какъ до пустынаго его обиталища

вплоть доѣхать было невозможно, а слѣдовало пройти не мало верстъ пѣшкомъ, сквозь лѣсъ, по кочкамъ и болоту.

Туда потянуло меня, когда Татьяна окончательно учредилась въ Ладожскомъ Успенскомъ Монастырѣ.—Желаніе это было не противно совѣтамъ опытныхъ моихъ руководителей, а отъ духовнаго начальства мною было получено разрѣшеніе. Главная цѣль моя заключалась въ томъ, чтобы непремѣнно научиться отъ духовнаго старца такъ давно одиноко проживавшаго въ лѣсу, какъ должно и можно служить Господу молитвою и богомысліемъ, совершенно оставивъ всѣхъ и все на свѣтѣ, мало заботясь о жильѣ, объ одеждѣ и пищѣ, забывая даже о тѣлѣ своемъ?—Чудная возможность такой удивительной жизни,—(а что она возможна же, это и старцемъ и тысячами другихъ доказано въ теченіе многихъ вѣковъ безпрекословно),—восхищала мое серце, и заставляла пламенѣть мою неудержную Вѣру. — Примѣшивался къ этому и другой помыслъ: мѣсто было евято, тутъ долго находился монастырь, ежедневно совершалась великая, безкровная спасительная жертва, много возносилось къ Господу молитвъ, много проливалось, тайныхъ отъ міра, покаянныхъ слезъ, много претерпѣно лишеній, горя, озлобленій, разграбленій, смиренно ради его; не даромъ же сохранилась тутъ и ветхая церковь и за-столѣтній старикъ..... Кто знаетъ, не угодно-ли будетъ Богу проявить здѣсь вновь милость свою повелѣть основаться тутъ чему-либо?... Въ такомъ настроеніи явился я къ Рѣконскому старцу.

Благословясь отъ него, принятый его согласіемъ и вселенный въ тѣсную старенькую келійку, я занялся ревностнымъ чтеніемъ священныхъ книгъ, неослабнымъ исполненіемъ всѣхъ положенныхъ великими подвижниками правилъ и молитвенныхъ келейныхъ службъ, а также работою по послушанію: разными почистками, исправленіями, рубкой въ лѣсу дровъ и т. п. Сильно желалъ я наслушаться отъ старца поученій, утѣшеній, и горячо молился Господу, чтобъ онъ самъ укрѣпилъ меня и наставилъ на благо истинное; но старецъ говорилъ мало, а дѣлалъ свое дѣло. Глубокая, терпѣливая и суровая жизнь эта, начатая мною въ октябрѣ мѣсяцѣ, такъ полю-

билась моей душѣ, что я искренно хотѣлъ остаться въ Рѣконской пустынѣ до смерти. Видно то не угодно было Богу! Неисповѣдимы пути, и средства, которыми онъ, а не наша воля, устроятъ намъ неторопливый ходъ къ спасенію вѣрному, лишь-бы мы внимали свято всѣмъ указаніямъ и сами не ставили-бы ничего изъ своего ума на мѣсто опредѣленій разума Божьяго.—Не такъ видно я дѣйствовалъ.—Вѣрю, что я самъ былъ виноватъ во всемъ, что я ничего еще не разумѣя въ жизни истинно монашеской, въ жизни совершеннаго смиренія, послушанія безропотнаго и полнѣйшаго отсѣченія собственной воли, считалъ уже себя опытнымъ; обижался, скорбѣлъ, если дѣлалось не то и не такъ, какъ мнѣ казалось нужнымъ. Хочу вѣрить, и вѣрю, говорю я, что Рѣконь была только первою ступенью той длинной лѣстницы опытнаго обученія, которая еще и теперь далеко еще не пройдена мною, которую нельзя пройти и до смерти, и на каждомъ шагу которой я встрѣчалъ не то чего желалъ; хотя мнѣ самому, разумѣется, всегда казалось, что я вполнѣ справедливо желалъ именно лишь необходимо-лучшаго; что я всегда былъ правъ, во всемъ, а виноваты были другіе.....Исторія вездѣ и всѣмъ общая!!....

Какъ бы то ни было, между нами двумя, единственными жителями этой пустыни, мирное устроеніе царствовало очень не долго. Старецъ дѣлался болѣе необщительнымъ, сталъ удаляться отъ меня, приказывалъ мнѣ уйти изъ пустыни, а мнѣ никакъ не хотѣлось оставить ее, тѣмъ болѣе что и я сильно занятъ былъ мыслью старца о возможности возобновленія тутъ монастыря. Я много скорбѣлъ и плакалъ; мнѣ казалось, что я смирялся и терпѣлъ крѣпко; мнѣ казалось, что я страдалъ совершенно невинно, что старецъ не только несправедливъ, но жестокъ, не человѣколюбивъ, неразуменъ.....Онъ безпрестанно упрекалъ меня за прежнюю мою жизнь, считалъ меня недостойнымъ жить съ нимъ, утверждалъ, что я негоденъ для пустыни, что мнѣ необходимъ монастырь съ его начальствомъ и уставомъ.—Кто знаетъ? можетъ быть старецъ былъ болѣе правъ и разуменъ, нежели я умѣлъ сообразить то? Во всякомъ случаѣ Богъ такъ попустилъ, старецъ рѣшительно выслалъ меня.

Черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Рѣконь, я выѣхалъ изъ нея, и къ празднику Рождества Христова явился опять въ Сергіевскую пустынь къ духовнымъ моимъ руководителямъ.

Они толковали мнѣ дѣло по своему; много говорили объ искушеніяхъ, попускаемыхъ въ испытаніе мѣры истинной любви и вѣры, въ наученіе истинному терпѣнію, отложенію своего мудрованія и воли,—и приказали никакъ не оставлять задуманнаго ходатайства о возобновленіи монастыря въ Рѣконьской пустынѣ;—развѣ знаешь ты или кто изъ насъ,—говорили они,—для чего тебя Господь ввелъ туда, для чего и выведетъ?—Развѣ для спасенія человѣка необходимо то или другое мѣсто, или средство, имъ избранное, а не спасающее вездѣ всемогущество и милосердіе Божіе?—Развѣ Господь, между людей, слѣпыхъ и немощныхъ, дѣйствующій средствами людскими-же, не знаетъ, для чего, что или кого, гдѣ, когда и какъ употребить?—Развѣ то, что кажется и мыслится намъ, будто именно и есть уже то, что изъ этого окончательно выйдетъ по всеблагой и спасительной волѣ Бога?.....

Въ Новый годъ я представился съ поздравленіемъ къ благодѣтелю моему Великому Князю Константину Николаевичу; видя прежняго, своего слугу въ иноческомъ одѣяніи, Его Высочество милостиво обласкалъ его и любопытствовалъ узнать о новой его жизни. Естественно это было поводомъ сперва къ разсказу о Рѣконской Пустынѣ и пустынникѣ, а послѣ и къ подачѣ перваго прошенія, вслѣдствіе котораго самъ старецъ былъ вытребованъ въ Петербургъ; дѣло было начато и, во истинну совершенно небывалымъ, неожиданнымъ и точно чуднымъ образомъ, оно окончилось не только отданіемъ мѣста, но еще дарованіемъ весьма значительной суммы и построеніемъ монастыря (*).

(*) Начало, ходъ и окончаніе этого дѣла такъ любопытны, носятъ на себѣ такую яркую печать прямой воли Божіей, совершившейся вопреки всѣхъ дѣйствій, мнѣній, и заключеній кажущейся невозможности, которыя, однакоже, окончательно свелись всѣ на возможность,—что оно должно быть, и будетъ, передано нами подробно къ общему свѣдѣнію.—Рѣконская пустынь возсоздана съ 1860 года; тамъ устроенъ уже монастырь, пока еще дере-

Для этого-ли я былъ введенъ въ Реконь и выведенъ изъ нея?— Не знаю, но послѣ этого старецъ принялъ меня опять.—Въ то же время находился въ Петербургѣ, для исходатайствованія себѣ увольненія изъ мѣщанскаго общества, послушникъ, жившій въ Геѳсиманскомъ Скитѣ московской Троицкой Сергіевой Лавры; онъ, какъ и я, сильно желалъ остаться въ Реконской пустынѣ; старецъ согласился, а я тѣмъ болѣе радовался этому, что хотѣлъ вдать себя въ совершенное руководство новаго брата, въ томъ соображеніи, что въ Скитѣ, извѣстномъ подвижническимъ уставомъ жительства, онъ могъ довольно научиться самъ, отъ опытныхъ старцевъ, чтобъ научить и меня всему, что, въ искренномъ союзѣ любви о Господѣ, трехъ человѣкъ живущихъ уединенно въ лѣсу, относилось къ трудамъ трезвенія, работы, молитвы и богомыслія.

Реконская пустыня обладала только двумя полуистлѣвшими келлійками, при ветшайшей церкви; одну занималъ старецъ, мы помѣстились въ другой. Тѣснота всякая, хоть бы въ дуплѣ дерева, не значитъ ровно ничего, при единомысліи наполняющихъ ее, двухъ или болѣе братій; но единомысліе-то и не захотѣло войти съ нами въ келью эту! Братъ мой то обижался продолжительностью чтеній моихъ въ священныхъ книгахъ, говоря, что это нарушаетъ его безмолвіе; то безпокоили его мои распросы; то смущало его, что при непринятіи еще мною постриженія и званія монашескаго, я самочинно читаю Акаѳисты; то не нравились ему мои обычаи и обращеніи..... Словомъ, все дѣлалось причиною непріятнаго, немирнаго устроенія и безпрерывныхъ жалобъ его на меня старцу, который, всегда держа его сторону, не только негодовалъ, но прямо высылалъ меня изъ пустыннаго сожительства. Я хотѣлъ пробыть тутъ хотя Великій постъ, до страстной седмицы, чтобъ отправиться въ Тихвинскій монастырь и, отговѣвъ тамъ, послѣ исповѣди и пріобщенія Св. Таинъ, посовѣтываться, что дѣлать, куда идти? — Но

вянный (на каменный—деньги и значительный запасъ матеріаловъ готовы), есть новая церковь, во имя Преподобнаго Сергія и Германа Валаамскихъ, и уже болѣе 30-ти братій живутъ подъ начальствомъ строителя О. Даніила.

старецъ не соглашался ни на что и на сырной недѣлѣ рѣшительно отказалъ мнѣ въ кельѣ. Я продолжалъ свое,—нарубилъ молодыхъ деревъ и вѣтвей, набралъ валежнику, сгородилъ себѣ кое-какъ малую лачушку и, крѣпко надѣясь на себя, думалъ вытерпѣть въ ней время поста. Холодъ оказался сильнѣе моего самонадѣянія и крѣпче моего терпѣнія! Смиряясь по неволѣ, я ради Христа, входилъ въ келью брата на нѣсколько минутъ, чтобъ только отогрѣвать окоченѣлые члены, и снова влѣзалъ въ свою лачугу, чтобъ коченить ихъ. — Но долго терпѣть рѣшительно не хватило силъ у сильнаго или, пожалуй, упрямаго будто-бы *послушника*. Дѣлать нечего,—нужно было оставить пустыню..... Но и тутъ обошлось не безъ бѣдъ, не безъ новыхъ уроковъ школьнику, въ этой школѣ, въ которую онъ вступалъ чуть-ли не съ затаенною и съ непознанною имъ самимъ увѣренностью учителя.

По природѣ моей я не былъ бережливъ, а по привычкѣ разсказанныхъ мною дѣйствій въ горахъ, я никакъ не могъ пріобрѣсть склонности къ скупости; въ этомъ убѣдились всѣ мои товарищи сперва въ полку и потомъ гренадеры при Стрѣлинскомъ дворцѣ. Я давалъ въ займы что могъ, какъ Богу черезъ бѣдныхъ, такъ и знакомымъ, кому было нужно, и не смотря на довольно обезпеченное содержаніе въ Стрѣльнѣ, не имѣлъ сбереженныхъ денегъ. Оставляя міръ, я и жена роздали и послѣднія наши вещи, сохранивъ кое-какую одежду, на благословеніе Св. Иконы, да духовныя книги; а единственное сокровище, полдюжины чайныхъ ложекъ, мы раздѣлили по три, ей и мнѣ. Не имѣя гдѣ хранить эту знаменитую драгоцѣнность, три ложки мои, я отдалъ на сбереженіе старцу, никакъ не соображая, чтобъ онѣ могли сдѣлаться причиною жестокаго искушенія! Не было мѣры упрекамъ, укорамъ и подозрѣніямъ старца,—откуда я могъ пріобрѣсть и это серебро и нѣкоторую одежду, которая тоже у него сохранялась и, какъ онъ мнѣ объявилъ, была отдана имъ бѣднымъ людямъ, не спросивъ меня? — Все это приводило меня въ досаду, озлобляло на старика, занесло въ меня самое дурное о немъ мнѣніе;—но все это вывело меня изъ Реконской пустыни.... А по чемъ же я

зналъ, что ничего другаго, какъ можетъ быть этого и не требовалось тогда для меня?—Мнѣ многіе образованные люди въ обществѣ не разъ говорили послѣ, съ полупрезрительною улыбкою сожалѣнія:— «Вотъ въ томъ-то и бѣда, любезный, что ты не умѣешь уже сообразить самаго простаго дѣла; выйти изъ пустыни можно было препросто, безъ всѣхъ этихъ штукъ, какъ мы входимъ и выходимъ, безъ стѣсненія другими, по собственному разсужденію и желанію.»—Ну! — отвѣчалъ я имъ всегда,—если *мое* вамъ мало понятно, то *ваше* для меня и очень понятно и не ново; по собственному-то желанію и разсужденію я дѣлалъ премного *добра* другимъ, такъ стало быть и себѣ, и не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ входилъ и выходилъ довольно, чтобъ окончательно войти въ каленыя кандалы и выйти сквозь строй! Это было уже прямо противъ моего разсужденія и желанія; а самое настоящее - то *добро* чуть-ли не въ этомъ и заключалось.

Я отправился въ Тихвинъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, но съ полнымъ упованіемъ, что Господь, изведшій меня изъ гибели мусульманскаго мрака къ свѣту святой истинной вѣры, никакъ не покинетъ грѣшнаго, и что всякое, самое малое событіе въ моей жизни, Онъ направитъ, обратитъ мнѣ въ урокъ на пользу души; лишь-бы—«не одолѣла моя злоба неизглаголеннаго милосердія Его.»

V.

Гораздо прежде отправленія моего въ Реконскую Пустыню, когда я только еще началъ помышлять о монашествѣ, крестная моя мать совѣтовала мнѣ избрать обитель Святогорскую, или Никифоровскую — пустынь, недавно основанную прозорливымъ, истинно мудрымъ старцемъ Игнатіемъ (Исаіемъ) въ Олонецкой губерніи, и тотчасъ же получившую громкую извѣстность по высокой добродѣтели основателя и по строгому уставу тамошняго жительства. Игнатій этотъ былъ тотъ самый, который, увидѣвъ меня въ Петербургѣ, еще военнымъ, сказалъ: — «будетъ монахъ, будетъ

монахъ!» Въ Святыя горы (въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи) я отправиться не могъ, по недостатку средствъ для такого далекаго и труднаго путешествія, особенно въ то время года, а желаніе мое влекло меня болѣе туда, такъ какъ монастырь этотъ, лежащій въ имѣніи моей крестной матери и благодѣтельницы, былъ возсозданъ, устроенъ, богато одаренъ ея заботливостью, трудами и пожертвованіями. Нужно было избрать ближайшее; я рѣшился итти въ Никифоровскую пустынь, славившуюся уже опытностью старцевъ, къ которымъ для руководства и совѣтовъ прибѣгали многіе, не только монашествующіе, но и благочестивые міряне, изъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи.

Замѣчательно, что когда я выходилъ изъ Тихвина, направляясь въ Никифоровскую обитель (1856 г.), одинъ изъ *«блаженныхъ»*, привитающихъ при большомъ Тихвинскомъ монастырѣ, Егорушка, (*) извѣстный своею молчаливостью, почти безмолвностью, и съ которымъ я въ Тихвинѣ никогда не знался, самъ остановилъ меня за городомъ и съ улыбкою поглядывая мнѣ въ глаза сказалъ:—«не торопись!.... воротишься, воротишься!.... забылъ что-то!»—Я ничего не забылъ, однако точно вскорѣ возвратился изъ Никифоровской пустыни.

Строитель О. Даніилъ, ученикъ основателя, благосклонно принявъ меня, возлагалъ на меня поочередно разныя послушанія, которыя я исполнялъ усердно; братья меня любили, уставъ былъ строгъ и свято сохраняемъ, въ опытныхъ совѣтникахъ и руководителяхъ недостатка быть не могло; слѣдовательно, все, казалось, соотвѣтствовало моему искреннему желанію. Однако же обитель эта, не знаю по чему, мнѣ не полюбилась, такъ что съ первыхъ же дней я принялъ намѣреніе не оставаться въ ней навсегда. Можетъ быть одною изъ причинъ былъ довольно суровый климатъ мѣста, расположеннаго между болотъ; я постоянно почти страдалъ тутъ головною болью и общимъ разслабленіемъ; но все же я вѣ-

(*) О Егорушкѣ и другихъ *«блаженныхъ»*, привитающихъ при большомъ Тихвинскомъ монастырѣ, см. въ описаніи этой обители и въ статьѣ *Убогіе* Дом. бес. 1861 г.

роятно остался бы и долѣе четырехъ мѣсяцевъ, еслибъ особенный случай не возмутилъ меня такъ сильно, что я рѣшился тотчасъ итти въ Святыя горы.

Верстахъ въ семи отъ монастыря, въ лѣсномъ, болотномъ пустырѣ, находилась утлая хижина, въ которой жила пустынница Марія, давно уже поселившаяся тутъ потому, что дядя ея, впослѣдствіи умершій въ глубокой старости, былъ схимонахомъ въ этой обители. Кто была Марія, не знали, но было извѣстно, что она пришла изъ дальныхъ мѣстъ и сама приняла манатейное постриженіе. Ходивъ на поклоненіе въ Іерусалимъ, она сблизилась въ пути съ единомысленною ей сестрой, Анной, которая также сгородила себѣ избушку въ лѣсу, верстахъ въ 15-ти отъ Маріи. Тутъ обѣ слабыя женщины эти, превозмогая немощь своего естества, крайнія лишенія, суровость климата и дикость мѣста, въ трудѣ и постоянной молитвѣ подвизались для спасенія души своей и для благоугожденія Господу. Меня умиляло и восхищало это подвижничество, напоминавшее великихъ своею твердою ревностью христіанъ первыхъ вѣковъ. Опытные и строгіе старцы удивлялись двумъ женщинамъ, поучались отъ нихъ; но не только въ обителяхъ, а далѣе, и не въ той лишь странѣ, но и въ Петербургѣ, многіе знали и высоко уважали истинно святую жизнь пустынницъ, неимѣвшихъ и тѣни помысла искать какую либо извѣстность. Онѣ питались только лѣсными плодами и произведеніями двухъ, трехъ грядокъ, которыя каждая обработывала близъ своей хижинки. Врагу нашего спасенія такая жизнь, разумѣется, нестерпима, она ведетъ человѣка къ Богу и слишкомъ скоро и слишкомъ близко. Она— «путь тѣсный»,— а не широкій, ведущій въ гибель; — потому-то онъ, широко шагающихъ въ мірской жизни, съ ея довольствомъ и усладами, оставляетъ всегда въ покоѣ; а они, премудрые, съ улыбкою сожалѣнія и съ сердечно-презрительною заботливостью о простодушныхъ труженикахъ безпрерывно повторяютъ имъ:— «все у васъ врагъ, да врагъ! отъ чего же мы о немъ никогда не слышимъ, нигдѣ его не видимъ и ничего о немъ не знаемъ?»— Да отъ того вы не знаете, — отвѣчалъ я имъ съ простотухи, —

что онъ-то очень хорошо знаетъ и васъ и пословицу вашу: ученаго учить только портить.

Можно-ли же, чтобъ не ходило клеветъ и не было злобы на отшельницъ?—Два брата нашей обители возненавидили ихъ и рѣшились, во что бы ни стало, изгнать изъ лѣса.—Однажды, работая въ полѣ съ послушникомъ, я увидѣлъ дымъ, который прямымъ, узкимъ столбомъ тянулся изъ лѣса къ небу.—«Посмотри,—сказалъ мнѣ братъ,—посмотри, какой удивительной столбъ, вѣдь по описаніямъ, которыя мы читали, такъ горятъ только св. Иконы или Церкви.»—На другой же день мы съ послушникомъ этимъ ѣздили на лодкѣ, вошли въ лѣсъ и отыскали на мѣстѣ кельи кучу золы, обгорѣлую трубу и двѣ грядки. — Въ монастырѣ же стали шушукать съ уха на ухо, что келья Маріи сожжена какими-то нашими злоумышленниками; что изъ міра кто-то присылалъ ей меда и денегъ, которыя были заграблены и т. п. — Дня черезъ три пустынницу нашли въ болотѣ, изнеможенную и страшно изъѣденную комарами; ее привели въ обитель, гдѣ и оказали ей всякое пособіе. Марія, оправясь, ушла; посѣтивъ многіе отдаленные монастыри, возвратилась на мѣсто прежнй кельи своей и тутъ свято скончалась. — Говорили, что схимонахъ, дядя Маріи, при вселеніи ея въ этотъ лѣсъ, предсказалъ ей гоненія и бѣду, которымъ она подверглась. Тѣ же злодѣи являлись и къ Аннѣ съ такимъ же намѣреніемъ; но Богъ далъ ей мужество и силу не только устрашить, а и прогнать двухъ мущинъ и тотчасъ-же повѣстить о томъ по окрестнымъ монастырямъ и жильямъ.— Я не захотѣлъ долѣе оставаться въ Никифоровской пустынѣ, а потому, принявъ отъ настоятеля напутственное благословеніе, отправился въ дорогу, въ Августѣ,—съ намѣреніемъ добраться до Святыхъ горъ, но и съ мыслью повысмотрѣть извѣстные монастыри, которыхъ много лежало на далекомъ пути моемъ.—Кто изъ людей знаетъ, гдѣ Богъ захочетъ остановить шаги его земнаго странствованія?

Такъ-то вмѣсто вселенія на безъисходное жительство, на которое я шелъ съ рѣшимостью и желаніемъ, въ короткое время я оставилъ уже за собою три монашескія обиталища, вездѣ находя

все будто-бы не по себѣ, и постоянно ища чего-то и увлекаясь куда-то.

Въ Москвѣ привелось мнѣ быть во время Священнѣйшаго коронованія благополучно Царствующаго Государя Императора. Сильно восхищало меня чудесное зрѣлище любви, вѣры и восторженной привязанности православнаго народа русскаго къ своему Царю Помазаннику! Я весь горѣлъ, въ моихъ глазахъ, въ моемъ сердцѣ гасли и умолкали передъ этими чувствами всѣ огни, невиданныхъ мною чудесныхъ иллюминацій, всѣ радостные клики роскошныхъ праздниковъ! У чудотворныхъ мощей угодниковъ Божіихъ и предъ древними Святынями, которыми Господь такъ богато благословилъ этотъ городъ — сердце Россіи богатырской, я изливалъ самыя искреннія и горячія о ней молитвы и произносилъ безчисленныя благословенія благости Господа, за принятіе меня въ православную, крѣпкую семью русскую и за просвѣщеніе моей души спасительною Христовой Вѣрой. Путемъ изъ Москвы я аходилъ во многіе православные монастыри; въ нихъ мнѣ нравилось, я молился, смотрѣлъ, казалось, любилъ все, что тамъ видѣлъ;.... а между тѣмъ будто что-то внутри меня говорило мнѣ постоянно:—не тутъ твое мѣсто!

Наконецъ добрался я и до чуднаго Святогорья, высоко поднимающаго надъ Донцемъ свои крутые мѣловые бока, съ вѣковыми, на бѣломъ ихъ грунтѣ, темными лѣсами и съ золотыми главами благолѣпной обители, которую увѣнчиваетъ церковь, изсѣченная прямо изъ самой вершины мѣловой скалы, какъ громадная сахарная голова, по срединѣ треснувшей, прорытой пещерами и тѣснѣйшими кельями, выдолбленными въ ея толщѣ постническими руками древнихъ отшельниковъ.—Съ перваго взгляда сердце мое привязалось къ этому мѣсту. — Тутъ, — думалъ я,—тутъ вѣрно останусь до смерти!..... Но, между думой нашей и Божьей, куда дальше, нежели отъ земли до безконечнаго конца міра!.....

Съ отеческимъ снисхожденіемъ принялъ меня достопочтенный, нынѣ уже скончавшійся, о. Архимандритъ. Опытно сообразивъ, съ моимъ нравомъ и прежнею жизнью, лучшія для моего духовнаго

воспитанія изъ средствъ высокой школы монашескаго жительства, онъ возлагалъ на меня поочередно приличныя послушанія, которыя я несъ ревностно и съ любовью. Главнымъ мѣстомъ моего служенія братіи была пекарня, гдѣ товарищи мои, иноки-слѣпцы, сѣяли муку, а я, надсматривая вообще надъ добросовѣстностью и своевременностью производства, отпускалъ хлѣбъ на всю обитель и ея хуторъ; принималъ оставшійся отъ трапезы, рѣзалъ его, обращалъ въ сухари и снабжалъ ими странниковъ и бѣдняковъ. Дѣла было довольно; но оно никакъ не должно было препятствовать присутствію у богослуженія и исполненію келейнаго молитвеннаго правила по уставу. По прошествіи полугода я былъ благословенъ настоящимъ принятіемъ меня въ иночество, чрезъ удостоеніе рясофорнаго постриженія. Хотя я не смѣлъ еще надѣяться на это, однако же зналъ почти вѣрно, что оно совершится, потому что за день до постриженія вотъ что *случилось* со мною.

Я стоялъ въ церкви во время литургіи, смѣшивая усердную мою молитву къ Богу съ невольнымъ разсужденіемъ о всемъ точно удивительномъ, что со мною уже было въ жизни, и съ смиреннымъ вопрошеніемъ:—куда же Ты, Господь мой, ведешь меня и что со мною еще будетъ? – Когда, при возглашеніи—«Святая Святымъ,»—вдругъ ясно увидѣлось мною въ полусвѣтѣ, какъ изъ Царскихъ вратъ плавно выступила высокая и Божественно-величественная жена съ двумя по обѣимъ ея сторонамъ женщинами меньшаго роста, въ бѣлыхъ блестящихъ одеждахъ ..... Я долго стоялъ въ недоумѣніи, но съ полнымъ сознаніемъ какого-то неизъяснимо-спокойнаго ощущенія въ сердцѣ.—Само собою разумѣется, что я исповѣдалъ это о. Архимандриту.

Послушаніе мое не было измѣнено и послѣ постриженія, можетъ быть я только еще неотложнѣе бывалъ въ церкви, особенно-же при литургіи. Съ этого времени меня стала особенно печалить тяжелая мысль, которая прежде врядъ-ли промелькивала въ моей головѣ, а теперь не оставляла моего сердца ни на минуту. Какъ иноки обители нашей, такъ и множество богомольцевъ, входя въ монастырскую церковь, прежде всего заботились о поминовеніи

своихъ родныхъ и близкихъ, живыхъ и умершихъ, за проскомидіей; служили объ упокоеніи однихъ паннихиды, за здравіе и спасеніе другихъ молебны; призывали на помощь милосердіе Спасителя и Царицы Небесной; просили о заступничествѣ всѣхъ Святыхъ..... Какъ это прекрасно! Какъ утѣшительно!..... Но я не могъ дѣлать этого! .. Всѣ, о которыхъ молилась Церковь, были просвѣщены благодатію Св. Крещенія; а мои родные, братъ, двѣ сестры и племянники, оставшіеся на родинѣ, коснѣли въ язычествѣ!..... Не могу передать чрезмѣрной горести моей и сожалѣнія о бѣдныхъ душахъ этихъ, на которыя я не только не могъ дѣйствовать личнымъ убѣжденіемъ и просьбами, но даже имена которыхъ не могли быть произнесены предъ спасительною чашею Евхаристіи, да очиститъ Господь и ихъ пролитою Имъ за насъ кровію, и да помянетъ ихъ въ Небесномъ Царствіи Своемъ!.... Постоянство и глубина скорби этой привели меня къ твердому убѣжденію, что я неотложно обязанъ предъ Господомъ, за всѣ необъятныя милости Его ко мнѣ, употребить всѣ возможныя для меня усилія, всѣ доступныя мнѣ средства, къ обращенію хотя-бы близкихъ моихъ родныхъ въ христіанство; къ просвѣщенію и ихъ ученіемъ Евангелія и Св. Таинствомъ Крещенія. Я прочно заложилъ въ душу намѣреніе это, моля Господа допустить меня исполнить его, какъ благое.

Крестная моя матушка посѣщала этотъ (истинно свой) монастырь, обыкновенно въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Зная неослабѣвающую готовность ея на богоугодныя дѣла, подстрекаемый неотступнымъ желаніемъ,—но все еще самочинный и далеко неопытный монахъ,—я, тотчасъ по ея пріѣздѣ, поторопился передать ей мое намѣреніе. Она радовалась, одобрила мою мысль и сама взялась исходатайствовать мнѣ отъ о Архимандрита отпускъ на время, которое онъ сочтетъ возможнымъ. Но опытный настоятель видѣлъ дѣло иначе, нежели мы Въ окольномъ пути, мною принятомъ вмѣсто немедленнаго, непосредственнаго, всеполнаго исповѣданія своего сердца и мысли духовному отцу и руководителю, онъ справедливо не видѣлъ еще внушенія или извѣщенія свыше, а только плодъ собственнаго мудрованія, недостатокъ откровенной довѣренности и

вѣры, т. е. мѣру, принятую мною именно изъ опасенія, чтобъ прямымъ, надлежащимъ путемъ дѣло не заключилось неуспѣхомъ, тогда какъ при подобномъ ходатайствѣ я могъ считать исполненіе моей воли почти несомнѣннымъ.

Таково мудрое обученіе монашеское, — глубоко-сообразное съ волею Божіей, съ законами нашего падшаго естества и способовъ послушанія и отсѣченія воли своей, предложенныхъ для нашего спасенія. Угодное Богу никакъ не можетъ не исполниться, не можетъ быть остановлено никѣмъ, ничѣмъ; но не мы-же исполнимъ это. Для обращенія моихъ родныхъ, для крещенія ихъ, конечно, я не нуженъ ни имъ, ни Богу; но Богъ нуженъ и мнѣ и имъ. Если онъ употребитъ меня, то это будетъ по Его, а не по моей волѣ, и когда Ему, а не когда мнѣ захочется..... Просьба объ отпускѣ не только не была уважена настоятелемъ, но я былъ подвергнутъ наказанію, поставленъ на совершеніе извѣстнаго числа поклоновъ.— По уставу монашеской жизни я передалъ это нашему духовнику, который, объяснивъ мнѣ разумную сущность дѣла, наставлялъ меня такъ:—«если мысль эта не оставляетъ тебя, чадо, какъ, повидимому, благая и угодная Богу, то не о томъ должно стараться тебѣ, чтобъ исполнить ее самому, когда и какъ самъ задумалъ и хочешь; а о томъ, чтобъ Господь-то исполнилъ ее тогда, такъ и тѣмъ способомъ, какой Его благая премудрость признаетъ лучшимъ. «Возверзи печаль твою на Господа.»—Вотъ, сынъ мой, собственно на это принеси посильную жертву любви къ ближнимъ своимъ, ту жертву, которая Богу пріятна, потому что она есть смиреніе и Вѣра. Объ этомъ-то ты помолись и поплачь всякій день Христу и Пречистой Его Матери;—это будетъ лептой духовною; да потрудись положить отъ чистаго желанія хоть по пятидесяти поклоновъ; не они нужны Богу, а нужны вѣра твоя и смиреніе, которыя должны и въ наружу-то выразиться тайно въ запертой кельѣ твоей, при духовномъ трудѣ, хоть малымъ трудомъ и плоти;—это будетъ лептой тѣлесной. Будь терпѣливъ и увѣренъ въ Господѣ; Онъ Самъ откроетъ и устроитъ какъ чему быть должно».

Съ того-же дня я свято и съ чистою готовностью исполнялъ

это предложенное мнѣ духовникомъ правило.—Зайдя однажды отъ утрени въ пекарню и замѣтивъ, что растворенныя квашни еще далеко не доспѣли, я счелъ возможнымъ возвратиться въ келью и не только совершить тамъ мои пятьдесятъ поклоновъ, но еще успѣть немного отдохнуть. Едва я сомкнулъ глаза—вижу: входитъ мой братъ:—«я уже умеръ,—сказалъ онъ,—а пришелъ объявить, чтобъ ты не ѣздилъ на родину; потому что не успѣешь тамъ въ своемъ намѣреніи.»—Я вскочилъ въ волненіи; съ искреннею молитвой положивъ еще пятьдесятъ поклоновъ, я опять преклонился на койку и въ ту же минуту задремалъ.—Вижу, входитъ моя жена, изнеможенная, больная; съ горькими слезами упрекаетъ она мнѣ, что уговоривъ ее запереться въ монастырѣ, чтобъ самому быть монахомъ, я не остаюсь ни въ какой обители, бѣгу изъ всѣхъ и хочу оставить и эту,—тогда какъ она о мнѣ безпрестанно плачетъ и молится. Брось,—говоритъ она мнѣ строго,—брось твое намѣреніе ѣхать на родину, ты ни въ чемъ не успѣешь тамъ.

— Хитеръ врагъ,—сказалъ мнѣ улыбаясь духовникъ, прослушавъ разсказъ о моихъ снахъ;—видишь-ли, теперь, когда ты понялъ дѣло, онъ нападетъ уже не на самое дѣло твое, а и на намѣреніе. Ты разумно рѣшился не дѣйствовать самъ, а ждать проявленія на то воли Господней, что очень хорошо, льстецъ хочетъ украсть у тебя изъ сердца и эту кроху чистаго золота, т. е. доброе намѣреніе твое. Оно, видишь ли, чадо, снаружи выходитъ будто-бы и толково: — если рѣшился-де не дѣлать, такъ къ чему же и намѣреніе? Но это только такъ снаружи, по неразумному, мірскому разсужденію, на которомъ врагъ всегда и выѣзжаетъ, на немъ основывая всѣ свои обманы. А ты суди по нашему и взгляни на дѣло вотъ какъ. Намѣреніе твое, само по себѣ, благочестиво, благо, Богу угодно; только время и способъ исполненія нужно предоставить Господу; ну, а если ты по этимъ снамъ или другимъ обманамъ и пуганьямъ льстеца, измѣнишь и самое-то намѣреніе, т. е. самое-то благое чувство твое,—сперва охолодишь, потомъ отбросишь, а потомъ, пожалуй, и возненавидишь,—а тутъ Господь вдругъ очевидно предъявитъ тебѣ и случай и способъ привести

намѣреніе это въ исполненіе;—что будетъ? Ты отшатнешься! Ты и намѣреніе-то твое уже отбросилъ и возненавидѣлъ!.... Такъ-то и будешь ты затянутъ разомъ и въ погубленіе добраго чувства, и въ ослушаніе Богу; а окажешь послушаніе врагу. Для мірскаго разума это все, сынъ мой, мелко да глупо; потому-то онъ и мірской разумъ, потому-то эти мудрецы изъ всего что дѣлаютъ, выводятъ, наконецъ, только дурачества, бѣды и гибель! Намъ Отцы наши Святые завѣщали о всемъ, самомъ даже маломъ, судить строго, до ниточки, не вѣря себѣ. Это-то они и называютъ: «чиномъ тонкаго разсужденія.» При такомъ порядкѣ все дѣлается терпѣливо, не самонадѣянно, о Бозѣ; а потому ошибки для души рѣдки или невозможны.

Я разсказалъ маленько объ этихъ монашескихъ наставленіяхъ, потому что естественному здравому смыслу моему всѣ такіе уроки сильно нравились; да и такъ чудесно успокоивали и умиротворяли они меня, что никакой уже не было мнѣ надобности сомнѣваться или спрашивать еще кого-либо:—да такъ ли это? — Да то-ли? Да вѣрно-ли?..... И умъ, и сердце и душа прочно зарубали это на себя и кричали мнѣ:—вѣрно, свято, истинно! Конченное дѣло!

Въ августѣ крестная матушка моя возвратилась въ Петербургъ. Своимъ чередомъ шла моя монастырская жизнь съ ея послушаніемъ; своимъ чередомъ ютилось въ моемъ сердцѣ прежнее намѣреніе, а въ молитвѣ, мое постоянное прошеніе:—да будетъ не какъ я хочу, а какъ Тебѣ угодно, Господи!—Насталъ свѣтлый праздникъ, тамъ лѣто и зима;—вдругъ нежданно для меня пріѣхалъ въ нашу обитель гость, о которомъ я никогда и не вздумалъ-бы, что онъ тутъ будетъ! — О. Игнатій (Брянчаниновъ), Архимандритъ Сергіевской Пустыни, столь для меня драгоцѣнно памятной, и по стрѣлинской моей жизни и какъ мѣсто, въ которомъ я началъ впервые учиться азбукѣ духовнаго дѣла, гдѣ я и самому Архимандриту былъ многимъ обязанъ. — Архимандритъ былъ уже епископомъ и ѣхалъ на новое свое Архипастырское служеніе, именно въ Ставрополь-Кавказскій. Онъ обласкалъ меня и предложилъ принять въ свой штатъ; Архимандритъ нашъ согласился, и я, пробывъ еще въ монастырѣ до

начала весны, вышелъ въ желанный путь, ведшій къ моей родинѣ; хотя и безъ всякихъ средствъ, кромѣ пяти рублей, собранныхъ для меня братьею, но съ радостію и съ глубокимъ удивленіемъ о томъ, какъ чудно устроивается, въ свое время, все, что восхощетъ Господь? Сколько я ни старался сблизиться съ мѣстомъ моего рожденія, какъ я ни хлопоталъ, что ни предпринималъ для этого,— все не удавалось! И вотъ, когда, отложивъ заботливость, я предоставилъ это волѣ Самого Бога, новый именно Кавказскій Архіерей самъ является въ нашу обитель, самъ принимаетъ меня, уже рясофорнаго монаха, въ штатъ своего дома! — Я утѣшался тѣмъ, что не самочинно, не насильно, не по собственному настоянію двинулся въ дорогу эту, а при видимомъ извѣщеніи и по благословенію начальства.

Въ дорогѣ все было мнѣ дано милосердымъ моимъ Господомъ.— Въ семействѣ одного знавшаго меня давно помѣщика Ма.....ча, я былъ радушно принятъ, снабженъ всѣмъ необходимымъ какъ отъ него, такъ по его ходатайству и отъ другихъ помѣщиковъ; въ одномъ мѣстѣ я находилъ гостепріимство, въ другомъ получалъ рекомендательныя письма; далѣе мнѣ давали лошадей, деньги,—словомъ, я спокойно и безбѣдно прибылъ въ Ставрополь, пройдя пѣшкомъ лишь самую малую часть пути.

Въ Архіерейскомъ домѣ Преосвященнаго Игнатія я началъ свою, уже штатную, службу исполненіемъ разныхъ послушаній, которыя возлагались на меня поочередно, по дому и церкви. Подвинувшись, изъ самой Финляндіи, и изъ Олонца, чрезъ всю Россію, такъ близко къ роднымъ горамъ моимъ, единственно дивными судьбами Божьими, какъ было мнѣ не радоваться духомъ, какъ было мнѣ не ждать въ мирномъ устроеніи и въ спокойномъ, твердомъ упованіи, что Господь и впредь совершитъ все преблагимъ промысломъ Своимъ?... Но въ то время, какъ радость и надежды были въ головѣ и въ сердцѣ, на плечахъ и за спиной громоздились искушенія и скорбь! Не обвиняю никого; вѣроятно моя горячность, строптивость, неумѣнье, словомъ самъ я, всему причиной. Пробывъ въ Архіерейскомъ домѣ около осьми мѣсяцевъ, я испросилъ отпускъ, для изысканія себѣ

мѣста къ продолженію иноческой же жизни, гдѣ найду къ тому удобство.

Новое мое намѣреніе было гораздо скромнѣе прежняго, я хотѣлъ пробраться на родину не съ тѣмъ уже, чтобъ учить тамъ и обращать другихъ, но чтобъ, не заходя даже къ своимъ, не видясь съ ними, безвѣстно отъ всѣхъ, поселиться около Каспійскаго моря, въ одномъ изъ безчисленнаго множества имѣющихся въ странѣ ущелій или горныхъ пустырей, и одиноко отъ людей въ богомысліи, въ духовномъ трудѣ, въ работѣ, потребной для малаго питанія тѣла, да въ чтеніи священныхъ книгъ и въ молитвѣ всего предать себя покаянію, ожидая призыва туда.

Получивъ отъ Архіерея отпускъ, свидѣтельство и благословеніе я отправился на первой недѣлѣ Великаго поста.—Вскорѣ я столкнулся на дорогѣ съ извощиками, везшими кладь въ Екатеринодаръ; они взяли меня за небольшую плату и благополучно доставили до мѣста. Въ Екатеринодарѣ нашелся благодѣтель офицеръ, онъ самъ не имѣлъ средствъ для найма мнѣ лошадей,—а какъ пѣшкомъ по состоянію погоды и глубочайшей грязи, итти не было никакой возможности,—то онъ рекомендовалъ меня купцу, содержателю почтоваго двора. Надобно было, чтобъ я пришелъ къ нему именно-же въ такое время, когда только что скончалась его мать. Онъ особенно обрадовался мнѣ, потому что покойная была чрезвычайно страннопріимна и любила монашествующихъ;—«это подарокъ ей,—говорилъ онъ,—ты пришелъ прямо на ея погребеніе; спасибо, я все для тебя устрою.»—И точно, недѣли черезъ двѣ я выѣхалъ изъ Екатеринодара съ двумя гвардейскими офицерами, которые довезли меня до Темирханъ-Шуры; отсюда меня взяли казацкіе офицеры, провожавшіе своего товарища до Дербента,—который лежитъ только въ 70 верстахъ отъ моей родины. Я остановился въ Дербентѣ въ Солдатской слободѣ, гдѣ тотчасъ же пошли распросы, кто я, откуда, куда и пр.?—Не желая открывать своего происхожденія, прежняго имени и настоящаго званія,—такъ какъ изъ Дербента слухи къ намъ въ ближайшіе аулы летаютъ быстрѣе птицъ,—я успокоилъ любопытныхъ, вѣроятно никогда и не видавшихъ монаха, объявле-

ніемъ, что я православный монахъ изъ *Гусаровъ*,—а Гусарами называется мѣстность расположенія штаба Апшеронскаго полка.

Такъ вотъ какими путями и средствами, чрезъ какую школу, послѣ сколькихъ лѣтъ и въ какомъ видѣ и настроеніи Господь Самъ привелъ Лезгинца Ассана вплоть къ рубежу его родины?..... И для чего!?.... Онъ вѣдаетъ!..... Если другимъ оно покажется,— *такъ себѣ, ничего, случай!* — то я, благодаря Господа, имъ не причастникъ! Меня,—все пережившаго, прочувствовавшаго, испытавшаго па самомъ себѣ,—и самомалѣйшая мысль и легчайшее даже воспоминаніе о каждой малой частности, приводитъ въ изумленіе невыразимое! питаетъ въ моемъ сердцѣ такую любовь къ чудному своею любовью къ намъ Богу моему, что за Славу Его Святаго имени, на побореніе Его дерзкихъ противниковъ, поносителей и проклятыхъ враговъ я смиренно пойду, противъ тысячъ, радостно предать всю мою плоть на растерзаніе и охотно источу всю мою кровь, каплю по каплѣ!!

VI.

Рясофорный православный монахъ Александръ, лезгинецъ Ассанъ, вышедшій отсюда, 25 лѣтъ тому назадъ, сквозь-строй, въ раскаленныхъ кандалахъ, теперь въ Дербентѣ! За семьдесятъ верстъ отъ своей родины, отъ своей сакли!!.... Гдѣ мои, живы ли?... Что съ ними?.....

Чрезъ нѣсколько дней мнѣ сказали, что изъ Гусаровъ прибыли люди, которые очень желаютъ меня видѣть; отказъ повелъ-бы только къ возбужденію подозрѣній, а какъ тамошній народъ остороженъ и склоненъ къ любопытству и къ подозрительности,—я принялъ ихъ.—То были двое лезгинъ; войдя въ комнату, одинъ сказалъ другому, на своемъ языкѣ — «не оттуда, не оттуда!» — Потомъ спросилъ меня по русски:—«скажите, точно, вы кто, и отъ куда?» — Я сказалъ, что я изъ Гусаровъ. «Нѣтъ, вы говорите не правду; я знаю въ Гусарахъ обоихъ священниковъ и ихъ семей-

ства.»—А вы сами откуда;—спросилъ я его? — «Я изъ аула Гадазейхоръ,—отвѣчалъ онъ,—а товарищъ мой изъ Лягеровъ. Вы, стало быть, знаете кого нибудь въ Гусарахъ?»— прибавилъ онъ по лезгински. Говорите по русски, я вашего языка не понимаю;—и когда онъ повторилъ вопросъ свой, я сказалъ, что знаю людей не только въ Гусарахъ, но и у нихъ. Тутъ я назвалъ нѣсколько извѣстныхъ мнѣ жителей Гадазейхора, перечисляя ихъ семейства и кто за кѣмъ былъ замужемъ въ мое время. Они будто ошеломѣли отъ изумленія. Съ сожалѣніемъ и торопливостью заявивъ кого изъ названныхъ мною уже нѣтъ въ живыхъ, они оба вдругъ брякнулись на колѣни и стали умолять меня открыть, кто я, клянясь, что не встанутъ и не уйдутъ, пока не узнаютъ. Одинъ изъ нихъ, впиваясь въ меня глазами, объявилъ рѣшительно, что я непремѣнно долженъ быть его родственникъ, Али; что хотя онъ и не зналъ меня прежде, бывъ малолѣткомъ, а узнаетъ теперь безошибочно по портрету, присланному моему брату и который они возили въ г. Кубу показывать начальству.

Убѣжденія ихъ были такъ горячи, а настойчивость увѣренія одного, что онъ точно узналъ меня, была такъ неотступна, что я не могъ скрываться далѣе. Да, —сказалъ я, — вы не ошиблись: я Али. Я не хотѣлъ видѣть родныхъ, я рѣшился не заходить въ свой аулъ; но стало быть Богу моему угодно устроить иначе. За семьдесятъ верстъ отъ моей родины онъ допустилъ быть мнѣ узнаннымъ и, будто для встрѣчи меня, Самъ привелъ изъ двухъ посланныхъ одного родственника, — да будетъ же по Его волѣ, а не такъ, какъ я хотѣлъ!

Я началъ распрашивать ихъ о моемъ братѣ, о сестрахъ и другихъ родныхъ; о жизни ихъ, объ обстоятельствахъ общихъ.—Узналъ что многихъ нѣтъ, что многое измѣнилось, подъ часъ и къ лучшему. Потомъ я разсказывалъ имъ о Россіи, о себѣ, о моей службѣ; такъ проговорили мы всю ночь, на пролетъ; съ зарею они бросили между собой жребій, кому ѣхать объявить радостную вѣсть о моемъ прибытіи и получить подарокъ, состоящій изъ вещей, какія кто можетъ дать вѣстнику радости.—Вынувшій счастливый жребій

тотчасъ поскакалъ, а я съ товарищемъ его, переждавъ нѣсколько часовъ, отправились въ нанятой арбѣ на условное мѣсто, гдѣ братъ мой, родные и сосѣди должны были встрѣтить меня,—давно, давно пропавшаго для нихъ Али.

По дорогѣ изъ Дербента каждый шагъ былъ для меня живымъ воспоминаніемъ..... Огромныя, накрытыя снѣгомъ, какъ бѣлыми папахами, горы;—направо Таберланское ущелье, далѣе Крюнское Асланъ-Ханское владѣніе, и деревня, гдѣ меня въ былые годы принималъ Мурцалъ-Ага, сынъ Асланъ-Хана, угощая любимымъ азіятцами Шашлыкомъ (изъ баранины) и лакомымъ Лезгинскимъ Хинкаломъ (галушками)..... Все это, и не горы лишь, ущелья и лѣса, но каждый камень, каждое дерево, всякая послѣдняя тропинка, разсказывали мнѣ повѣсть моей прежней жизни и дѣлъ. Неподвижные свидѣтели, они тогда стояли тутъ и смотрѣли на все молча, теперь они всѣ разомъ громко заговорили въ моемъ сердцѣ,—то поднимая въ немъ, своими голосами, бури, какихъ не бывало въ лѣсахъ и въ пропастяхъ Кавказа; то выводя такое солнце и тепло, какого никогда не блистало на снѣговыхъ его вершинахъ, какое не могло размягчить ихъ вѣчной коры, какъ они умиляли мою душу!..... Между ими, обличителями моими и Господомъ—моимъ Богомъ и Судіей,—я стоялъ осужденный самимъ собою въ своей совѣсти! Полною грудью, жадно вдыхая тонкій живительный воздухъ моихъ горъ, я будто-бы раздувалъ имъ въ себѣ пламя раскаянія, благодарности и Вѣры, до того, что мнѣ хотѣлось-бы сгорѣть тутъ отъ нихъ;—такъ было мнѣ невыразимо горько и въ тоже время непостижимо отрадно!.... Господи! Боже мой Всемогущій! Чудно выведшій меня изъ гибели языческой тьмы, въ спасительный свѣтъ превеликаго православія, сквозь всѣ козни крови, плоти, міра, грѣха и діавола! Слава тебѣ!

Всесильный! Я знаю, Ты можешь, даже и мною, окаяннымъ и невѣждой, вырвать изъ гибели, просвѣтить весь край этотъ, тѣмъ свѣтомъ Евангелія и Духа, которымъ просвѣтилъ Апостоловъ Твоихъ! Я знаю, что не нашъ умъ, не наука и ученость людская способствуютъ спасенію, а воля Твоя Святая и преблагая совершаетъ

все;—Ты еси Богъ творяй чудеса! Твое есть еже миловати и спасати насъ!!.....

Съ приближеніемъ къ рѣкѣ Самбуръ (неправильно названной Самуръ), трепетъ, стѣсненіе, радость, ужасъ, усиливались во мнѣ до степени потемнѣнія; я боялся впасть въ безпамятство... Взглядывая на товарища, который сидѣлъ насупившись, молча, и будто не смѣлъ поднять на меня глазъ, я понялъ, внезапнымъ внутреннимъ внушеніемъ, что брата моего нѣтъ въ живыхъ, хотя они увѣряли меня, что онъ здравствуетъ!..... Разсчитывая, что тутъ мы вскорѣ должны были съѣхаться съ приближавшейся къ намъ встрѣчей, въ сильнѣйшемъ волненіи духа, давъ полную волю чувствамъ, вызывавшимъ изъ меня былое, я, по всегдашней погудкѣ нашей и обычаю, громко запѣлъ стихи, какіе сами тотчасъ слагались въ моемъ сердцѣ и выливались, на родномъ языкѣ, изъ устъ, вмѣстѣ съ слезами изъ моихъ глазъ:

— Вотъ я близко, близко отъ тебя, рѣка моя милая, Кубынской Кулларъ,
— Не потаи-же, скажи мнѣ, родная, шумнымъ грохотомъ твоимъ, о моемъ братѣ?.....
— Что онъ, гдѣ онъ, увижу ли я его, все еще мною любимаго крѣпко?.....
— Какъ молоды и теперь твои звонко-скачущія струи; какъ жива окрестность вся,
— Какъ обнимаешь ее ты нѣжно, какъ смотрится она въ тебя ясно и весело;
— Обниму ли такъ его, прижму ли родную грудь, къ груди моей, наболѣвшей,
— Насмотрюсь-ли на свѣтлые глаза его молодецкіе?....
— Или-же не бывать тому, какъ чуетъ разрываясь сердце мое!!....

Съ мѣста называемаго Кулларъ-Чай я завидѣлъ ѣхавшую для встрѣчи толпу всадниковъ; быстро приблизились они, и я въ томъ же настроеніи чувствъ кричалъ имъ:

— Что вижу? Что вижу? Не стогъ-ли это любимыхъ цвѣтовъ, чудесныхъ, съ моихъ родныхъ горъ, съ долинъ моей отеческой земли?.....

— А гдѣ же онъ?— Почему нѣтъ между васъ, его, самаго милаго, радости моихъ глазъ, цвѣтка моего сердца, отъ одного корня со мной возросшаго?....

Мы поздоровались по обычаю.—Тотчасъ мнѣ былъ подведенъ лучшій конь, парадно убранный по лезгински; привезены были и одежда и дорогое оружіе. — Я отказался отъ всего; нельзя, — сказалъ я,—я не тотъ, что былъ прежде; вотъ моя новая одежда воинская, смотрите: шлемъ (клобукъ), кольчуга непроникаемая (ряса) и шашка, всѣхъ оружій крѣпче и побѣдоноснѣе (четки съ крестомъ)! Дайте мнѣ лошадь простую, самую послѣднюю. — Наша великая честь и славная слава — смиреніе; наше неисчерпаемое богатство—бѣдность; наша сила всѣхъ сила въ мірѣ сильнѣйшая, не въ насъ,—а въ Всесильномъ Богѣ нашемъ!!—Такъ съ перваго же шага въ горы душа моя требовала высказаться, воздать хвалу и поклоненіе передъ ними и жителями ихъ, Господу моему, смѣло, хотя бы пришлось пролить за Него тутъ всю мою кровь.

Они смутились; но тотчасъ же уважили мое желаніе; тихимъ шагомъ поѣхалъ я впередъ, со всѣхъ сторонъ окружаемый толпою родичей.

Я сталъ распрашивать о близкихъ.—Братъ мой померъ уже два года тому назадъ; а старшая моя сестра только за мѣсяцъ, много скорбя о мнѣ и часто въ болѣзни вспоминая пропавшаго Али; меньшая моя сестра жива, она должна встрѣтить меня въ аулѣ.— Спрошено было о многихъ еще и о многомъ; тутъ-же изъ сопровождавшихъ меня представились мнѣ родственники, которыхъ я зналъ грудными дѣтьми или которые родились послѣ меня.—Мы продолжали путь; вскорѣ на одной горкѣ мнѣ указали на двухъ моихъ дядей, ожидавшихъ нашего шествія; чѣмъ далѣе по дорогѣ тѣмъ болѣе попадалось намъ всадниковъ и пѣшихъ, торопившихся на встрѣчу. Подъѣзжая къ родному аулу Заихаръ, мы увидѣли

большія толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей и впереди ихъ меня встрѣтила моя сестра Тёмань-Ага, съ малыми еще племянниками моими.

Я въ горахъ! — Я въ нашемъ аулѣ! — Я увидѣлъ оставшуюся въ живыхъ сестру мою; входящихъ въ жизнь племянниковъ!—Я, православный монахъ, въ своей рясѣ и клобукѣ, съ четками, съ крестомъ Христовымъ, первый стою между язычниками, на томъ самомъ мѣстѣ, изъ котораго вышелъ я, Ассанъ, гонитель Христа моего!!..... О! Слава тебѣ Боже! Предивный въ дѣлахъ неисповѣдимаго Твоего промысла!.....

Я остановился въ домѣ моего дяди. Это было въ утро великаго дня среды Страстной седьмицы.

VII.

Множество народа, съ этого же самаго дня, начало являться изъ сосѣднихъ ауловъ взглянуть на прибывшаго; кругомъ толпились, приходили, уходили, а къ вечеру домъ моего дяди наполнился избранными. Старшины изъ Ауловъ, Муллы и Ефенди, не ограничиваясь глядѣньемъ, желали разумной бесѣды. Для угощенія былъ приготовленъ пловъ съ бараниной, и я, какъ почетный гость, былъ радушно прошенъ начать;—отказъ мой тотчасъ же сдѣлался поводомъ къ послѣдовавшимъ разсужденіямъ, толкамъ и сужденіямъ. На ихъ дружественныя настоянія я объявилъ, что у насъ постъ, во время котораго мы не ѣдимъ мяса и масла, а только овощи и рѣдко рыбу съ елеемъ; вспоминая-же добровольныя за насъ страданія Господа въ эти великіе дни, мы во всю седьмицу эту не варимъ, не ставимъ трапезы, а питаемъ себя скудно, въ самую необходимую мѣру, только хлѣбомъ и водой, или, если кто имѣетъ, то употребляетъ и медъ. Вы по своему закону чтите постъ,—сказалъ я,—стало быть должны извинить и мнѣ, если искренно благодаря васъ за желаніе, я, какъ Христіанинъ, не смотря на дружбу къ вамъ, не отступлю ни на волосъ отъ своего закона.—Гости пріуныли и молчаливо, понуривъ головы, поглаживали руками бороды.

Послѣ нѣкотораго безмолвія, старшій изъ Муллъ съ особенною торжественностію обратился ко мнѣ почти съ такою рѣчью:—«Ты у насъ гость дорогой и желанный. Не знаешь ты, что въ тридцать лѣтъ сряду, которые ты находился въ безвѣстности, не было дня, когда-бы мы тебя не поминали? Не только въ праздникъ, въ пиръ, на свадьбѣ, или бесѣдѣ, но и всегда, постоянно сидѣлъ ты въ головахъ нашихъ, а въ сердцахъ у всѣхъ была твердая надежда, что ты непремѣнно возвратишься сюда, и что будешь между нами большой, большой!.... Вотъ и дождались мы;—ты опять посреди насъ! Не дивно-ли это? — Спроси же ты у людей,—еще вчера долго говорили мы о твоей благодѣтельности, о добрыхъ твоихъ дѣлахъ, о неустрашимой твоей храбрости при самомъ входѣ въ юношескій возрастъ. Ты знаешь, въ Россіи не десятки и не сотни, а тысячи нашихъ, посуди: отъ чего-же мы будто забыли о всѣхъ, а между ими есть люди изъ близкихъ ауловъ, есть наши родные, хорошіе и славные воины?.... Посуди, почему ты одинъ изъ всѣхъ, какъ будто насильно завладѣлъ нашими сердцами, врѣзался въ памяти? — А?!.. Вотъ что разсуди ты глубоко самъ въ себѣ! Смотри, встрѣчаемъ мы тебя съ превеликой радостью, и тотчасъ же унываемъ духомъ!.... Являешься ты намъ въ какой-то невиданной одеждѣ, съ безобразно отрощенными волосами; не принимаешь ты ни боеваго коня, ни почетнаго оружія.—И стало намъ больно, и печально!—Не хочешь ты ѣсть съ нами, когда мы для тебя только и собрались, душевно желаемъ раздѣлить съ тобой столъ, по родному обычаю нашему;—а ты остаешься будто чужой сторонникъ; ты отзываешься постомъ, говоришь о Христѣ!..... Отъ чего это? что это все?!.. Не такимъ думалось и желалось намъ встрѣтить тебя, милый и жданный нашъ братъ!!.... Увидѣвъ тебя, мы все уразумѣли и не винимъ тебя. Ты былъ очень молодъ, а потому и не вполнѣ утвержденъ въ правовѣріи, чему обстоятельства твоей жизни тогда мѣшали; потомъ ты былъ около трехъ лѣтъ въ плѣну, въ заключеніи, наконецъ попалъ ты въ Россію, и вотъ прошло почти тридцать лѣтъ,—братъ! время долгое! почти цѣлая жизнь! Естественно, что не трудно было сманить въ Хри-

стіанство человѣка молодаго, на чужой сторонѣ и еще не знавшаго вполнѣ отцовъ своихъ.... Потому-то мы и не гнѣваемся, а радостно принимаемъ тебя, какъ заблудшаго, возвратившагося къ отцамъ; ты былъ мертвъ—и ожилъ; былъ холостъ—и,—какъ слышали,—женился; былъ малъ, и, какъ видимъ,—богатырь! Мы убиваемъ барановъ и кормимъ всѣхъ людей въ аулѣ и всѣхъ приходящихъ, на радость за тебя!... Живи-же съ нами въ вѣрѣ отца и матери; знай, что за отступничество твое они будутъ мучимы, до седмаго колѣна того рода, отъ котораго произошли сами, и ты и всѣ твои, какъ ихъ кровь и ихъ плоть..... Возвратись, возратись къ ихъ вѣрѣ! Мы умоляемъ тебя Мухамедомъ! Великій Пророкъ нашъ сказалъ, что отпавшему отъ вѣры и вновь возвратившемуся дастся награда высшая... Будешь ты вознесенъ тамъ до седьмаго неба; будешь окруженъ и проникнутъ въ раю несказанной радостью; не будетъ тамъ ни заботъ, ни трудовъ; не будетъ войны и пролитія крови; будутъ течь для тебя рѣки молока, вина и меда; всякая птица, всякій плодъ напитаютъ тебя неслыханной сладостью; для утѣхи твоей дадутся тебѣ тридцать гурій красоты невообразимой!.... Такія приготовилъ пророкъ награды и милости обращающимся!!.... А мы, здѣсь, всѣ сообща устроимъ жизнь твою въ довольствѣ лучшемъ; выстроимъ мы тебѣ домъ и обзаведемъ его всѣмъ; не будешь ты имѣть ни въ чемъ нужды, всѣ мы станемъ работать на тебя до смерти; всѣ мы провозгласимъ тебя нашимъ господиномъ и повелителемъ. Избери себѣ жену, какую хочешь изъ любаго рода,—все по волѣ твоей и къ твоему счастью будетъ сдѣлано, какъ для господина нашего! — Обратись и останься съ нами!.....»

Большое удовольствіе выразилось на лицахъ всѣхъ, слушавшихъ рѣчь эту, и всѣ глаза обратились на меня съ великимъ вниманіемъ.

Прекрасно говорилъ ты, достопочтенный мулла,—отвѣчалъ я,—разумно и я слушалъ твои слова, не прерывая, и еще готовъ слушать, если имѣешь что прибавить; а если сказалъ все, то и ты и всѣ терпѣливо и разсудительно прослушайте теперь мой отвѣтъ.—Тихій

ропотъ согласія пробѣжалъ между ними, всѣ поправились и подловчились для слушанья.

Я началъ, перекрестясь и произнеся въ себѣ тайную молитву къ Христу Премилосердому.

Дѣйствительно, дѣло чудное и небывалое! тридцать лѣтъ, постоянно, вспоминали вы меня и навѣрное ожидали, перезабывъ всѣхъ другихъ и никого изъ нихъ не ожидая!... Не удивительно-ли это? — тридцать лѣтъ хранилъ меня Господь отъ всѣхъ бѣдъ предивно; привелъ въ Дербентъ пречудно. Черезъ тридцать лѣтъ одинъ изъ нашихъ прямо наткнулся на меня въ Дербентѣ, разомъ меня, невиданнаго имъ отъ роду, узналъ по какой-то картинкѣ! Не удивительно-ли это? Черезъ тридцать лѣтъ, вы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, подвигнулись толпами и съ великою любовью встрѣтили радостью и почетомъ, какъ будто какого владыку или побѣдителя, меня, мальчишку и разбойника, вышедшаго отсюда въ кандалахъ! Не удивительно-ли это?.... Удивительно и преудивительно!!.. А разсудили-ли вы, почему все это такъ?—и кто въ мірѣ могъ сдѣлать, чтобъ все это удивительное и небывалое было? — И для чего же нужно было быть этому?... Вотъ, родимые мои братья, вотъ о чемъ умнымъ головамъ слѣдуетъ глубоко порыться въ своемъ умѣ! Смотрите-же, зачѣмъ я явился и съ чѣмъ? — Я вамъ, своимъ кровнымъ, привезъ въ даръ такое сокровище, которому цѣны нѣтъ и передъ которымъ не только всѣ блага земныя, а вся земля и весь міръ,—ничто! меньше, нежели ничто!... Даръ этотъ не отъ меня, а отъ Самого Бога; даръ этотъ: истинная Православная вѣра въ Господа нашего Іисуса Христа!!.... Вы обѣщаете мнѣ выстроить домъ на время; умру я въ немъ на койкѣ, или въ горахъ отъ пули, все же умру, какъ отцы наши умерли, какъ умрутъ дѣти. Я хочу, чтобъ вамъ всѣмъ были домы у Господа, на небесахъ, на вѣчно. Вы хотите быть моими слугами; а я молю Бога, чтобъ вы всѣ введены были въ Небесное Царство Самого Бога, чтобъ быть вамъ тамъ не слугами, а возлюбленными сынами и друзьями Его!... Если вы вспоминали и ждали меня одного изъ тысячъ;—то, ясно, никто кромѣ Бога не могъ ни вну-

шить, ни поддержать этого чувства, тридцать лѣтъ, во всѣхъ. Если я явился къ вамъ, одинъ изъ тысячъ, и такъ, и такимъ, какъ являюсь; то ясно, что никто кромѣ Великаго, Всемогущаго Бога не могъ сдѣлать, чтобъ это такъ было. Размыслите!!... Чтобъ по ряду разсказать вамъ все, что со мною совершилось, что я видѣлъ, испыталъ, перечувствовалъ, вынесъ, понялъ въ тридцать эти лѣтъ, не хватило-бы намъ ночей и дней на бесѣды; да и не въ томъ дѣло. Дѣло не во мнѣ, а въ васъ, любезные мнѣ! О себѣ довольно немногихъ словъ: — былъ я подъ мучительными тѣлесными наказаніями, и рвалась моя плоть, и лилась моя кровь; былъ я въ гоненіи, въ плѣну, въ тюремныхъ затворахъ;—все за великіе мои грѣхи предъ Господомъ, и по великой Его благости. Потомъ былъ я воиномъ въ службѣ у православнаго Царя, и былъ прощенъ, и отличенъ, и обласканъ, и облагодѣтельствованъ Самимъ Имъ и Его семействомъ. Захотѣлъ я тогда служить Небесному Царю, а служить Ему значитъ все здѣшнее, свое, бросить; богатъ Онъ, весь міръ Ему принадлежитъ, и есть у Него и даетъ Онъ своимъ вѣрнымъ слугамъ то, чего и во всемъ мірѣ не было, нѣтъ, и не будетъ и что на мысль никому не войдетъ! Оставилъ я жену и друзей и все, что мнѣ было дорого на землѣ и что еще привязывало меня къ міру, и сдѣлался я инокомъ. Душа моя горячо хотѣла спасенія вѣчнаго и никогда эта неотступная ея мысль, и глубокая жажда, не была только объ одной себѣ самой, а всегда она горѣла желаніемъ, чтобъ удостоиться обратить всѣхъ васъ, родныхъ моихъ, къ спасенію; чтобъ вывесть васъ всѣхъ изъ глубокой тьмы заблужденія вашего, къ чудному свѣту самой истины, къ Іисусу Христу, крещеніемъ Святымъ (я при этомъ, какъ и прежде, не разъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ),—во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, въ Троицѣ славимаго Единаго Бога!.... Вотъ какъ и я васъ помнилъ; вотъ чѣмъ и я васъ встрѣтилъ; вотъ что я вамъ принесъ!!....

Живо обратился ко мнѣ Мулла, понуривъ голову и распростирая въ воздухъ руки.— Удивительно! удивительно,—сказалъ онъ,— гдѣ-же успѣлъ ты тамъ и отъ кого, набраться такой науки, чтобъ умѣть такими словами говорить о такомъ дѣлѣ?.....

Извини меня,—отвѣчалъ я,—это только показалось тебѣ въ моихъ словахъ, будто я какой ученый. Я какъ былъ, такъ и остался, необразованный и невѣжда въ наукахъ; а что говорилъ я вамъ теперь, то не отъ меня это, а отъ Господа; я только прилежалъ къ чтенію Его Святаго закона, и въ душу мою принималъ Его духъ, а онъ самъ уже, когда нужно, дѣйствовалъ моимъ языкомъ. Учимся мы, иноки, не въ школахъ, а въ трудахъ крѣпкаго послушанія и отсѣченія всякой своей воли; въ молитвѣ, въ слушаніи службы дневной и ночной въ Храмѣ Божіемъ, гдѣ мы славословимъ Господа, Пречистую Матерь Его и всѣхъ Святыхъ, ходатайствующихъ о насъ. Тамъ я учился; тамъ я горько скорбѣлъ всегда, что предъ престоломъ Божіимъ при Святѣйшей Литургіи, когда поминаются всѣ православные, живые и мертвые, да помилуетъ Самъ Господь ихъ душу, я не могъ поминать моихъ родителей, близкихъ, всѣхъ васъ, какъ недостойныхъ того, какъ Его противниковъ и враговъ, непросвѣщенныхъ Св. Православнымъ крещеніемъ и вѣрою въ Бога нашего Іисуса Христа!... Вотъ какая была всегда моя крѣпкая, горячая и слезная память о васъ! Но въ тайнѣ души я все о васъ молился,—да молился..... И Господь вложилъ въ меня намѣреніе итти къ вамъ, и Самъ, грѣшнаго меня, безъ всякихъ средствъ, предивнымъ способомъ, провелъ чрезъ всю неизмѣримую Россію, съ верхняго ея конца, въ наши горы, къ вамъ, братія мои по плоти!..... Чтожь? развѣ не дивно? чтожь—развѣ не неслыханно? развѣ не одному только Всемогущему Богу было возможно это?!.... Я сказалъ вамъ: послушавъ слова мои, вы войдете въ небо; не послушавъ ихъ, отвергнувъ предложенный вамъ путь вѣчнаго спасенія, вы останетесь, и здѣсь, и тамъ, въ гибели вѣчной, за беззаконія и жестокосердіе ваше.

Какъ отъ тьмы получили вы ученіе ваше, такъ во тьму и пойдете!

«Постой, постой!—вскрикнулъ Мулла;—вѣдь я сказалъ тебѣ сначала, что ты самъ не знаешь ученія нашего, а по незнанію и говоришь ты такъ, не разумѣя, что оскорбляешь тѣмъ Великаго Пророка. Тебѣ неизвѣстно, что наша вѣра и ученіе на землѣ одни

именно и истинныя; что они Самимъ Богомъ намъ посланы и принесены прямо съ неба въ книгахъ: — Таврадъ (ветхозаконной), Замбуръ (Пѣснопѣнія), опять взятой на небо,—и Инжиль, да въ Алкоранѣ, данномъ Богомъ Великому Пророку Его, Мухамеду; а въ этой одной книгѣ заключено и все ученіе правовѣрныхъ, съ такою ясностью какъ свѣтъ. Вотъ, этого ничего ты вѣдь не знаешь, а говоришь только что наслушался тамъ отъ невѣрныхъ. Мы же ученію этому слѣдуемъ и знаемъ несомнѣнно и вѣрно, какъ намъ сказано, что оно приведетъ насъ въ Россію, и что тамъ погибнутъ передъ нами всѣ неслѣдующіе закону нашему. И дастся правовѣрнымъ восемь раевъ, по заслугамъ каждаго, и будетъ семь адовъ для невѣрующихъ; и Самъ Богъ далъ Мухамеду ключи отъ рая, а на вратахъ его начерталъ имя Великаго Пророка нашего. Еслибъ зналъ ты это все съ молода, то никакъ не могъ бы повѣрить христіанскимъ повѣстямъ и сказаньямъ, и было бы тебѣ извѣстно, что для правовѣрныхъ въ рай дорога устлана широкая, всякой возможной дороги шире, а подъ ногою каждаго невѣрующаго будетъ она дѣлаться тоньше лезвея меча, и должны они будутъ падать съ нея въ огненныя рѣки и пропасти. Ну, а если кто изъ нашихъ и грѣшилъ на свѣтѣ и подлежитъ мукамъ, то конецъ концовъ тотъ, что всѣмъ вѣровавшимъ въ Мухамеда, онъ испроситъ отъ Бога освобожденіе отъ мукъ и дастъ безконечныя наслажденія.»

Когда онъ кончилъ свою рѣчь, сказанную съ большою горячностью, и съ такимъ, при ея заключеніи, видомъ, будто никто на свѣтѣ на это отвѣчать болѣе не можетъ,—я обратился отъ него ко всѣмъ находившимся тутъ и сказалъ имъ тихо:—вотъ, прослушали вы кое-что малое отъ меня, и кое-что отъ Муллы; хотя каждый изъ насъ сказалъ немного, но извѣстно вамъ всѣмъ, что человѣкъ какъ мало ни говори, пожалуй пять или десять словъ, а все же въ сказанномъ непремѣнно долженъ быть толкъ; если нѣтъ въ словахъ никакого смысла, то все равно, что нѣтъ и словъ; никакой человѣкъ не станетъ попусту бить воздухъ словами. Такъ-ли?

— Да, да! такъ! —пробормотали они.

Хорошо;—разумъ есть у всѣхъ васъ и у каждаго, мы тутъ всѣ взрослые или старые, дѣтей я на бесѣдѣ не вижу; обсудимъ же: какой выйдетъ самъ собою толкъ и смыслъ изъ того, что сказалъ я, и изъ того, что сказалъ Мулла; что бы рядили не мы двое, а чтобъ дѣло судило себя само. Въ Бога вы всѣ вѣруете и знаете, что Онъ всѣхъ и всего превыше истиною, всемогуществомъ, премудростью, благостью и милосердіемъ; — смотрите же теперь, разберите, не торопясь, а обдумавши, ученіе ваше. Обмановъ и всякихъ штукъ нѣтъ въ немъ числа; все въ немъ такъ постановлено и приказано, чтобъ привлечь васъ,—тѣша ваши кровяныя и плотскія страсти: злобу, ярость, ненависть, сласть. Вѣрно! Скажите, кто изъ васъ въ самомъ-то дѣлѣ можетъ думать, будто на небо и въ рай принесетъ съ собой свои здѣшнія похоти и грязи? Быть нельзя; поройтесь-ко въ мозгу, вы вѣдь этому сами никакъ не вѣрите! А вотъ видите, какъ приманиваютъ животное, тѣмъ что ему нравится, одно ячменемъ, другое солью, то сырымъ мясомъ, такъ вашъ законъ затягиваетъ и васъ на приманку. Здѣсь вы любите угождать желудку сладкой пищей,—тамъ обѣщаютъ вамъ тоже. Здѣсь вы любите распутство—тамъ вамъ даютъ гурій, да еще по тридцати и болѣе. Здѣсь вы яритесь, деретесь, завидуете, убиваете, — вотъ Мухамедъ и учитъ васъ— всѣхъ невѣрующихъ въ него считать собаками, ненавидѣть, поносить, рѣзать. Вы злы, — онъ приказываетъ вамъ не жалѣть не только враговъ, а и своихъ, жить грабежомъ, дракой, пролитіемъ крови. Вы мстительны,—вотъ по его закону завѣщана вамъ вражда непримиримая черезъ цѣлые роды. Вы надменны и нахальны,— вотъ сказано, что всѣ ваши враги погибнутъ, а вы одни восторжествуете,—а вы все гибнете и уменьшаетесь. Ваша широкая дорога въ рай, для нихъ тотчасъ сдѣлается тоньше лезвея, они всѣ попадаютъ въ огонь, чтобы горѣть, а вы всѣ пойдете въ рай, чтобъ вѣчно ѣсть, пить и распутствовать!!... Ну, скажите сами:— похоже-ли это на милосердіе, на благость, на премудрость, на

свѣтъ, на истину Божественную? Не ясно-ли, что это все злоба, ложь, заблужденіе, тьма? Не ясно-ли вамъ, что такое ученіе идетъ не съ неба, не отъ Бога, а внушено дьяволомъ; идетъ съ земли, отъ человѣка такого же, какъ вы, съ страстями страшными, но хитраго и честолюбиваго обманщика? Потому-то вашъ Мухамедъ все влечетъ васъ на свои и ваши любимыя приманки; онъ принудилъ васъ и принуждаетъ вѣровать въ него ненавистью, злобой, мечомъ, войной, кровью, да сластью, ѣдой, многоженствомъ, развратомъ. Сѣтью грѣха опутываетъ онъ васъ и здѣсь и тамъ. Можетъ-ли это быть отъ Бога?... Образумьтесь!.....

Они переглядывались и тихонько шушукали между собой, съ разными минами и восклицаніями. Я продолжалъ.

Теперь тѣмъ же самымъ, собственнымъ, всегда отъ природы здравымъ разсудкомъ вашимъ, взгляните на другую сторону. Хитростей здѣсь никакихъ нѣтъ. Если есть разные роды деревъ, или животныхъ, то было же когда нибудь, для каждаго такаго дерева или животнаго, первое того рода животное или дерево или что другое. Были и первые люди, Адамъ и Ева, Господомъ созданные и получившіе отъ Него все, а выше всего Его святой законъ; въ храненіи неотложномъ и полномъ этого закона и была ихъ слава, могущество, разумъ, счастье и совершенство. Понятно; созданное не можетъ быть лучше Создателя, а можетъ только имъ держаться, быть и улучшаться, на сколько онъ соизволитъ. Они неблагодарно, и возмечтавъ, что могутъ сами разсуждать, вмѣсто благоговѣйнаго принятія наставленій разума Божія, не сохраняли заповѣди; въ раю нельзя оставаться живя тамъ по своему, а не по райскому, Божественному закону. Богъ изгналъ ихъ изъ рая. Но рай есть жизнь вѣчная, безъ смерти, потому что жизнь по Богу, въ Богѣ; они сдѣлались смертными. Въ раю все имъ повиновалось, все служило, все было готово;—потому что Богъ такъ всему повелѣлъ; они слушались только Бога, а потому и все слушалось ихъ, не какъ пытливыхъ людей, а какъ исполнителей не своей воли, но только воли и закона Божія;—изгнанные изъ рая, они утратили послушаніе къ нимъ твари. Опять понятно, вѣдь не

ихъ она слушалась. Вотъ надобно имъ было тогда самимъ дѣлать и промышлять себѣ все, и все не только тяжелымъ трудомъ, да еще мучительствомъ надъ всякимъ веществомъ и надъ всякою созданною тварью, безъ борьбы и труда ничто и никто ихъ не слушался, не давался.—Лошадь, чтобъ служила тебѣ,—сперва покори ее; шакала убей, — а то онъ тебя разорветъ; землю царапай, рой, ворочай, засѣвай, поливай своимъ потомъ—а то не дастъ ничего; такъ все! Но во все это проникло неизрѣченная благость Божія, во все это вложена своя заповѣдь; спасенье не отнято, а обѣщано впереди еще лучшее противъ прежняго состояніе; непослушаніемъ человѣкъ погубилъ себя, потому что не повѣрилъ Богу, а себѣ повѣрилъ; послушаніемъ можетъ все исправить. А послушаніе Богу значитъ не вѣрить себѣ, а строго вѣрить Его закону. Не ясно-ли; не совершенно-ли просто и понятно?

Послышался легкій одобрительный голосъ.

Ну, смотрите-же теперь;—законъ-то этотъ Божій, ой! какъ онъ высокъ и свѣтелъ, премудръ, непостижимо благъ и совершенъ! Гдѣ же падшему человѣку понять всю его глубину, принять разомъ всю его небесную тайну? Да какъ его сохранить, въ удержи отъ страстей, безъ яснаго напоминанія, безъ долгаго приготовленія и ученія; безъ внесенія его такъ сказать по маленьку въ кровь, въ плоть, въ умъ, въ сердце человѣка? Вотъ воздвигаются Богомъ на землѣ Пророки, которые все говорятъ о будущемъ чудномъ искупленіи перваго страшнаго грѣха, заразившаго весь нашъ родъ, не только смертію временною, но и вѣчною; а ясно, что такого дѣла человѣкъ самъ исправить и перемѣнить никакъ не можетъ. Все распространяютъ они Истинный Свѣтъ и Вѣру; все призываютъ они къ соблюденію Божіихъ заповѣдей. А между тѣмъ человѣчество-то до того грѣшило и порочничало и грѣхомъ такъ изгноило себя все, что Господь посылаетъ наказаніе; всѣ люди погибаютъ въ водѣ потопа; оставляетъ Богъ, для разсады, только одно изъ всѣхъ семейство, праведное, Ноя, какъ доброе зерно.—Но Богъ можетъ всегда и наказывать и миловать, и убивать и живить; Онъ все можетъ, и никогда не можетъ Онъ, какъ любовь вѣчная, хотѣть и

совершать ничего, кромѣ блага! Челокѣкъ же, хоть вашъ Мухамедъ, все человѣкъ, все ложь и грѣхъ; и что онъ можетъ? Только обманывать и дѣлать зло, если онъ самъ не строго слушается закона Божія, а мудруетъ по своему уму, по страстямъ и разсчетамъ. Понятно-ли вамъ дѣло, я его просто сказываю?

—«Ну, ну!—отозвались многіе, — ты говори далѣе! мы слушаемъ тебя».

Такъ все ветхозавѣтное,— а его много, и все пречудно и премудро и преблаго! но тутъ объ этомъ говорить не время,—все ветхозавѣтное служило, чтобъ возвѣстить и увѣрить всѣхъ людей въ избавленіи, въ пришествіи Искупителя человѣчества отъ смерти вѣчной. И весь, весь родъ человѣческій всегда вѣрилъ и ждалъ и желалъ пришествія этого.—Вы берете плѣнныхъ, и тотчасъ требуете за нихъ выкупа; чуть человѣкъ повыше родомъ, поважнѣе, — и выкупъ вамъ давай дороже и знатнѣе. Нутко, скажите, какой выкупъ, кто можетъ дать и чѣмъ, когда сплошь все человѣчество,—разумѣете—все, страшно согрѣшило Богу, Создателю своему? Какъ оно можетъ само себя окупить? Всякое зло нужно окупить добромъ; глубочайшее же зло, добромъ высочайшимъ; а въ человѣчествѣ не остался никакого добра; а высочайшее добро только Самъ Богъ, то есть Его вѣчная справедливость; то кто же можетъ изъ созданныхъ имъ чѣмъ либо ее удовлетворить?!..... Понятно, что никто, ничѣмъ; только развѣ онъ Самъ!... Смотрите же тутъ чудное; слушайте и уразумѣйте любовь!—Ты грѣшилъ противъ меня, а самъ-то я такой же, можетъ и большій грѣшникъ; и хочу тебя наказать по вашему закону; но ты бѣжалъ; я наказываю всѣхъ твоихъ, жгу саклю, граблю скотъ, рѣжу твою семью. Что же, развѣ тутъ есть какой выкупъ, удовлетвореніе? Ничего нѣтъ, кромѣ мести, злобы, звѣрства, крови; всѣ погубленныя души остались такъ же грѣшны, какъ были, а я сдѣлался еще вдесятеро грѣшнѣе! Стало быть, ничто грѣшное удовлетворить Бога, истину, за страшный, общій грѣхъ всего человѣчества не можетъ; да и вынужденное-то удовлетвореніе, не есть удовлетвореніе, а насиліе. За добровольную вину, требуется добровольная же жертва. Слушайте же!

Самъ Господь, Пресвятѣйшій Создатель всего, безгрѣшный, по несказанной любви къ твари, облекаетъ Свою Божественность въ нашу плоть, чтобъ принять всѣ ея немощи, и болѣзни, кромѣ грѣха; чтобъ добровольно страдать ею, и страдать страшно, какъ никто. Родится Онъ на землѣ, нашествіемъ Святаго Духа отъ Пречистой Пресвятой Дѣвы, по извѣщенію Ей Ангела, при Иродѣ царѣ; записывается въ первую человѣческую перепись. Рождество Божественнаго Искупителя Ироду царю возвѣщено волхвами, которыхъ издалека вызвала явившаяся на Востокѣ звѣзда, шедшая иначе, нежели другія звѣзды ходятъ. Не понимая тайны, а зная только слова, что Царь всей земли родится въ Виѳлеемѣ, Иродъ въ боязни, что этотъ Царь отниметъ его земную власть и разрушитъ его сласти, посылаетъ избить всѣхъ младенцевъ, четырнадцать тысячъ, въ области. Родившійся чудно спасается бѣгствомъ, чрезъ Ангельское извѣщеніе;—наконецъ онъ является въ избранной странѣ, мужемъ совершеннымъ, тридцати лѣтъ, и начинаетъ ученіе свое. Избираетъ онъ двѣнадцать учениковъ изъ простыхъ рыбаковъ, добровольно бросающихъ все и идущихъ за нимъ; впослѣдствіи одаряетъ онъ ихъ дарами Духа Святаго, силою Его и Истиною, а во все свое пребываніе на землѣ умудряетъ и увѣряетъ ихъ въ божественности своего посланичества отъ Бога Отца своимъ ученіемъ, своимъ примѣромъ, чудесами, и многими другими благодатными знаменіями. И они безъ оружія идутъ послѣ по всему свѣту, на смерть, на муку, и сѣютъ, это Божественное ученіе Его, новое, совершенно противное всякому бывшему; чудное, неслыханное, требующее лишеній, отверженія всего, что любилось человѣкомъ! И оно всѣми пріемлется; впослѣдствіи оно само роняетъ и уничтожаетъ огромную Имперію Римскую, которая оружіемъ и кровью наполонила весь свѣтъ; оно побѣждаетъ дѣла тьмы и діавола, измѣняетъ всякаго человѣка и весь міръ!! Вотъ этотъ-то Царь, всего созданія Создатель, Богъ на землѣ, крестится отъ Іоанна въ Іордани, показуя намъ образъ новой жизни; живетъ бѣдно, ходитъ просто, безъ меча, безъ жезла, питается скудно, со всѣми добръ, какъ другъ и отецъ. Въ неизрѣченномъ милосердіи онъ утѣшаетъ печальныхъ, исцѣляетъ боль-

ныхъ, даетъ прозрѣніе слѣпымъ, исправляетъ хромыхъ, изгоняетъ бѣсовъ, воскрешаетъ мертвыхъ, учитъ подавать милостыню нищему; за друга—полагать свою душу; прощать врагамъ и любить ненавидящихъ насъ, какъ самого себя. Народы идутъ за Нимъ изъ цѣлыхъ городовъ; забываютъ сонъ, пищу, домъ, семью; не могутъ наслушаться и насмотрѣться; одинъ взглядъ, одно прикосновеніе къ Его одеждѣ, уздравляетъ,—каждое слово Его льетъ въ сердце и душу добро, миръ и отраду!!—Взъѣлись, распыхались злобой и бѣшенствомъ прежніе мудрецы, толковники, начетники, книжники, ученые; пропадаетъ ихъ власть, тщеславіе и богатство. Они высасывали изъ народа жизнь, силу и деньги и давали ему за то грѣхъ, страсть и грязныя сласти; ученье ихъ гибнетъ; этотъ Божественный учитель гонитъ зло, страсти, грѣхи неумолимо, а даетъ чистоту и добродѣтель. Враги подущаютъ, задорятъ дурныхъ людей; обманываютъ и пугаютъ Правительство; этотъ человѣкъ—говорятъ они,—льстецъ; онъ измѣняетъ наши обычаи, законы и вѣру; онъ возмущаетъ народъ; онъ опасный врагъ Царей, онъ разрушитъ Царство!—За нимъ гоняются, Его тѣснятъ, оскорбляютъ, хотятъ убить, но боятся любви къ нему народа; наконецъ одинъ несчастный изъ его учениковъ, Іуда, по сребролюбію, коворнымъ лобзаніемъ предаетъ Его за тридцать сребренниковъ,—и самъ, вмѣсто раскаянія, удавляется съ отчаянья.—Спасителя берутъ, вяжутъ, бьютъ тростью, заушаютъ, предаютъ поруганію и истязанію; одѣваютъ на посмѣшище, возлагаютъ на главу терновый вѣнокъ, чтобъ иглы его пробили черепъ; заплевываютъ лицо, прибиваютъ къ кресту между двумя разбойниками; опять ругаются ему тутъ во время страшной муки, невиннаго; кидаютъ жребій о его одеждѣ, поятъ его жолчью и уксусомъ... А онъ, молитъ Бога за всѣхъ, за весь міръ, и за мучителей своихъ: да отпустится имъ грѣхъ Богоубійства за невѣдѣніе ихъ!... И предаетъ духъ! Вотъ величайшая жертва! искупленіе за весь міръ! Вотъ откуда и отъ кого законъ нашъ и ученіе; вотъ кто нашъ учитель, Богъ!! Понятно, что такой выкупъ драгоцѣннѣйшій всего,—удовлетворяетъ всему, искупаетъ весь міръ и всякаго въ немъ человѣка, который вѣруетъ Божественной Истинѣ этой, твердо уповаетъ на нее, и

готовъ пролить за нее свою кровь; а всякое другое ученіе презираетъ, зная его обманомъ и ложью!.....

Не могъ я, конечно, удерживать порывовъ сердца; вѣроятно, я говорилъ иногда горячо; можетъ быть вскакивалъ, или дѣйствовалъ руками,—не знаю; только когда я остановился на этихъ словахъ, то, осмотрясь, увидѣлъ, что многіе встали, вонзили въ меня, какъ кинжалы, острые свои глаза, блестящіе какъ огонь и нѣкоторые въ слезахъ; многія уста были открыты въ изумленіи; было видно на многихъ лицахъ выраженіе сильнаго одушевленія и какого-то восторга.—Муллы совсѣмъ уже уткнули свои бороды и носы въ груди, будто мертвецы. Я сѣлъ, и поуспокоя волненія духа, продолжалъ тихо.

Праведному, уже умершему на крестѣ, злобно прободаютъ еще ребра копіемъ,—истекаетъ кровь и вода во знаменіе двухъ завѣтовъ, во очищеніе земли, уже обновленной его стопами, какъ вода очистилась погруженіемъ его въ Іордань во время крещенія, а воздухъ его дыханіемъ и испущеніемъ духа при кончинѣ. Въ минуту кончины Его все созданіе содрогается; всѣ люди повергаются въ ужасъ! Церковная завѣса раздирается сама собою на двое; солнце померкаетъ; земля колеблется, многіе гробы праведныхъ людей раскрываются; мертвые встаютъ изъ нихъ! Ученики снимаютъ Его съ креста, кладутъ пречистое тѣло въ пещерный гробъ, а Онъ духомъ нисходитъ между тѣмъ въ адъ; связываетъ сатану, разрушаетъ заклепы и узы, выводитъ томящихся праотцевъ, — и раздираетъ рукописаніе всѣхъ грѣховъ человѣчества! Враги, зная, что Онъ самъ сказалъ, что воскреснетъ въ третій день, прилагаютъ ко гробу печать, ставятъ стражу.... Но Онъ воскресаетъ въ виду стражей; является ученикамъ и передъ ними возносясь на небо, повелѣваетъ имъ итти проповѣдывать Евангеліе всему міру и чтобъ всѣ хранили, держали и дѣлали все, чему оно учитъ; а ученики и преемники ихъ апостольства, пастыри Церкви—Епископы и Пресвитеры крестили всѣхъ людей во имя Отца и Сына и Св. Духа. Самъ же обѣщаетъ быть съ вѣрующими въ него вездѣ, всегда до конца вѣка! И точно, мы знаемъ, чувствуемъ, изъ

всего видимъ, что Онъ, преблагій нашъ Богъ, всегда съ нами. — Чему же онъ училъ-то? — Чистотѣ, цѣломудрію, добру, кротости, надеждѣ, благотворительности, миру, прощенію обидъ, молитвѣ и за враговъ. Вѣрѣ въ Истину, любви къ Богу превыше всего, а къ ближнему какъ къ самому себѣ. Все это прекрасно, и—трудно-ли? А за это дается царствіе небесное; не вашъ рай, не сласть для тѣла, не плотское утѣшеніе, ибо тамъ у насъ такой плоти не будетъ, а несказанное духовное блаженство, котораго плотскій человѣкъ и постигнуть не можетъ! Но если оно дается за это, то, стало быть, кто этого не дѣлаетъ, а любитъ противное, тотъ ввергаетъ самъ себя въ вѣчную муку. Чтобъ пособлять намъ бороться съ страстями и держаться въ этомъ, Господь далъ людямъ помощь всесильную — ходатаицу, Преблагословенную Владычицу Богородицу, Апостоловъ, Мучениковъ, Святыхъ, которые за насъ молятся. Онъ проявляетъ намъ и теперь дивныя знаменія и чудеса; сохраняетъ нетлѣнныя Св. мощи; чудотворитъ Св. Иконами; научаетъ, хранитъ, покрываетъ и спасаетъ насъ своею благостью!..... Поймите, сравните!!—Чтожъ вашъ лжецъ Мухаметъ и ваша вѣра?!

Муллы молчали, какъ каменные, не смѣя поднять глазъ; но на молодыхъ людей простыя мои слова, на ихъ языкѣ, по ихъ манерѣ и нраву сказанныя и ими никогда не слышанныя, произвели впечатлѣніе самое сильное. Многіе горячо стали говорить сами:— «Да! Ты все говорилъ ясно, а само собой оно прекрасно и должно быть вѣрно и истинно, потому что такъ чуется и нашему сердцу.— Мы очень много о тебѣ наслышались; хотя ты былъ далеко, а вѣсти самыя чудныя о тебѣ доходили и до насъ; но въ томъ бѣда и сожалѣніе наше, что мы не съ тобой вмѣстѣ родились.»

Я увѣрилъ ихъ, что они снова могутъ родиться духомъ, въ Св. крещеніи и въ вѣрѣ въ Христа, по Его ученію.

Бесѣда эта тянулась чуть не всю ночь: дружно распрощавшись, пошли по домамъ, Муллы въ глубокой задумчивости, а молодой народъ весело, съ шумными толками и въ разумной радости.

На другой день съ самаго утра домъ дяди опять набился. Явились старшины, Муллы, женщины;—одни благодарили, что я не

далъ имъ погибнуть въ общей бѣдности; другіе представляли мнѣ людей женатыхъ и семейныхъ, которыхъ я спасъ отъ голодной смерти, когда они были еще младенцами; но всѣхъ болѣе поразила меня одна старуха, — бойко продравшись сквозь толпу, она допрашивала меня настойчиво: узналъ-ли я ее? А если не узналъ, то чтобъ узналъ непремѣнно.—Я никакъ не могъ ее узнать.—Это была кормившая меня грудью мамка; она говорила съ большимъ жаромъ:—«я помню, когда ты былъ еще шестимѣсячнымъ ребенкомъ, бывало увидишь другихъ дѣтей и сильно тащишь меня за грудь и нудишь, чтобъ я дала имъ сосать моего молока. На осьмомъ мѣсяцѣ ты сталъ уже порядочно ходить; всѣ радовались, ожидали, что изъ тебя выйдетъ человѣкъ необыкновенный, ты былъ тогда и добрый и хорошій! И обманулъ ты всѣхъ, какъ мошенникъ! Сталъ ты отступникомъ отъ отцовской вѣры; а со мной что ты сдѣлалъ? – (Она обнажила изсохшія свои груди). Этою грудью я тебя вскормила; высосалъ ты изъ нее молоко, твою жизнь, а въ благодарность за нее высосалъ и мой рай, посылаешь меня въ адъ; такъ должно быть за то, что я вскормила такого преступника».— И много она еще воевала и плакала.

Я обратился къ Юзуму, къ старшинѣ и къ Мулламъ:—слышали, сказалъ я,—что она говорила; не выказывается-ли изъ этого, что если я родился и Мухаметаниномъ, то на груди кормилицы, по Божію милосердію, уже заявлялъ наклонность къ Христіанству? Я любилъ дѣтей, дѣлилъ съ ними свое, желалъ, чтобъ и они кормились молокомъ, которымъ меня кормили. Господь мой и послѣ милосердно хранилъ во мнѣ эти чувства; когда я былъ взрослымъ, я защищалъ слабыхъ отъ сильныхъ, не щадя тѣла своего, шелъ на смерть во время голода, чтобъ помочь другимъ накормить народъ и не бралъ себѣ ничего. — Все это было не отъ меня, знаю, а по внушенію Бога. Онъ и на Мусульманъ смотритъ, готовъ и ихъ принять. — Когда я на этихъ дѣлахъ былъ взятъ, меня терзали, заковали, содержали въ тюрьмахъ и острогахъ, прогнали сквозь строй, измученнаго, избитаго провели чрезъ всю Россію. Я знаю, что всего этого я самъ не желалъ, однако знаю же,

что все было понесено за дѣла, которыми я помогалъ другимъ, друзьямъ; а христіанскій законъ учитъ за друзей полагать и душу свою. Я сказалъ вамъ, что прошелъ сквозь всю православную Россію, и смѣло свидѣтельствую, вѣрно, что русскіе слѣдуютъ ученію милосердія и любви къ каждому человѣку безъ разбора. Вездѣ по дорогамъ и городамъ меня и товарищей моихъ жалѣли; хотя я былъ въ цѣпяхъ, какъ злодѣй и разбойникъ, никто не спрашивалъ кто я, за что, какой вѣры, какого народа?—Не только встрѣчные благодарили, но люди догоняли насъ нарочно черезъ грязь, въ дождь, въ морозъ, чтобъ подать, во имя Христа, хлѣба, денегъ или одежду. Такъ Христосъ и повелѣваетъ творить милосердіе; такъ онъ и Самъ, по милосердію, сдѣлалъ меня христіаниномъ.

— «Хорошо это,—сказалъ тутъ Мулла спокойно и тихо;—а потому-то собственно оно и хорошо, что въ ученіи Алкорана приказывается,—дѣлать добро, помогать ближнимъ и миловать.»

Чтожь въ томъ, что приказывается?—отвѣчалъ я;—ты разбери, Мулла, кто твой ближній по Алкорану и кто твой ближній по Евангелію? Вотъ и узнаешь тотчасъ напрямикъ, что ученіе ваше не отъ Бога, не отъ Свѣта; а отъ человѣка, отъ лжи и страсти. Оно и добру-то учитъ васъ, чтобъ обратить его въ зло. Прими человѣка подъ кровъ сакли, накорми, угости, выпусти; — да за порогомъ ограбь и убей его варварски, если онъ не твоей вѣры!— Окажи милосердіе родичу, хоть пригоршнемъ муки; да черезъ часъ, если онъ обидитъ дрянными пустяками твою ярость, ревность или злобу, объяви непримиримую месть изъ рода въ родъ; грабь, бей, жги, рѣжь дѣтей, женщинъ и стариковъ! Разсердись просто на кого нибудь, и все равно тебѣ врагъ-ли онъ или другъ: ножъ, ярость и кровь пойдутъ работать!.... Мало-ли у васъ такого?—Кто этому причина? Вашъ Пророкъ!... Какъ цѣпью желѣзной, изъ которой нельзя человѣку самому высвободиться, опуталъ онъ васъ обманомъ и лжей своихъ словъ и рѣчей, которыя вы толкуете каждый на свой ладъ, по страсти, для сласти или изъ мзды..... Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Святымъ Евангеліемъ вноситъ и въ нашъ умъ и душу Свѣтъ Истинный; научаетъ насъ прямо не дѣлать зла ни-

кому, ни за что; дѣлать добро всѣмъ безразсчетно; молиться о всѣхъ, и особенно о врагахъ нашихъ, объ обижающихъ насъ и наносящихъ намъ зло.

— «Послушай!»—сказалъ мнѣ Мулла въ полголоса:—«чтожь ты пріѣхалъ сюда для того только, чтобъ поносить Мухамета, возлагать страшныя хулы на Великаго Пророка? Ты знаешь, что по нашему закону тебя не только нельзя слушать, но должно или сжечь тебя на кострѣ, или же самого себя умертвить».

Ну, — отвѣчалъ я ему также тихо, — этого, я полагаю, надомной сдѣлать тебѣ не попуститъ Богъ, а надъ собой и самъ ты не сдѣлаешь.—Потомъ обратясь къ другимъ, я сказалъ:—

Насильно сдѣлать христіаниномъ я никого не хочу, да и ни какъ не могу; дѣлаютъ это не люди, а Самъ Богъ. Говорить же объ ученіи Христа Спасителя, исповѣдывать и славить Его, я долженъ, какъ облагодѣтельствованный имъ служитель Его, вездѣ, всегда, предъ всѣми до крови, до смерти!..... Будьте Мусульманами, да не смѣйте же ставить свое ученіе выше нашего; будьте Мусульманами, пока не обратитъ васъ Господь Богъ, да дѣлайте-же добро;— за добро-то и можете удостоиться обращенія. А гдѣ у васъ добро и милосердіе? Покажите? Я тутъ родился, я близко все знаю!..... Ярость, крикъ, брань, месть; сласть, шумъ, драка, буйство, кровь, грабежъ; ножъ и огонь! Вотъ добро!... Взгляните кругомъ: сколько дѣтей, безъ рубища, не призрѣнныхъ, не омытыхъ, голодныхъ, зябнущихъ отъ стужи, по уши въ грязи? Это милосердіе что-ли и добрыя дѣла?... Бѣдные есть вездѣ, какъ есть вездѣ и богатые, только того, что я сказалъ сейчасъ и что видѣлъ тогда, какъ вижу и теперь у васъ, въ страшномъ множествѣ,—а сосчитайте-ко, сколько всего и васъ-то самихъ,—этому и малѣйшаго подобія я не видѣлъ, пройдя сквозь всю Россію, гдѣ пятьдесятъ и болѣе милліоновъ людей. Не видѣлъ я этого и въ самобѣднѣйшихъ мѣстахъ!... Почему? Потому что тамъ законъ Христа, а у васъ законъ Мухамета.....

Но довольно объ этихъ собесѣдованіяхъ нашихъ. — Я пересказалъ кое-что изъ нихъ вскользь, для того, чтобъ показать, какъ

чудно и какъ благо Господь попустилъ мнѣ не только явиться въ горы монахомъ, но смѣло прославить тамъ его законъ, въ лицо Мулламъ, врагамъ Христа, и сказать имъ прямо истину о Мухаметѣ. Прошло только два дня, а чуть-ли не все главное было имъ сказано. Я знаю своихъ; я знаю, какъ живо они принимаютъ въ сердце всякое дѣло; да я и хорошо видѣлъ самъ, какое дѣйствіе произвели, особенно на молодой народъ, простыя отъ сердца, безъ всякаго умѣнья слава мои. Видѣлъ я это, и возблагодарилъ моего Бога!—«Жатва многа,» — лишь бы были такіе дѣлатели, которые умѣли-бы взяться.....

Въ тотъ же день я отправился изъ аула въ Гусары, въ Штабъ Ширванскаго полка.

VIII.

Въ Гусарахъ я говѣлъ, сподобился пріобщенія Св. Таинъ и въ Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія явился къ Полковому Командиру, который ласково принялъ, радушно успокоилъ и удержалъ меня четыре дня.

Много было тутъ офицеровъ этого полка и артиллеристовъ; предполагая, что я прибылъ изъ Россіи, для сбора денегъ, они требовали книгу, говоря, что съ охотою впишутъ каждый свое пособіе монастырю, для котораго я зашелъ такъ далеко. Но дѣло тотчасъ объяснилось, когда узнали, что я не сборщикъ, а отпущенный на время, для свиданія съ родными, съ которыми разстался болѣе двадцати-пяти лѣтъ тому назадъ, что я Лезгинъ изъ аула Заихарь, что я былъ мусульманиномъ и грабителемъ, словомъ, когда узнали всю мою исторію. Особенно-же они обрадовались,—до того, что меня это тронуло до слезъ, — когда я объяснилъ имъ что, если-бы Господь помогъ, то я желалъ-бы превыше всего въ жизни, привесть въ христіанскую Вѣру моихъ родственниковъ и съ этою давнишней, завѣтной мыслью добрался до Кавказа; послѣ чего долженъ возвратиться въ Россію, для продолженія избраннаго мною

иноческаго жительства. Я буду тогда спокоенъ духомъ, въ увѣренности, что по милости Божіей потрудился не даромъ, хоть для одного дѣла истинно благаго.

— А что же бы остаться здѣсь у насъ, навсегда? — говорили они мнѣ; —это было бы прекрасно и во многомъ очень полезно. Мы помогли бы вамъ съ готовностію, всѣмъ чѣмъ можно, потому что дѣло желательное, и особенно удобное для васъ, какъ здѣшняго уроженца.

Они разсуждали, что многіе изъ нихъ, поступивъ въ Кавказскую службу юнкерами, состарѣлись въ ней до сѣдыхъ волосъ и никогда не только не видѣли монаха, но и не слыхали, чтобъ черная ряса и клобукъ мелькнули на Кавказѣ; что стало быть мой приходъ не даромъ. Съ особенною настойчивостью приглашали они меня ходатайствовать у начальства объ основаніи тутъ скита для иноковъ.

Эти исполненныя вѣры чувства боевыхъ людей всякаго возраста сильно меня тронули. Вы знаете, о. Александръ,—говорили офицемы,—что врядъ-ли найдется здѣсь одинъ аршинъ земли, которая бы не была пропитана христіанской кровью; не только невозможно счесть, но воистину страшно и подумать, сколько легло тутъ Русскихъ, съ самаго начала нашей борьбы съ этими звѣрями? И послѣ какихъ неслыханныхъ трудовъ и усилій, въ этой природѣ, которую нужно было тоже брать грудью, жизнью, на каждомъ шагѣ? Мы считаемъ монастырь или скитъ здѣсь необходимымъ; намъ было бы очень отрадно знать, что тутъ денно-нощно поминаются павшіе въ бояхъ храбрые товарищи наши, что тутъ будутъ поминать и насъ; что здѣсь каждый день будетъ совершаться безкровная жертва; что отсюда будутъ разноситься по горамъ и проникать въ ущелья Святыя молитвы. Не сомнѣвайтесь, что мы всѣ, сколько насъ есть, съ сердечною готовностью поможемъ этому дѣлу; да и разсуждать нечего, чтобъ такой монастырь могъ остаться безъ широкихъ средствъ. Къ тому же мы увѣрены, что онъ будетъ самымъ вѣрнымъ разсадникомъ православія; люди явятся изъ вашихъ же, а кто же, кромѣ неимѣющихъ и тѣни понятія о мѣстѣ

и народѣ, не убѣжденъ, что проповѣдь чрезъ единокровныхъ, вышедшихъ изъ той же среды, знающихъ всѣ частности жизни, нравовъ, всѣ изибы мозга и сердца,—что только такая проповѣдь можетъ быть дѣятельна въ горахъ? Ни свѣтскою болтовней и ловкостью, ни академическою ученостью, не возьмешь между вашими людьми ровно ничего. Это дѣло, какъ-бы оно съ начала ни было скромно, скорѣе нашихъ штыковъ и базаровъ умягчило бы нравы дикихъ звѣрей, съ которыми мы боремся.

Такъ говорили, къ моему восхищенію, всѣ, съ кѣмъ я видѣлся, въ теченіе проведенныхъ мною здѣсь четырехъ или пяти дней. Мы опытны; — говорили старые служаки, приглашая меня никакъ не оставлять этой мысли, но приложить всѣ возможные труды и старанія, чтобъ осуществить ее.

По обѣщанію, данному мною дядѣ, я возвратился въ родной аулъ, гдѣ тогда праздновали Урбанъ Байрамъ, тамошній постъ. Въ домѣ находилось довольно большое общество, но при появленіи моемъ оно тотчасъ начало расходиться. Мулла, Ефенди и Хаджи, уважаемый какъ святой, увидѣвъ меня въ самомъ выходѣ, внезапно оборотились и прижались плотно лицами къ стѣнѣ, чтобъ не только не сдѣлать обычнаго привѣтствія, но чтобъ, какъ будто, не обжечься моимъ взглядомъ!—Я подождалъ нѣсколько, и, видя, что они не двигаются, засмѣясь взялъ безъ церемоніи Муллу за плечи и обернулъ его къ себѣ.

Видишь-ли ты, старый и мудрый учитель, какъ крѣпко врагъ прилѣпилъ васъ къ стѣнѣ? Такъ-то для него несносно и обидно, если его ученики хоть взглянутъ на лицо христіанина, такого же человѣка, какъ вы! Вотъ ученіе Мухамета, вотъ служеніе дьяволу! Я пришелъ васъ поздравить; мѣшать вамъ не хочу; самъ радоваться буду съ вами, хоть и не вашею, а нашею христіанскою радостью, потому что въ эти дни и у насъ такой праздникъ, въ который не мы только не отворачиваемся отъ человѣка къ стѣнѣ, не сердимся, а благотворимъ, цѣлуемъ, лобзаемъ всѣхъ, своихъ и чужихъ, богатыхъ и убогихъ, враговъ и обидящихъ и ненавидящихъ насъ. Всѣ намъ братья о Христѣ, всѣ вмѣстѣ радуемся, всѣ

прославляемъ Его! Намъ радость сердечная; а вы вонъ какіе убитые, скорбные и унылые; жалко смотрѣть! А иначе и быть не можетъ: плакать и скорбѣть вамъ должно, потому что вы потеряли царствіе Божіе; не дается оно досадителю, ненавистнику, злому и лукавому. Вы учители, а взгляните-ка у насъ на самыхъ простыхъ учениковъ, хоть на любаго солдата. Въ честномъ бою за церковь и Царя, онъ идетъ на твою шашку и винтовку и бьетъ тебя; а въ мирный, праздничный день ни отъ тебя, ни отъ твоего ребенка не отворотится; онъ ласковъ, добръ, готовъ послѣднюю копѣйку свою отдать, чтобъ на его радости и вы съ нимъ порадовались. Вотъ Христовъ законъ; вотъ Христовы слуги!

Не пикнувъ, они ускользнули по стѣнкѣ, да съ такими лицами, какъ будто проглотили по нѣскольку комковъ грязи.

— Смотри,—сказалъ мнѣ дядя,—они непремѣнно пойдутъ къ начальству и крѣпко нажалуются на тебя, потому что ты оскорбилъ ихъ достоинство въ присутствіи людей.

Быть тому, что будетъ!—думалъ я; — а все же, пока я здѣсь, не перестану славить и исповѣдывать Господа моего! Унижать, обижать, ярить ихъ, не имѣю ни въ сердцѣ, ни въ мысли; но хвалить Мухамета и оправдывать мерзостный его законъ, чтобъ мирволить имъ?.... Упаси Боже! я не Англійскій или Французскій посланникъ въ Турціи. Для того-ли Христосъ завелъ сюда меня, монаха, черезъ тридцать лѣтъ?

Такъ я и поступалъ. Разъ увидѣлъ я одну изъ тѣхъ сходокъ, на которыхъ старшины рядятъ о мірскихъ дѣлахъ; я подошелъ, съ обычнымъ привѣтствіемъ,—мнѣ не отвѣчали тѣмъ же привѣтствіемъ, ни бывшіе тутъ, ни приходившіе. Я сѣлъ на край скамьи; несообщительность и непріязнь были явны. Вскорѣ явился двоюродный мой братъ, и съ большимъ страхомъ передалъ мнѣ, что Мулла, чрезвычайно уважаемый ими, сказалъ ему, что видѣлъ меня горящимъ въ аду.—Разскажи это громко,—попросилъ я его;—онъ исполнилъ.

Вы вѣрите? — спросилъ я у собранія. — Послышались отзывы: а какъ же не вѣрить? Онъ святой человѣкъ, онъ былъ три раза въ Меккѣ у гроба Мухаметова!

Хорошо; вѣра дѣло доброе. Но вы вѣдь и другъ другу-то не вѣрите безъ клятвы, поручительства и свидѣтельства. Клясться въ дѣлѣ пустомъ, маловажномъ, Богъ намъ не велѣлъ ничѣмъ, ни для чего; а поручителя и свидѣтеля я между вами найти не могу никакого, кромѣ только этого (я взялъ горсть земли). Земля не лжетъ, изъ нея созданы, и вы и я и Мухаметъ; въ нее мы опять и обратимся; земля не измѣняетъ, она вѣрна Богу и человѣку, она производитъ отъ начала міра и до этого дня, все какъ Богъ постановилъ.—Вотъ этою-то горстью земли, которую я принимаю въ себя, какъ не лживую и вѣрную Богу рабу, свидѣтельствуюсь, здѣсь и тамъ, что скажу вамъ истину!..... Я съѣлъ землю.—На нихъ это подѣйствовало, они были сильно поражены и слушали меня съ чрезвычайнымъ вниманіемъ.

Слушайте! Души наши безсмертны, изъ этой земли онѣ всѣ пойдутъ въ небо, и дадутъ тамъ строгій отвѣтъ на судѣ Царя Небеснаго, за всякую ложь! Слушайте-же мою истину. Въ Россіи я былъ болѣнъ такъ, что славные тамошніе военные доктора махнули рукой и при мнѣ сказали: — «Кончено, не встанетъ! Не сегодня, такъ завтра долженъ умереть.»—Услышавъ это, я ужаснулся, и не имѣя убѣжденія въ Православной вѣрѣ, въ эту послѣднюю минуту всею силою души, сердца, ума и воли я горячо обратился къ Пророку, говоря: ты все можешь! ты всесиленъ!..... И вдругъ заснулъ..... Вижу, въ дикой лѣсной трущобѣ лежитъ огромный, весь гнилой, смердящій трупъ Мухамета, не разваливаясь и заражая кругомъ все до того, что не можетъ тамъ дышать ни одно живое существо! И было мнѣ сказано тутъ: — «даже земля не смѣетъ принять его, природа вся ужасается, и будетъ онъ такъ лежать, пока при общемъ воскресеніи дастъ отвѣтъ на страшномъ судѣ Божіемъ и ввергнется на вѣчно въ огонь адскій »—Въ страхѣ упрекая себя, я горячо покаялся Богу Истинному, котораго прогнѣвалъ; тотчасъ же обратился къ Нему всею душой и внезапно получилъ исцѣленіе.—Доктора, начальство, и всѣ кому это сдѣлалось извѣстно, изумились такому небывалому никогда выздоровленью!

Говоря такъ, при воспоминаніи этомъ я горько заплакалъ отъ сильнаго волненія чувствъ; многіе были удивлены и тронуты, что выражалось лицами и голосомъ Я продолжалъ:

Послѣ такого чуда милости, — а мнѣ Господь прещедрый проявилъ ихъ въ жизни очень много, — ревность къ Вѣрѣ истиной загорѣлась во мнѣ огнемъ; я оставилъ міръ, все, что имѣлъ и любилъ; пошелъ въ монахи, несъ лишенья и труды, съ одной цѣлью по этой же ревности и любви, —и цѣль моя была благая! Чрезъ всю Россію я пришелъ къ вамъ, безъ боязни, хоть на ножъ, хоть на смерть, чтобъ сказать вамъ, братьямъ моимъ, о Христѣ Истинѣ; чтобъ привесть васъ, если можно, въ Православную Его Вѣру! — Не я говорю вамъ, а сама душа моя, ради вашего спасенія!..... Вѣрите-ли вы мнѣ?!... ....

Послышались одобрительные звуки, которые Мулла въ ту же минуту заглушилъ громкимъ крикомъ: — что такъ какъ я всенародно не уважаю и поношу Пророка, то дамъ за это ужасный отвѣтъ предъ Богомъ!—Читай, говорилъ онъ мнѣ,—Алкоранъ и ты выйдешь изъ своего пагубнаго заблужденія.

Но Алкоранъ вашъ, — отвѣчалъ я, — какъ и самыя употребительныя молитвы, писаны не на вашемъ языкѣ, вы не понимаете даже ихъ смысла; вы не знаете, о чемъ молитесь, чего просите.

— Не всѣ знаютъ, правда, сказалъ Мулла, — но въ этомъ и бѣды нѣтъ, потому что Муллы и Ефенди знаютъ и учатъ тотъ языкъ; а этого довольно для всѣхъ

Ну, будьте здоровы, Муллы и старшины!—вотъ вашъ великій разумъ! Но знайте, что отъ свѣта истинной Вѣры въ Христа распятаго, намъ кидаться опять въ вашу вѣру-тьму и ложь невозможно, какъ невозможно солнцу воротиться назадъ! Что же до васъ самихъ касается, то силенъ нашъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму; можетъ онъ умягчить и ваши окаменѣлыя сердца. Не скажу, чтобъ народъ весь имѣлъ такія же сердца какъ вы; напротивъ, я нисколько не замѣтилъ этого; а потому я благодарю Господа, что онъ дозволилъ мнѣ быть между вами и говорить о всемъ открыто.—Тутъ я передалъ имъ притчу

о сѣятелѣ,—и заключилъ, что и зерна словъ мною здѣсь брошенныя, непремѣнно нашли себѣ во многихъ сердцахъ землю добрую, на которой взойдутъ въ свое время, и что многіе, если не изъ нихъ самихъ, то изъ дѣтей ихъ, несомнѣнно будутъ Христіанами.

На насмѣшливое замѣчаніе старшинъ,—что не отъ рускихъ же имъ учиться;—я сказалъ:—а отъ кого-же? Отъ русскихъ, именно отъ нихъ. Самъ Богъ поставилъ ихъ вамъ учителями, да вы и учитесь.—Что было тутъ прежде? Гнѣздо неслыханныхъ разбоевъ, бунтовъ, убійствъ; цѣлые аулы заливались кровью и переходили изъ рукъ въ руки, каждый день зарѣзанные отцы, опозоренныя дочери валялись около саклей; за каждое слово драка;.... я помню все это!—А что я видѣлъ въ Шемахѣ и въ Кубѣ? Какія звѣрства и ужасы развилъ мерзостный законъ Мухамета?.....(*) То-ли у васъ теперь? Прежняго варварства уже нѣтъ и тѣни въ вашихъ аулахъ, вы все-же живете теперь не какъ звѣри. Подъ прикрытіемъ русскаго православнаго закона, никто, и самый сильный не дерзаетъ на собственность слабаго; да и сами вы, между собою, не смѣете самоуправно разсчитываться.—Вы стали уже впятеро лучше черезъ Русскихъ.

Русскіе! русскіе!—отозвался кто-то въ толпѣ. А какъ давно они съ нами воюютъ? сколько мы ихъ тутъ уложили? Костями своими они пересыпали всѣ наши горы! Погоди, вотъ непобѣдимый Шамиль выгонитъ и послѣднихъ Русскихъ.

Шамиль?—закричалъ я. — Вѣрьте-же мнѣ, что его скоро возьмутъ и какъ звѣря запрутъ въ клѣтку; сердце мое говоритъ мнѣ такъ (**). Кавказъ уже полупокоренъ и будетъ скоро покоренъ весь. Что вы тамъ говорите о времени и о людяхъ? Убыло-ли людей въ Россіи отъ этой войны? — а васъ прибываетъ ли? У васъ извелись цѣлые роды, исчезли цѣлыя племена; васъ задавили бы

(*) Въ концѣ находится краткій разсказъ о тамошнемъ праздникѣ.

(**) Слово это, мною тогда отъ запальчивости,—какъ говорятъ, очертя голову,—сказанное, въ самомъ дѣлѣ вскорѣ сдѣлалось истиной; какъ мнѣ послѣ писали, это было съ великимъ удивленіемъ вспомянуто слушавшими тогда мое предвѣщаніе и полагавшими, что дѣло это невозможно.

разомъ, еслибъ захотѣли; но Русскіе дѣйствуютъ такъ, потому что увѣрены въ своей силѣ, и потому что многіе изъ васъ, кто умнѣе, сами обращаются и смиряются.—Вы увидите, что мои слова, какъ истинные, всѣ сбудутся!...

Многое еще и премногое было говорено въ этомъ родѣ; но самымъ радостнымъ для меня слѣдствіемъ преній нашихъ было то, что, послѣ каждаго, число людей приходившихъ посѣщать меня, не только изъ нашего, но и изъ другихъ ауловъ, увеличивалось. Въ бесѣдахъ со мною, безъ Муллъ и стариковъ, они откровенно говорили, что много разсуждая о моихъ словахъ и поворачивая ихъ во всѣ стороны, да примѣривая ко всему въ своей жизни, они отъ души мнѣ вѣрятъ, а въ сердцѣ сочувствуютъ христіанству.... Но какъ быть-то намъ? — нельзя!... При Муллахъ и старшинахъ мы не смѣемъ не только говорить, но и подать вида.

Когда обнаруживалась въ человѣкѣ такая искорка, я не упускалъ раздуть ее, какъ Богъ внушалъ мнѣ. Какъ можно кротко, отъ чистаго сердца, я говорилъ имъ о таинствахъ христіанской Вѣры, разъясняя ихъ чудесную утѣшительность, чистоту и глубину, въ сравненіи съ позорностью и дурачествомъ бредней Мухаметова ученія. Когда я просто разсказывалъ имъ о Христѣ, о Его ученіи, о дѣлѣ искупленія,—они плакали. Пылкое воображеніе ихъ восторгалось и умилялось, когда я объяснялъ имъ, сколько было во мнѣ умѣнья, высокія христіанскія понятія о смерти, о загробной жизни, о Царствѣ небесномъ и вѣчномъ блаженствѣ душъ!—Я самъ молился и рыдалъ съ ними, изумляясь, какъ Господь Богъ глубоко вложилъ въ сердца самыхъ даже грубыхъ и дикихъ людей естественную потребность не только вѣровать въ Истину, но и на столько тотчасъ усвоивать разумомъ Вѣру эту, сколько довлѣетъ для спасенія души! —Великъ и благъ Господь Богъ нашъ!

Погостивъ тутъ довольно, я отправился въ г. Кубу, гдѣ тотчасъ же явился начальству.—Здѣсь между жителями нашлись мнѣ старые знакомые, а чрезъ нихъ пріобрѣлись и новые; принятъ я былъ всѣми ласково, а видя и зная меня христіаниномъ, разгово-

ры естественнымъ образомъ склонялись всѣ къ христіанству. Я и имъ передавалъ что зналъ и какъ умѣлъ. Господу дѣйствовать не трудно черезъ кого онъ восхощетъ,—ничего не дерзаю относить къ себѣ, а все къ его преблагой и всемогущей волѣ!.... Сердца двухъ семействъ тронулись, они пожелали принять христіанство; я утверждалъ ихъ, какъ внушалъ мнѣ Богъ; потомъ донесъ начальству о ихъ намѣреніи, всѣ приняли самое живое участіе и вскорѣ, послѣ наставленій служителя алтаря, одно семейство было окрещено въ приходской церкви г. Кубы. Глава другаго семейства имѣлъ очень богатыхъ родителей и родню не далеко отъ Кубы; узнавъ о его желаніи креститься, они вооружились всѣми средствами, чтобъ воспрепятствовать; но ни убѣжденія, ни застращиванья, ни предложеніе значительныхъ суммъ не могли поколебать благой рѣшимости этого человѣка; онъ былъ нареченъ въ св. Крещеніи Николаемъ.

Очень нерѣдко слышалъ я, въ Петербургѣ, отъ разныхъ молодыхъ пѣтушковъ, считающихъ себя препремудрыми и окончательно порѣшившихъ дѣло со всякою вѣрой:—«знаемъ мы, какъ вы тамъ обращаете и крестите!» — Ну, какъ же имъ-то чего нибудь не знать?!... Не для нихъ, стало быть, а для тѣхъ, которые могутъ иногда и не знать того или другаго, привожу примѣръ съ женою этого Николая.—Она съ сыномъ тоже желала креститься; но родственники, уже выпустивъ изъ рукъ мужа ея, нагрянули въ Кубу, въ намѣреніи дѣйствовать навѣрнякъ, во что бы то ни стало; всѣми возможными способами они отклоняли ее, а кому слѣдовало, показали туго набитые кошельки свои. Переводчикомъ,— котораго родственники хорошо подготовили, — допросъ былъ произведенъ со всевозможными угрозами, и торжествующая родня тріумфально отвезла ее съ сыномъ назадъ. Но черезъ двѣ недѣли женщина эта, тайно ускользнувъ отъ попечительныхъ родныхъ, явилась объявить начальству истину дѣла; была спрошена въ судѣ, неподкупленными переводчиками, и окрещена въ Штабѣ казачьяго полка, въ Карачаѣ, полковникомъ и его женою.

Само собою разумѣется, что окрещеннымъ жить между Мусульманами жутко; эти люди вездѣ, болѣе нежели кто либо, требуютъ

зоркой охраны и внимательнаго попеченія. Первое семейство, уроженцы дальныхъ мѣстъ, были благодушно снабжены всѣмъ необходимымъ отъ начальствующихъ лицъ и поселились близъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Николай же былъ опредѣленъ, на небольшое жалованье (кажется, не болѣе 6 руб. въ мѣсяцъ), при собственномъ содержаніи и квартирѣ, десятникомъ къ городскимъ Присутственнымъ мѣстамъ.

Примѣры эти дѣйствовали,—очень много людей начали приходить ко мнѣ, заявляя желаніе просвѣтиться Православною Христовой Вѣрой. Тогда начальство признало нужнымъ объявить мнѣ, чтобъ я этимъ никакъ не занимался болѣе, не испросивъ на то соизволенія Екзарха Грузіи; а ему угодно было назначить меня причетникомъ къ городской церкви.—Это было послѣ четырехъ мѣсяцевъ пребыванія моего на Кавказѣ. Строгое приказаніе не только не склонять никого, но и никакимъ способомъ не дѣйствовать въ этомъ отношеніи, мнѣ было повторено, съ слѣдующими внушеніями,—которыя я, разумѣется, обязанъ былъ только принять, не обсуждая ихъ важности и значенія:—«такъ какъ я инокъ, то обращеніе и проповѣданіе вовсе не относятся къ моему назначенію;—что жизнь моя подвергается опасности, отъ ожесточенія противъ меня Мусульманъ;—что могутъ произойти волненія и безпорядки;—что Шамиль взятъ, Кавказъ покоренъ, и нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что Русское Правительство приметъ мѣры болѣе положительныя для распространенія въ краѣ Христіанства.»—Я насильно никого тянуть не могъ, и хотя не былъ въ состояніи ясно уразумѣть, почему такъ боятся именно тогда, когда и Шамиль взятъ и Кавказъ покоренъ? и почему, при какихъ бы то ни было широкихъ и положительныхъ мѣрахъ, и я не могъ быть употребленъ, какъ крупица муки въ огромной квашнѣ?.... Но я имѣлъ полное право отнесть мое непониманіе прямо на счетъ моего невѣжества и необразованности. Все же я горячо благодарилъ Господа, что мнѣ дано было, Его благостью, содѣйствовать извлеченію хотя нѣсколькихъ душъ изъ бездны лжи и гибели, въ спасительный свѣтъ Православія!—Слава Тебѣ Боже!

Каюсь передъ цѣлымъ свѣтомъ откровенно,—я не могъ тотчасъ успокоить своего пыла, мнѣ хотѣлось помочь по крайней мѣрѣ новокрещеннымъ и тѣмъ, которые уже заявили твердое намѣреніе принять Христіанскую Вѣру. Николай съ женою и ребенкомъ не имѣлъ чѣмъ кормиться, было мѣсто при базарѣ; но на этого новаго брата-православнаго братья не только не обратили никакого вниманія, а еще отняли отъ него и ту должность. Иные, передъ которыми я настаивалъ, отвѣчали мнѣ очень серьозно:—«да вѣдь онъ былъ въ довольствѣ, зачѣмъ же, дуракъ, вздумалъ креститься?» —Необразованность моя такова, что я этихъ словъ не понимаю даже и теперь.—При другихъ представленныхъ мною,—и по моему понятію ясныхъ, какъ свѣтъ Божій,—соображеніяхъ, о положеніи новыхъ христіанъ между мухаметанами, начальство въ Дербентѣ было до того снисходительно, что лично объяснило мнѣ:—«что я хлопочу совершенно попусту и напрасно безпокою его; — что всѣ эти люди крестятся вовсе не по убѣжденію; — что для начальства всѣ исповѣданія (будто-бы?!) одинаковы, лишь бы люди были смирны и вели себя честно.»—На скромное мое замѣчаніе, что мнѣ трудно теперь и понять: для чего и какія правительство собирается, — какъ мнѣ было сказано, — принять дѣятельныя мѣры къ распространенію въ краѣ христіанства, если всѣ крестятся не по убѣжденію? и что по нашей, истинной, откровенной вѣрѣ, извѣстно, что для Бога не всѣ исповѣданія равны; а честность мусульманская, какъ всѣ знаютъ, во многомъ далеко не сходна съ христіанскою?... Но за эти необразованныя замѣчанія мои, начальство, видя, что я просто невѣжда, устранило меня отъ себя... Я понялъ, что вѣрно сказалъ страшную глупость!...

Вскорѣ послѣ сего я былъ вытребованъ Екзархомъ Грузіи въ Тифлисъ.

IX.

Выѣхавъ изъ Кубы, съ малолѣтнымъ племянникомъ моимъ Абдіей, въ первыхъ числахъ Сентября 1860 года; я такъ сильно

заболѣлъ лихарадкой, что долженъ былъ остаться въ г. Баку. Тутъ я нашелъ истиннаго благодѣтеля въ полковникѣ Паскинѣ; онъ не только доставилъ мнѣ медицинскія пособія, но и самъ посѣщалъ меня. Оправясь, я пустился далѣе и прибылъ въ Шемаху въ то самое время, когда чрезъ нее проѣзжалъ военный губернаторъ, кн. Тарханъ-Моуравовъ. Видя мое разслабленіе, онъ приказалъ мнѣ отдохнуть нѣсколько дней, и послѣ самъ милостиво отправилъ меня въ путь. На дорогѣ я встрѣтилъ ѣхавшаго въ Тифлисъ кап., кн. Карганова, который взялъ меня съ собой, а въ Тифлисѣ предложилъ мнѣ помѣщеніе въ своей квартирѣ.—Такъ христіански снисходительны и добры были ко мнѣ всѣ военные начальники, съ которыми я имѣлъ счастіе встрѣтиться (*).

На другой день по пріѣздѣ, выйдя для необходимыхъ покупокъ, я увидѣлъ Экзарха, ѣхавшаго освящать церковь за городомъ; когда же узналъ о его возвращеніи, тотчасъ явился къ нему съ моимъ племянникомъ.

Принявъ благословеніе отъ его Преосвященства, на вопросъ,— за чѣмъ я отлучился отъ Церкви, при которой состоялъ Причетникомъ? и собиралъ въ Темиръ - Ханъ - Шурѣ деньги на построеніе монастыря?—

Владыко! отвѣчалъ я, — на монастырь собирать я не имѣлъ и мысли, я пошелъ, по совѣту священника въ Кубѣ, просить пособія у окружнаго начальника кн. Мелихова, для новокрещенныхъ, которые остались безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Экзархъ объявилъ, что не хочетъ болѣе держать меня въ своей эпархіи и сожалѣетъ, что принялъ, такъ какъ и изъ Ставрополя

(*) Никогда не изгладится изъ моего сердца глубочайшая благодарность благодѣтелямъ моимъ: кн. К. Д. Тарханову; кн. Мелихову, кн. Журжази, вице губ. бакинскому, П. Д. Полозову, ген. Х. Ѳ. Крузенштерну, полк. В. В. Домонтовичу, П. П. Кононовичу и многимъ др., за ихъ милостивое вниманіе, за благодѣтельныя пособія и ободренія новокрещенныхъ, за исходатайствованіе мнѣ пенсіи, поддержаніе меня, за все христіанское добро, на которое они всегда готовы.—Господь да наградитъ ихъ!

были уже свѣдѣнія, будто купечество таскало меня тамъ изъ дома въ домъ и я всегда возвращался нетрезвый. Архіерей далъ мнѣ туда паспортъ для пріисканія пустыннаго монастыря, единственно изъ уваженія къ моей крестной матери, а если и теперь съ меня не снимаются клобукъ и рясу, то это для того лишь, чтобъ не возбудить удивленія и вопросовъ со стороны татаръ. Но какъ они не пьютъ, а я пьянствую, то чтобъ не быть здѣсь долѣе предметомъ соблазна, я долженъ, не медля, отправиться въ Россію.

Вспомнивъ о томъ, что по поводу моихъ ходатайствъ было мнѣ самому говорено дербентскимъ начальствомъ, я нисколько не удивился о подобныхъ свѣдѣніяхъ и такомъ расположеніи ко мнѣ внушенныхъ Экзарху; не менѣе того я не удержался отвѣчать.

Я объяснилъ Владыкѣ, что пришелъ сюда, съ противоположнаго конца Россіи, единственно для приведенія моихъ родственниковъ, магометанъ, въ свѣтъ Христіанской вѣры, если на то благоволитъ Господь, благоволившій и меня вывесть, истинно чудными путями, изъ тьмы магометанства! Свидѣтельствуюсь Самимъ Богомъ, что много наговорено на меня несправедливо! Въ Россіи я былъ очень долго и извѣстенъ тамъ весьма многимъ и высокимъ лицамъ. — Какъ величайшій грѣшникъ, взысканный величайшими милостями Господа, я прибылъ сюда для принесенія плодовъ покаянія на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ разбойникомъ и гонителемъ Христа. Ставъ христіаниномъ, я много плакалъ и молился Богу, и безъ Его Святой воли конечно никакъ не могъ бы добраться сюда чрезъ всю Россію, безъ всякихъ средствъ; не могъ бы явиться въ родномъ аулѣ, въ горахъ, посреди фанатиковъ, учителей мусульманскихъ и толпы народа ненавидящаго христіанство; я не могъ бы, громко, на ихъ собственномъ языкѣ обличить ложь и мерзость магометанской вѣры, воздавать хвалу истинному Богу, прославлять ученіе православія и обратить къ нему, милосердіемъ Господа, нѣсколько душъ!—Вотъ, Владыко, мой племянникъ, онъ тоже желаетъ принять Св. Крещеніе; прикажите, опредѣлите его въ семинарію.

Экзархъ, пока не согласился на это, а совѣтовалъ, чтобъ я

немедлилъ опять отправиться въ Россію, гдѣ могу отдать племянника кому нибудь въ работу, за прокормленіе.

Обдумавъ дѣло, я на другой же день подалъ прошеніе, въ которомъ объяснилъ:—что въ Россію ѣхать не желаю, и если иначе нельзя, то рѣшаюсь обратиться въ первобытное состояніе, ибо хочу непремѣнно остаться на родинѣ. Я знаю, что клобукъ и ряса меня не спасутъ, но что вѣра и дѣла добрыя, если Богъ благословитъ ихъ, могутъ спасти мою душу.

На запросъ у начальства Кубы и тѣхъ мѣстъ, гдѣ я былъ, Экзарху отвѣчали, что меня принять очень опасно, потому что, живя въ населеніи татарскомъ, я могу быть удобно склоненъ къ переходу опять въ мусульманство!....

Эта внезапная заботливость о моей душѣ и о православіи, не могла не порадовать меня, такъ какъ я еще очень недавно слышалъ, что всѣ исповѣданія равны, что магометанинъ, жидъ и православный для многихъ—равнодушныхъ христіанъ одно и то же, лишь-бы жили честно и смирно.

Я былъ оставленъ въ домѣ Экзарха.

Въ это время прибылъ въ Тифлисъ намѣстникъ Кавказскій, и, вѣроятно, по дошедшимъ до его свѣдѣнія слухамъ, мнѣ приказано было явиться къ нему. Экзархъ позвалъ меня, и видя что я безъ рясы (въ подрясникѣ), спросилъ: зачѣмъ тебя требуютъ къ намѣстнику? Начальство что-то доносило о тебѣ; ты и здѣсь вѣрно бродишь по домамъ, собираешь деньги, забывъ, что это не Куба и не Темиръ-Ханъ-Шура.

Пусть укажутъ, Владыко,—отвѣчалъ я,—одинъ домъ или одного человѣка, у котораго бы я просилъ денегъ; мнѣ предлагалъ ихъ самъ г. Крузенштернъ, но я не взялъ, потому что имѣю еще несколько рублей.

— Гдѣ твоя ряса? Ты продалъ ее? — Нѣтъ еще. — Ну, такъ одѣнься; ступай къ намѣстнику; послѣ донесешь мнѣ, зачѣмъ ты былъ требованъ.

Я отправился на другой день, и былъ введенъ въ кабинетъ намѣстника, когда онъ кончилъ свои занятія. — «Здравствуй

о. Александръ,—сказалъ онъ мнѣ ласково,—мнѣ много говорили о васъ въ Петербургѣ, слышалъ я и здѣсь о смѣлой ревности вашей; но Экзархъ сказывалъ, что вы хотите оставить монашество; не думаю, чтобы это было хорошо, не наказалъ бы васъ Богъ? Я знаю, что вы не имѣете средствъ, я назначилъ вамъ 150 р. пенсіи и могу, въ случаѣ нужды, еще прибавить.

Ваше сіятельство!—отвѣчалъ я,—благодѣянія вашего я недостоинъ; оно велико, потому что я могу помогать имъ и другимъ, перешедшимъ въ православіе. Монашество я хотѣлъ оставить не по желанію, а по принужденію;—не лишите меня возможности остаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я долженъ не только каяться въ моихъ преступленіяхъ, но и увѣщевать моихъ родныхъ и близкихъ обратиться, изъ погибели магометанской, къ свѣту и спасенію, въ лонѣ Православной Церкви.

— Объ этомъ нужно будетъ сообразить,—сказалъ мнѣ намѣстникъ;—я еще увижу васъ.

Экзархъ разрѣшилъ мнѣ остаться при домѣ, гдѣ на меня было возложено послушаніе келейничества при духовникѣ, и работы по двору и дому.

Въ простенькомъ моемъ помѣщеніи меня посѣщали новокрещенцы, которыхъ я отучалъ отъ мусульманской привычки наѣдаться, угощая ихъ оборышами съ тарелокъ отъ трапезы. Племянникъ мой былъ окрещенъ, названъ Григоріемъ и опредѣленъ въ семинарію.—И прославилъ я Бога моего, что онъ дозволилъ мнѣ ввесть въ православный полкъ воина изъ моего рода и племени!

Около мая 1861 г. прибылъ въ Тифлисъ бакинскій губернаторъ, онъ предлагалъ мнѣ идти въ монастырь, расположенный въ его имѣніи; Экзархъ былъ того-же мнѣнія. — Сильно занявшись этою мыслію, волнуемый сомнѣніемъ согласиться или нѣтъ, будетъ ли польза, нѣтъ-ли тутъ искушенія и т. п.? Я въ туже ночь видѣлъ сонъ, до того знаменательный, что я тотчасъ передалъ о немъ духовному.—Онъ не совѣтовалъ мнѣ идти въ Грузинскій монастырь, а лучше отправиться въ Россію, какъ мнѣ было предложено прежде.—«Кто знаетъ, не все-ли ты сдѣлалъ уже здѣсь,—до вре-

«мени ни намъ никому неизвѣстнаго, — что было угодно Богу, «чрезъ тебя недостойнаго совершить? Извлеченіе и одной души изъ «гибели мусульманства, для любви Божіей, есть дѣло великое, — «говорилъ мнѣ духовникъ.—Разсуждай, чадо, кротко; нужно знать, «рубежъ всего; разныя затрудненія не ясно-ли свидѣтельствуютъ, «что не все то, что ты, по ревности своей, считаешь непремѣнно «тотчасъ нужнымъ, точно и нужно..... Дѣйствуй въ разумѣ и въ «смиреніи; не добивайся насиловать припятствій, своею волею и «силой; предъ волей Божіей всѣ припятствія сами исчезнутъ, какъ «дымъ, какъ бы ни были велики, и отъ кого они бы ни шли.»

Я подалъ преосвященнѣйшему Экзарху прошеніе, получилъ дозволеніе и выѣхалъ изъ Тифлиса въ концѣ мая, оставивъ племянника въ семинаріи. —Экзархъ сначала не совѣтовалъ мнѣ быть въ Кубѣ; но когда я объяснилъ ему, что оставилъ тамъ новокрещенцевъ, которыхъ обѣщалъ посѣтить, что они терпятъ великую нужду, а я обязанъ утѣшить ихъ, подкрѣпить и помочь имъ, тогда онъ самъ пожаловалъ мнѣ нѣсколько денегъ и благословилъ меня въ путь иконою Св. Николая Чудотворца.

Въ Кубѣ я пробылъ болѣе мѣсяца, ходилъ оттуда въ сосѣдніе аулы прощаться съ знакомыми, но не возобновлялъ преній; муллы безъ меня сильно подустили народъ: «берегитесь его,— говорили они, — не успѣете оглянуться, какъ онъ обратитъ кого нибудь въ Христіанство!»

По требованію бакинскаго губернатора князя Тарханова я вернулся 250 вер. назадъ, въ Баку, гдѣ меня обласкали какъ онъ, такъ и вице-губернаторъ П. Д. Полозовъ, и совѣтовали разумно хлопотать въ Петербургѣ о полезномъ намѣреніи моемъ, по ихъ мнѣнію для страны весьма желательномъ. Они обнадеживали, что успѣхъ въ свое время будетъ; дали мнѣ письмо къ митрополиту с.-петербургскому и на свой счетъ отправили меня на пароходѣ до Астрахани, — куда я прибылъ въ августѣ.

Тутъ я представился высокопреосвященному Аѳанасію, который, узнавъ мое происхожденіе и главныя черты моей жизни и послѣдняго посѣщенія мною Кавказа, похвалилъ мою цѣль; не велѣлъ

покидать намѣренія, снабдилъ меня мудрыми архипастырскими наставленіями, благословилъ и сказалъ между прочимъ:—«Ты проси Всемилостивѣйшаго Государя Императора, смиренно, чрезъ кого слѣдуетъ. Напомни, что Царь Іоаннъ Грозный, покоривъ Казань и Астрахань, устроилъ монастыри во имя Св. Іоанна Крестителя въ Астрахани и Казани, и что тверды остались на вѣчно царства эти; такъ, можетъ быть, и покоритель Кавказа, благополучно царствующій Императоръ, пожелаетъ устроить на Кавказѣ монастырь во имя Св. Александра Невскаго. Я же, какъ Архіерей, съ прочими, съ своей стороны, буду, по силамъ, помощникомъ этому благому дѣлу.»

Вотъ какъ, нежданно и не желая того, я былъ возвращенъ въ Петербургъ, видимо направленный тою волею, которая вывела меня изъ него, и привела на Кавказъ,—внѣ всякой надежды и возможности исполнить это желанное во всю мою жизнь дѣло!— Но воля эта есть та Воля, безъ которой мы не можемъ «творити ни чесо же!»—За все слава, благодареніе и поклоненіе Господу!!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Когда я прибылъ въ Петербургъ, первоначально, какъ кажется, возымѣли мысль помѣстить меня въ миссіонерскую академію, объ учрежденіи которой было говорено много и долго. — Кто знаетъ? можетъ быть изъ меня, пятидесяти-лѣтняго ученика, и сдѣлали-бы тамъ полуученаго, пожалуй даже краснорѣчиваго проповѣдника; — извѣстно, что мы, Азіятцы, по природѣ нашего воображенія, не ударилъ лицомъ въ грязь по части цвѣтовъ краснорѣчія. Но по этому-ли, или потому, что изъ меня ровно ничего не вышло-бы ни въ какой академіи, послѣ практическаго тридцати-лѣтняго, ломящаго курса такой жизни, о которой въ академіяхъ никакому профессору и ученику никогда не можетъ и присниться, только видно Богъ судилъ остаться мнѣ такимъ же невѣждой, какимъ я

былъ и пребываю. Съ тѣмъ же неученымъ пыломъ искренной вѣры въ сердцѣ моемъ, — съ тѣмъ же неудержимымъ желаніемъ окончить мою жизнь покаянно на родинѣ моей,—найти тамъ, въ гнѣздѣ мусульманства, уголокъ, ущелье, пустыньку, откуда-бы неслась къ Богу истинному молитва о братьяхъ, погруженныхъ въ тьму лжи; гдѣ, можетъ быть, совершалась-бы ежедневно безкровная, спасительная, все-освящающая жертва;—гдѣ поминались-бы постоянно души бесчисленныхъ, благородныхъ воиновъ православія, усырившихъ Кавказъ своею кровью, засыпавшихъ его своими костями;—куда спѣшилъ-бы безбѣдно, какъ въ отцовскій домъ, всякій, въ душевную дверь котораго постучалась-бы благодать; — откуда вышли-бы лучшіе для Кавказа,—дерзаю сказать прямо, предъ лицомъ академій всего міра,—лучшіе, до смерти смѣлые, до муки вѣрущіе, практическіе проповѣдники православія, между людей ихъ отечества, ихъ рода, ихъ крови.

Я не могъ не разумѣть, что во всемъ случившемся былъ мнѣ преподанъ Господомъ новый, благій урокъ смиренія. Я терпѣливо и смиренно ждалъ, что̀ будетъ, не оставляя, по легоньку, дѣлать что подобало: объяснять, склонять, говорить, всѣмъ кому было можно и многимъ значительнымъ и сильнымъ лицамъ.

Въ Петербургѣ я вновь представился благодѣтелю моему намѣстнику Кавказскому, кн. Барятинскому; онъ былъ уже весьма болѣнъ, близокъ къ отъѣзду за границу и сказалъ мнѣ, что не можетъ заняться этимъ дѣломъ.

Время текло своимъ порядкомъ; воля Божія совершала свое благое промышленіе.... На Кавказъ былъ назначенъ новый главнокомандующій, Его Императорское Высочество, соименникъ Великаго Архистратига небесныхъ силъ.—Я осмѣлился и Ему открыть мое сердце, кратко передать цѣль стремленій всей моей жизни со вступленія въ христіанство, упомянуть даже о мѣстѣ, гдѣ, въ упраздненномъ штабѣ войскъ, есть впустѣ стоящія постройки, свободная земля, рыболовство, всѣ угодья, необходимыя для начальной обители.—Само собою понимается, что дѣло этого рода можетъ быть рѣшено не за многія тысячи верстъ, а на самомъ мѣстѣ.

Его Высочество дозволилъ мнѣ ѣхать на Кавказъ.

Благодарю тебя, Боже Великій и Премилосердый къ людямъ Твоимъ! Снова выводишь ты меня на родину мою.... Да будетъ же тамъ,—какъ и вездѣ, со мною,—какъ и со всѣми, Святая воля Твоя!

Завтра ѣду.

Чѣмъ кончится моя жизнь?.... Молюся Тебѣ, Господи: да кончу я ее во славу Твою и—славя Тебя!

ШАКСЕЙ (по персид. Катель).

Праздникъ персіянъ, живущихъ на Кавказѣ.

Я былъ въ Шемахѣ по дѣлу съ однимъ изъ новокрещенныхъ семействъ (1859 г.) и попалъ на самый праздникъ магометанъ секты Шаи, установленный въ память убіенія Ассана и Юсена, внуковъ Мухамета, отъ его дочери Фатимы и мужа ея Алли. — Ни я, ни новокрещенцы никогда не видали этого религіознаго обряда. Онъ былъ новымъ возбудителемъ въ душахъ нашихъ того отвращенія и глубочайшей скорби, которыя проникаютъ человѣка, близко знакомящагося съ магометанскимъ закономъ и всѣми чудовищными послѣдствіями этого дьявольскаго ученія.

Празднеству посвящается десять дней; въ первый день толпа мальчиковъ и юношей, отъ 10 до 20 лѣтъ, вечеромъ собирается на мейданъ (площадь), гдѣ воткнуто множество столбовъ съ навязанными на ихъ верьхи пуками тряпокъ, обливаемыхъ нефтью и зажигаемыхъ; что освѣщаетъ всю площадь необычайнымъ образомъ. Ухватясь лѣвою рукою за поясъ стоящаго впереди, а въ правой держа кто короткую палку, кто кинжалъ, мальчики составляютъ кругъ и бѣшено скачутъ и кричатъ во все горло: — «Алли, Вяли Агамъ Али Шаксей Ваксей Ассанъ Юсенъ (похвала владыкѣ, господину)».—Двое между тѣмъ ударяютъ въ турецкій барабанъ и мѣдныя тарелки. Это продолжается каждый день съ 7-ми часовъ вечера до 2-хъ утра. Со дня-на-день дѣло разгорается болѣе, а мозгъ и кровь дьявольски закипаютъ и зрѣлище становится гнуснѣе. Къ мальчикамъ присоединяются возмужалые и наконецъ старики; они скачутъ истинно какъ демоны, орутъ тѣ же слова и съ непостижимымъ остервененіемъ бьютъ себя кулаками въ обнажен-

ную грудь, а по головѣ кинжалами; тѣло тотчасъ страшно вспухаетъ, багровѣетъ, покрывается ранами и заливается кровью. Это повторяется восемь дней;—два послѣдніе должны изображать убіеніе Ассана и Юсена. Кровли домовъ сплошь занимаются тогда мусульманскими женщинами и дѣвушками, великими любительницами этого зрѣлища, сопровождаемаго ими голосеньемъ и неудержимымъ рыданьемъ.

Я видѣлъ этотъ самый праздникъ и въ Кубѣ, гдѣ онъ происходитъ точно также. Чтобъ дать понятіе о неистовствѣ крика фанатиковъ, достаточно сказать, что онъ всегда бываетъ слышенъ живущими за шесть верстъ! Въ два послѣдніе дня дѣйствователи, съ ревомъ ударяя себя въ грудь кулаками и кинжалами по головамъ, въ усиленной ярости обнажаются до пояса и захлестываютъ себя, со всего размаха руки, мѣдными цѣпями, такъ что вскорѣ все тѣло обращается въ кровавую рубленую печенку. Многіе непонятно долго выдерживаютъ это невыразимо-отвратительное истязаніе; потомъ падаютъ за-мертво въ лужи дымящейся крови и издыхаютъ въ ужасающихъ конвульсіяхъ!..... Этого мало, для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія и чтобъ отличиться ревностью, являются охотники, которые приказываютъ прорѣзывать себѣ на спинѣ пояса, будто изъ чужой кожи, и затыкаютъ за нихъ по два ружейные ствола, притягивая ихъ приклады привязью къ шеѣ..... Все это происходитъ вокругъ возвышенія, убраннаго разными драгоцѣнностями, приносимыми отъ мусульманъ обоего пола, золотомъ, серебромъ, парчами, сосудами, украшеніями и пр. и пр. На возвышеніи лежитъ персіянинъ, изображающій убитаго Юсена; кругомъ сидятъ женщины, дѣвушки и мальчики; первыя на-взрыдъ плачутъ, а послѣдніе читаютъ Алкоранъ. Другой персіянинъ, зашитый въ кожу тигра съ головы до ногъ, подражая реву и прыжкамъ этого звѣря, на четвереньках, разгребаетъ нарочно наваленныя кучи опилокъ и взметаетъ на воздухъ, какъ будто оплакивая въ ярости, по своему, убіеннаго Юсена.

Принадлежа не къ страшливому десятку, но съ глубокимъ омерзеніемъ видѣвъ ужасы эти, я рѣшился объяснить несчастнымъ всю

скотскую глупость, всю отвратительность звѣрства подобныхъ праздниковъ, будто-бы вѣры. Обратясь сперва къ стоявшимъ вблизи, я просилъ ихъ растолковать мнѣ, что же можетъ значить и къ чему можетъ быть полезно такое терзаніе тѣла, превосходящее всякое воображеніе человѣка и все, что могутъ между собою совершать въ лѣсахъ взбѣсившіеся тигры и шакалы?

Они самоувѣренно отвѣчали мнѣ, что кричатъ, скачутъ, бьютъ себя, рѣжутъ тѣло и проливаютъ кровь, въ сильнѣйшее свидѣтельство и въ жертву хвалы и сожалѣнія объ убіеніи Ассана и Юсена, души которыхъ взяты на небо къ самому Мухамету; а что по сему и умирающіе за нихъ на этомъ праздникѣ признаются святыми и непремѣнно тотчасъ же берутся къ нимъ на небо.—Ты самъ былъ мусульманиномъ,—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ улыбаясь,—какъ же ты не знаешь этого?

Изверги! звѣри! — закричалъ я смѣло на всю площадь; — знаю! такъ же хорошо знаю я гнусный законъ вашего лжепророка, какъ ясно вижу ваше бѣдственное безуміе и кровожадное бѣшенство!.... Посмотрите, сколько тутъ избитыхъ братій и дѣтей вашихъ валяются какъ скоты, истерзанные дикими звѣрями?.... Какъ же вы не разумѣете, что и Мухаметъ, научившій васъ, и вы, его послѣдователи, люди, а не звѣри, и что непремѣнно должны за это вѣчно мучиться въ геенне, куда діяволы свергли душу его, и его племянниковъ, куда влекутъ и убитыхъ вами здѣсь и повлекутъ всѣхъ васъ, ими одураченныхъ и погубленныхъ, на вѣчную казнь!... Не я говорю вамъ это, бѣшеные безумцы! Убойтесь самого Господа Бога! образумьтесь, примите христіанскую вѣру, креститесь, вы только тогда уразумѣете, чего не можете и понять теперь, ослѣпленные въ умѣ и чувствахъ!.... Христосъ силенъ простить и спасти и васъ! Если же нѣтъ, то великій Богъ нашъ.....

Увлеченный жаромъ негодованія и сожалѣнія, я поднялъ руку и взглянулъ кругомъ..... Звѣри эти, опьяненные кровью, не боявшіеся терзанія и смерти, до того испугались произнесеннаго мною имени Христа, что, отходя втихомолку отъ мѣста, гдѣ мы говорили, къ окраинамъ площади, оставили меня тутъ одного....

Что и кто, кромѣ Самого Господа, можетъ обратить этихъ несчастныхъ?.... Къ чему, однакоже, смѣю спросить, существуетъ на свѣтѣ такъ называемое просвѣщеніе со всѣми его многодѣльными и многостоющими устройствами?....

Я тоже пошелъ черезъ площадь домой въ великой скорби, — никѣмъ изъ нихъ не потревоженный въ пути.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
На 109	11 снизу	пусь	пусть
— —	1 —	до пустынаго	до пустыннаго
— 110	16 сверху	ев ято,	свято,
— —	15 снизу	его;	Его;
— 111	3 сверху	онъ,	Онъ,
— —	11 снизу	болѣе что	болѣе, что
— 112	4 —	и, во истинну	и, во истинну,
— 115	10 снизу	неизглаго леннаго	неизглаголаннаго
— 116	8 —	совѣтник хъ	совѣтникахъ
— 117	2 —	не зн емъ?»—	не знаемъ?»—
— 119	17 сверху	аходилъ	заходилъ
— 120	11 —	благословенъ	благословленъ
— —	17 —	Бо у	Богу
— 125	3 —	братьею	братіею
— —	9 и 10 —	рясоф рнаго	рясофорнаго
— —	10 —	д ма!	дома!
— 140	12 снизу	онъ	Онъ
— 141	8 сверху	неизрѣченная	неизреченная
— 142	15 снизу	не остался	не осталось
— 144	15 —	коворнымъ	коварнымъ
— 144	9 —	невиннаго	оскорбляютъ невиннаго;
— 150	8 сверху	слава	слова
— 151	17 —	офицемы,—	офицеры,—

16 Ap '09

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Nov. 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 013 987 435 3